смир 33 бибилова

Ровесник

1/68

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: лауреат Международного фестиваля молодежной песни в Сочи Герхард Нееф, получивший приз журнала «Ровесник» за исполнение песни об Октябрьской революции.

ЯНВАРЬ № 1 (67) 1968 г.
ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ТОВАРИЩ

Начался год, и, как всегда, журнал приглашает тебя на новогодний разговор. Тема обычная: «Ровесник» и 12 его ближайших номеров. Порядок тоже традиционный: первое слово редакции для рассказа о новых замыслах и поисках. Но перед этим короткое отступление для тех, кто только что влился в число ровесниковцев.

Нашему журналу в июле будет шесть лет. Это 67-й его номер, и, как все предыдущие, он посвящен жизни молодежи в других странах, проблемам молодого поколения мира, борьбе прогрессивных молодежных организаций за счастье всего человечества.

Молодое поколение Земли — это огромная армия из сотен миллионов людей. Условия жизни этих миллионов, их духовный облик далеко не одинаковы. Прошлое и настоящее накладывают свой отпечаток на каждого молодого человека. Социальные и экономические факторы, национальные традиции, образование, поток информации постоянно влияют на молодежь, изменяя ее лицо. Много сложных вопросов возникает сразу, как только речь заходит о характеристике юности мира. Для того чтобы разобраться в них, «Ровесник» стремится предоставить свои страницы тем, кто может внести крупицы истинных знаний в общую копилку социального анализа. Нынешний год станет очередной вехой наших совместных исследований. В каком направлении они будут проводиться, и пойдет сейчас речь.

Самое главное — это замечательный праздник советского юношества — 50-летие Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Да, в октябре комсомолу пятьдесят! И об этом помнят и думают не только у нас в стране, но и во всем мире, потому что деятельность ВЛКСМ, его роль и влияние имеют немаловажное международное значение, отражаются в сотнях событий на всей планете. В связи с юбилеем «Ровесник» намечает публикацию большой группы материалов, распределенных по разным рубрикам и разделам.

Рубрика «50» есть уже в этом номере. Известные зарубежные общественные деятели делятся своими воспоминаниями о той глубокой и разносторонней работе с молодежью, которую вели большевики задолго до Октябрьской революции, до создания первых юношеских коммунистических союзов. В центре этой работы — великий пролетарский вождь В. И. Ленин, человек, не просто любивший и понимавший молодежь, но и практически в течение всей жизни отдававший ей свои силы и знания.

В «Ровеснике» будут напечатаны рассказы и о более поздних временах: годы первой мировой войны, рождение и деятельность КИМа, международные контакты комсомола в 20-е и 30-е годы, антифашистское молодежное движение.

Редакция считает, что было бы правильным также выйти за рамки исторических тем и в связи с юбилеем остановить внимание на проблемах нынешнего дня. Готовятся материалы о сегодняшней международной деятельности комсомола, об участии советской молодежи в работе ВФДМ и МСС, о том, как используется опыт нашего воспитания молодого поколения в других странах.

Такую трудную часть журнала редколлегия не решилась вести самостоятельно. Поэтому создан общественный совет «Ровесника», в который вошли люди, носившие у своего сердца первые комсомольские билеты и до сих пор сохранившие юношескую увлеченность и активность.

Совет подсказал ряд интересных возможностей. По его рекомендации собирается «Хроника боевого прошлого», разрабатывается тема «Что дала молодежи Советская власть», готовятся очерки о героях-комсомольцах. Думаем, что все наметки не удастся осуществить в 1968 году и они станут основой для нового постоянного раздела нашего журнала на более долгий период.

Теснейшим образом сплетена с подготовкой к юбилею и еще одна идея, осуществление которой мы скоро надеемся начать. Но тут нам нужна ваша помощь.

В стране действуют тысячи клубов интернациональной дружбы молодежи. Объединенная вокруг них юность стремится внести по-

ЧИТАТЕЛЬ!

сильную лепту в дело солидарности передовой молодежи. Клубы поддерживают постоянные отношения с зарубежными молодежными организациями, получают письма от многочисленных адресатов, создают музеи дружбы, посылают своих членов в заграничные поездки. Некоторые из этих клубов уже накопили богатый опыт и содержательную информацию о жизни наших ровесников за рубежом. Настало время, когда все эти ценности должны стать достоянием максимально широкого круга молодых людей. Редакция предлагает создать на страницах журнала «Радар КИДа» — раздел, в котором будет отражена многогранная деятельность клубов. Раздел может стать очень интересным, если читатели примут в нем активное участие, пришлют сообщения о деятельности клубов, копии писем, документы, фотографии, рисунки, свои стихи и песни. В течение года редакция предложит несколько тем для совместных исследований, подготовит и опубликует присланные вами материалы, поможет в связях с зарубежными молодежными объединениями. Для начала «Ровесник» предлагает знакомство с октябрьскими клубами молодежи ГДР. Вы прочтете о них во втором номере 1968-го.

«Радар КИДа» открывает больше простора для читательской инициативы в журнале. Но это не единственная форма наших общих действий. На страницах 12 и 13 этого номера вы увидите первую серию фотографий клуба 13 × 18, на страницах 18 и 19 продолжает работу отдел «Отвечаем на все вопросы». На странице 24 новая группа заданий «Школы точной мысли», там же объявления о конкурсах, в которых в течение года примут участие юные шахматисты, художники.

Наше деловое содружество отражают многочисленные письма читателей в «Ровесник». В прошлом году редакция получила около 10 тысяч таких писем. Многие читатели высказывают свое мнение о журнале, предлагают темы, пишут о своих пожеланиях. Ваше внимание радует редакцию, оно создает атмосферу товарищеского взаимодействия, без которой невозможно издавать молодежный орган печати. Значительная часть писем содержит вопросы в редакцию, просьбу о совете, выражение взглядов на текущие события. Обычно мы отвечаем на них через журнал или лично адресатам. Но в последнее время у редакции создается впечатление, что нужно расширить рамки этой работы, ввести в журнале рубрику, специально посвященную анализу редакционной почты, обсуждению содержания некоторых писем. Порой это обсуждение может быть и достаточно острым, но нам кажется, что откровенность — основа любой дружбы, и читатели поймут необходимость такой гласности переписки.

Настойчиво просится на страницы журнала еще одна часть редакционной жизни — это разговоры, которые возникают в редакционных комнатах с авторами, посетителями журнала. В «Ровеснике» бывают очень интересные люди: ученые, зарубежные делегаты и туристы, деятели искусства, комсомольские работники. Часть этих бесед публикуется под рубриками «Интервью «Ровесника», «В гостях у «Ровесника», а некоторые так и остаются известны только сотрудникам редакции. В качестве опыта мы публикуем в этом номере запись одной из таких бесед под заголовком «Разговор в редакции». Она посвящена налоговой системе в капиталистических странах. В последующем публикации не ограничатся только экономическими темами, хотя нам хотелось бы, чтобы «Разговор в редакции» в первое время был посвящен преимущественно этим вопросам.

Наконец, еще об одной актуальной серии этого года. 28 июля в столице Болгарии — Софии откроется IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Подготовка и проведение этого важного события в международном юношеском движении будут отражены в очерках, репортажах, интервью и статьях, публикующихся под специальной фестивальной рубрикой.

На этом заканчивается краткий отчет редакции о будущих 12 номерах журнала. Теперь слово за вами. Ждем ваших писем о планах «Ровесника» и хороших материалов, которые помогут осуществить эти планы в 1968 году.

НЫНЧЕ НАМИ ЗЕМНОЙ ШАР ЗАВЕРЧЕН

Каждый юноша, вступая в жизнь, мечтает своротить горы, переделать мир по-своему. Но как часто первое же столкновение с суровой действительностью разбивает романтизм молодости без следа! Поэтому именно в молодости каждый человек нуждается в мудром наставнике, который помог бы ему закалить волю, воспитать характер, выработать правильное мировоззрение, найти свое место в революционной борьбе. Таким мудрым наставником для юношества всегда была Коммунистическая партия. С самого начала своей деятельности большевистская партия ведет огромную работу по идейно-политическому воспитанию русской пролетарской молодежи. Но как истинные интернационалисты, русские большевики никогда не разграничивали свою молодежь от юношества тех стран, куда их забрасывали трудные дороги эмиграции. В Париже или Женеве, в Кракове или Цюрихе они вели политическую пропаганду, помогали молодым найти верный путь в борьбе за социализм, помогали создать свою революционную организацию. В какой бы стране ни жили большевики, они всегда выступали как организаторы молодежи, стараясь создать единство молодых в международном масштабе.

Яркий пример такого отношения к молодому поколению — деятельность Владимира Ильича Ленина. Один из важных этапов в работе большевиков с молодежью в период эмиграции — годы первой мировой войны. С первых ее дней II Интернационал, подточенный оппортунизмом, потерпел идейно-политический крах. В международном юношеском движении начался разброд. Но все же большинство секций Социалистического интернационала молодежи не поддалось шовинистическому угару и выступило против империалистической войны. Однако даже лучшие представители юношества не видели правильного выхода из создавшегося положения. Программу революционной борьбы против империалистической войны дал молодежи В. И. Ленин. Первым шагом к восстановлению интернациональных связей молодежи стала Бернская международная конференция социалистической молодежи (4—6 апреля 1915 г.). На эту конференцию была направлена большевистская делегация во главе с Инессой Арманд. Большевики стремились сплотить левое крыло пролетарской молодежи под лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую.

В. И. Ленин выступает на съезде Швейцарской социал-демократической партии (4 ноября 1916 г.), на котором присутствовали делегаты революционных молодежных организаций. Первого сентября 1915 года в Швейцарии при содействии В. И. Ленина и при полной поддержке партии начинает выходить журнал «Интернационал молодежи». В. И. Ленин внимательно следит за содержанием журнала, пишет статью «Интернационал молодежи», в которой критически анализирует вышедшие номера и дает важные советы.

За время первой мировой войны вышло одиннадцать номеров журнала, последний номер назывался «Хлеб, мир и свобода», потому что швейцарская буржуазия запретила выход «Интернационала молодежи». Но сразу же после победы революции партия позаботилась о том, чтобы журнал был возобновлен уже в Советской России. Забота партии и Владимира Ильича Ленина о воспитании нового поколения в трудные годы первой мировой войны всегда будет образцом для всех поколений коммунистов.

Этот год для советской молодежи, для всей прогрессивной молодежи мира — особенный. Пятьдесят лет Ленинскому комсомолу. Полувековой путь учебы, борьбы, труда. Для комсомольцев 1968-го работа первого поколения коммунистов-большевиков не далекая история. Их отношение к юношеству, интернационализм всегда будут примером верности идеям марксизма.

В этом номере мы начинаем новый отдел нашего журнала. В нем мы расскажем, как жизнь рабочего парня, молодого крестьянина, студента, в каком бы уголке земного шара он ни жил, освещена деятельностью 23 миллионов комсомольцев Страны Советов. Как сказала национальный секретарь детского движения Франции Кармен Карон на встрече «Молодежь и Октябрь», проходившей в Ленинграде в июле 1967 года: «Для нас, молодых французских коммунистов, ваш опыт и борьба, которую вы ведете каждый день, служат ярким примером и образцом в работе с юношеством».

Наш новый отдел мы начинаем с воспоминаний руководителей международного молодежного движения, которые получили первые уроки «организации, построения, метода и содержания революционной работы» у Владимира Ильича Ленина.

РУССКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

Зигфрид Баматтер (1892—1966 гг.) в социалистическом движении молодежи участвовал с 1915 года. Член Коммунистической партии Швейцарии с 1921 года. В 1919 году как секретарь Социалистического союза молодежи участвовал в работе I конгресса КИМа. В 1921—1925 годах — член Исполкома КИМа. В 1925—1930 годах — инструктор оргтодела Исполкома Коминтерна. В 1930—1932 годах — генеральный секретарь ЦК КП Швейцарии. Затем снова работал в аппарате ИККИ.

Я познакомился с Владимиром Ильичем в Женеве, где он читал в небольшом кружке молодежи доклад о задачах революционной социал-демократии. Позднее, когда я работал в Цюрихе, мне часто приходилось встречаться с Лениным в кружке товарищей, принадлежавших к Циммервальдской левой и собиравшихся в кегель-клубе. В этот кружок Владимир Ильич не только вдохнул жизнь, но и постоянно руководил им. Хотя я тогда еще только короткое время участвовал в социалистическом рабочем движении, я все же целиком попал под влияние этой мощной личности. Первая статья Ленина, которую я прочел и переварил, была «Интернационал и социализм». Эта брошюра постоянно находилась в моем солдатском ранце (я был в то время призван в армию). Нередко случалось, что мы читали и обсуждали эту статью с такими же, как я, пролетариями в солдатских мундирах... Само собою разумеется, что различные листовки и статьи, написанные Лениным, находили путь через мой военный ранец к границам, на которых мне приходилось нести службу «во благо швейцарского отечества».

Нас, левых интернационалистов, тогда было еще очень немного. Но я как сейчас вижу Владимира Ильича, как он

потирает себе руки, когда ему сообщают, что к той небольшой горсточке, из которой первоначально состоял кегель-клуб, прибавился еще один новый член. Ленин считал такие «мелочи» большими успехами. «Товарищи, — говорил он,— дело подвигается вперед!» И дело действительно подвинулось вперед со времен кегель-клуба. Ядро молодой и старой гвардии, развивавшейся под руководством Ленина, останется и в дальнейшем под знаменем ленинизма.

О. Г. Аникст (1886—1959 гг.) — член РСДРП с 1918 года, активный организатор профессионально-технического образования в СССР. Революционную деятельность начала в 1905 году. Долгое время (1907—1917 гг.) находилась в эмиграции. В годы первой империалистической войны встречалась с Лениным в Швейцарии.

...Швейцарский союз молодежи, хотя и насчитывал ко времени войны уже несколько лет своего существования, все же представлял собой довольно расплывчатую организацию. Союз объединял людей различных направлений, здесь были и реформисты, и синдикалисты, и небольшая группа революционных марксистов. Последние еще бродили в потемках, за небольшим исключением, но все же их влияние было сильно (в организационных вопросах).

Пресса молодежи выставляла революционные лозунги, и Владимир Ильич все больше сближался с молодежью. Сначала прислушивался, а затем постепенно начал помогать ей в работе. Сильно сказалось это влияние Ленина на одном из руководителей молодежи, на Вилли Мюнценберге.

Вскоре швейцарская молодежь в день 1 августа демонстрировала свою солидарность с рабочим классом.

Это выступление вызвало море злобы и ненависти со стороны швейцарской буржуазии и полиции. Демонстрация не только была разогнана, но пущены были в ход хлысты и кулаки полицейских и произведены многочисленные аресты.

Зато выступление еще больше сблизило Владимира Ильича с молодежью, и он все чаще стал встречаться с ней, упорно прививая ей идеи и тактику большевизма.

Особенно ценно и заслуживает внимания участие Владимира Ильича на Всешвейцарском съезде молодежи в Цюрихе в 1916 году.

На этом съезде (в первый день) Владимир Ильич выступал не то с приветствием, не то с докладом о международном положении[1]. В последующие дни съезда Владимир Ильич беспрерывно присутствовал на нем, причем помню, как меня поразило то, что он все время сидел не за столом президиума или близко к трибуне, где хорошо было слышно, а сидел наверху, на галерке, вместе с Надеждой Константиновной, чтобы не мешать или не стеснять молодежь. Вспоминая этот съезд, я и сейчас вижу перед глазами, как Ильич, сидя на галерке, наставив ухо, перегибаясь верхней частью корпуса, внимательно слушал...

Результаты влияния Владимира Ильича на швейцарскую молодежь сказались при организации Коммунистического Интернационала Молодежи, где Швейцарский союз сыграл немалую роль.

ЛЕНИН И „СПУЙНЯ"

Беседа с профессором Евгением Эйбишем

В Национальном музее в залах современного искусства в Варшаве находится картина профессора Эйбиша «Ленин и «Спуйня».

У каждого, кто видит эту картину, вглядывается в проникнутый необыкновенной силой убеждения образ Ленина, в группу окруживших и внимательно слушающих его молодых людей, возникает вопрос: почему эта картина называется «Ленин и «Спуйня»?

Многие наши читатели, вероятно, ничего не слышали о «Спуйне». Это было студенческое общество прогрессивной польской молодежи в Кракове, Вене и Париже. В январе 1910 года в Кракове от этого общества откололись правые социалисты, пилсудчики. С этого времени вокруг «Спуйни» объединились члены и сочувствующие СДКПиЛ[1] и ППС-«левицы»[2]. Несмотря на то, что это общество носило название студенческого, туда приходили также политические эмигранты из Королевства Польского, часто не имевшие ничего общего с краковскими учебными заведениями. На рефераты в «Спуйню» приходили также рабочие. 21 марта 1914 года по предложению СДКПиЛ в зале общества «Спуйня» с докладом на тему «Российская социал-демократия и национальный вопрос» выступил Ленин. Именно этот момент изображен на картине «Ленин и «Спуйня».

Почему художник вновь обращается именно к этой теме? Может быть, он сам был членом этой организации? А может быть, он присутствовал на этом докладе?

— Это была не первая и не единственная встреча с Лениным, — говорит профессор Эйбиш. — В тот мартовский день 1914 года я оказался на докладе в «Спуйне» не случайно. Путь, который меня туда привел, начался в Люблине. Еще будучи гимназистом, я сблизился с той группой молодежи, которая горячо обсуждала вопросы социальной революции, освобождения страны от социального и национального гнета. Мы находились тогда под влиянием большевиков. От них я узнал о Ленине и его деятельности. Я и не предполагал тогда, что когда-нибудь увижу его и тем более, что буду разговаривать с ним. Однако это сбылось. Я увидел и лично познакомился с Лениным задолго до его выступления в «Спуйне». Это произошло в Кракове, куда я поехал учиться в университет. В Кракове вместе с Генрихом Бернацким и Витольдом Томоровичем, впоследствии выдающимися деятелями Коммунистической партии Польши, я поселился на улице Раковецкой, которая находилась недалеко от улицы Любомирских, а там, как мы узнали, жил Ленин. Мы все вместе пошли к Ленину с просьбой, чтобы он разъяснил нам непонятные места из «Капитала», который мы тогда изучали. Ленин занимал весьма скромную комнату. Прямой обыкновенный стол, и, кроме него, пожалуй, ничего. Всюду было полно книг и газет, целые кипы которых заполняли все углы комнаты. Ленин разговаривал с нами так, как будто перед ним были старые, заслуженные деятели рабочего движения. Он не пожалел для нас своего времени. Со свойственной ему простотой и четкостью он объяснил нам целый ряд проблем, которые мы сами не могли понять.

Идеи дружбы с русскими революционерами, идеи совместной борьбы за общее дело мы почерпнули еще в Люблине. Но только в эти краковские дни мы осознали их во всей полноте.

Как сердечно Ленин относился к полякам, как он приблизил нас к России, к той революционной России, которую мы, люди из Королевства Польского, еще плохо знали!

Мы часто заходили к Ленину, и он, когда шел в город, заходил по пути к нам, чтобы дать почитать свежий номер газеты «За правду».

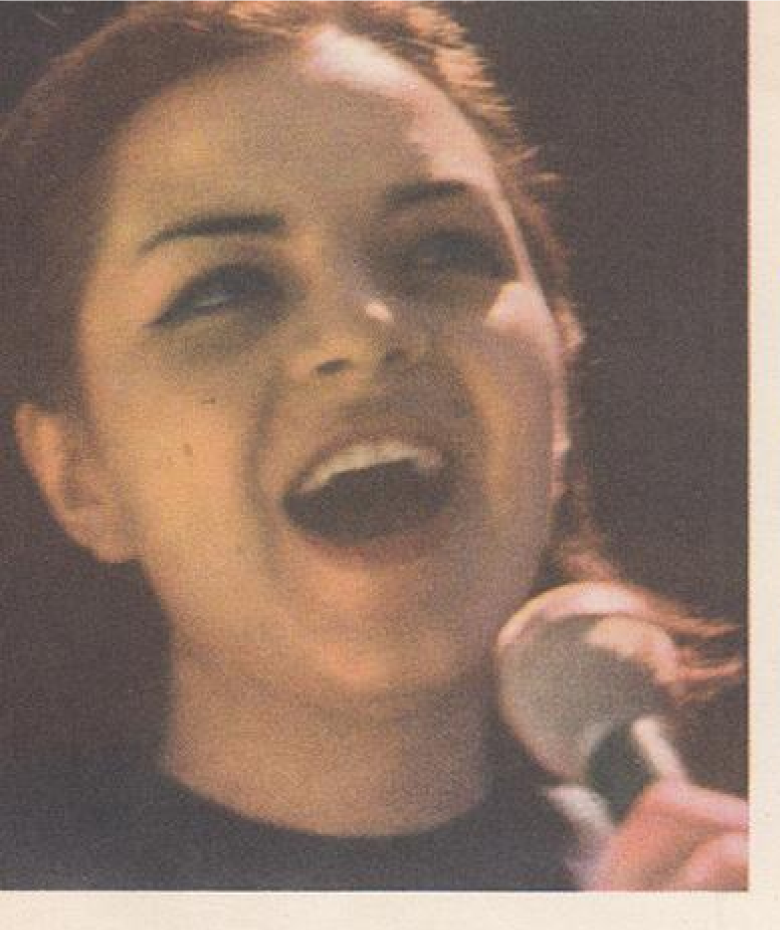
Разумеется, я присутствовал также на докладе в 1914 году, — продолжает свои воспоминания автор картины «Ленин и «Спуйня». — Небольшой зал «Спуйни» просто не мог вместить всех желающих. Пришли студенты и молодые рабочие, пришли и те, которые были далеки от идей Ленина. Но когда этот необыкновенный человек начал говорить, все присутствовавшие в зале слушали его с одинаковым неослабевающим напряжением. Ибо Ленин говорил так ясно и просто, в то же время так глубоко, что его могли понимать рабочий и студент, крестьянин и философ. Трудно выразить словами, какое впечатление произвел Ленин на меня и моих друзей. Я не могу словами описать атмосферу этих памятных дней. Я старался отразить ее в своей картине.

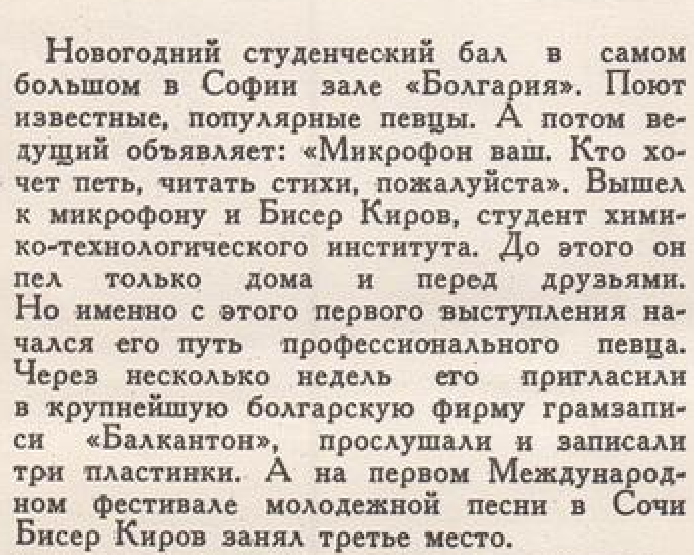
---

[1] Автор имеет в виду, очевидно, не съезд молодежи, а съезд Швейцарской социал-демократической партии, на котором присутствовало много делегатов революционных молодежных организаций. На этом съезде 4 ноября 1916 года Ленин выступал с приветствием от имени большевиков.

[1] Социал-демократия Королевства Польского и Литвы — революционная партия польского рабочего класса, возникла в 1893 году сначала как Социал-демократия Королевства Польского, а с августа 1900 года в результате слияния польских и части литовских социал-демократов стала называться Социал-демократия Королевства Польского и Литвы. В декабре 1918 года на Объединительном съезде СДКПиЛ и ППС-«левицы» обе партии объединились и образовали Коммунистическую рабочую партию Польши (так до 1925 года называлась Коммунистическая партия Польши).

[2] Польская рабочая партия возникла в 1906 году в результате раскола Польской социалистической партии, возглавляемой реформистом Пилсудским. В декабре 1918 года объединилась с СДКПиЛ. Объединенные партии образовали Коммунистическую рабочую партию Польши.





Новогодний студенческий бал в самом большом в Софии зале «Болгария». Поют известные, популярные певцы. А потом ведущий объявляет: «Микрофон ваш. Кто хочет петь, читать стихи, пожалуйста». Вышел к микрофону и Бисер Киров, студент химико-технологического института. До этого он пел только дома и перед друзьями. Но именно с этого первого выступления начался его путь профессионального певца. Через несколько недель его пригласили в крупнейшую болгарскую фирму грамзаписи «Балкантон», прослушали и записали три пластинки. А на первом Международном фестивале молодежной песни в Сочи Бисер Киров занял третье место.

Сейчас столько фестивалей, и международных и национальных, что не хватит журнальной страницы только перечислить их. Но сочинский особенный: это фестиваль молодежной песни, и многие его участники впервые соревнуются в таком конкурсе. Но что же представляет сегодня молодежная песня? Какие особые черты и качества отличают ее от всех других?

Для многих скептиков молодежная песня — это только неумелое треньканье на гитаре, которое можно услышать во дворах больших домов и в электричках. Песни, в которых «лав» и «май дарлинг» чередуются с жалобами на несчастную любовь. Сочинский фестиваль был самым ярким и убедительным опровержением такого мнения.

Не случайно разговор о молодежной песне мы начали с рассказа о Бисере Кирове. Это певец, который собрал в себе многие черты современной молодежи, ее вкусы, пристрастия. Боль греческих патриотов, чью прекрасную родину топчет сапог новых фашистов, и счастье влюбленных он воспринимает как свою боль, как свое счастье. И запуск космического корабля, и война во Вьетнаме, и страдания инвалида войны, и радость человека, нашедшего друзей, — это его, личное дело. Именно в этом его лиричность. И такое пристрастное, заинтересованное отношение к людям и миру, может быть, самое главное свойство и сегодняшней молодежи социалистических стран и тех песен, которые молодые поют. Равнодушие, безразличие чужды тем, кто воспитан в новом обществе. Равнодушие, безразличие и, как их следствие, бездумные, мелкотемные песенки неприемлемы для таких певцов, как Бисер Киров. Именно в его исполнении прозвучала «Песнь свободы» греческого композитора Микиса Теодоракиса, награжденная специальным призом фестиваля.

Двадцатилетние шестидесятых годов хотят быть «со счастьем на «ты», как пел Яцек Лех, сын антифашиста, чудом спасшегося из Освенцима. Но они знают, что это счастье нужно отстоять и завоевать своими руками, и не только для себя, а для всех парней, которые живут сегодня на пяти континентах. И отсюда другая особенность поколения, которое родилось уже после второй мировой войны, — ответственность за все, что происходит на планете Земля. Это чувство ответственности звучит и в песне «Ударьте в литавры» чехословацкого композитора Петера Хеннига, которую исполнял Карел Блага, и в песне «Плакат» композитора А. Флярковского на слова Роберта Рождественского, которую пел Анатолий Королев.

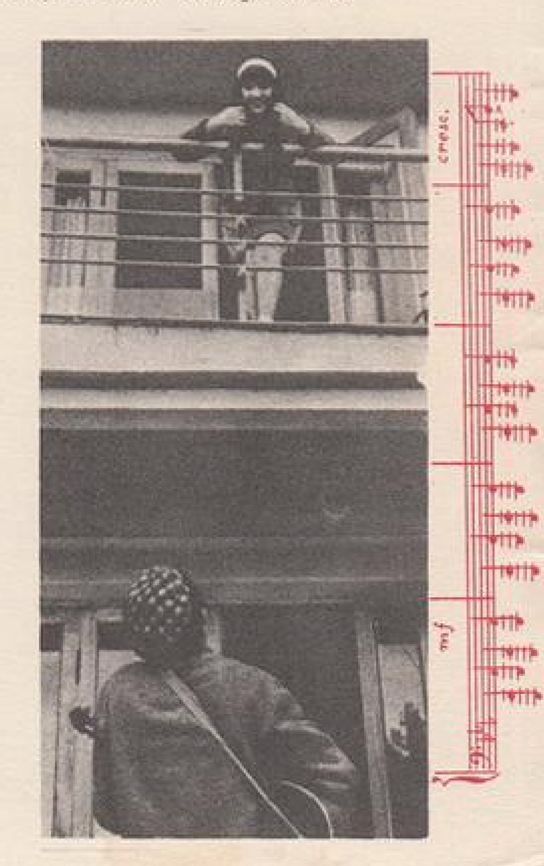
И если в исполнении Бисера Кирова самое главное — это лирическое восприятие мира, то Анатолий Королев — это певец, ответственный за все, певец-публицист.

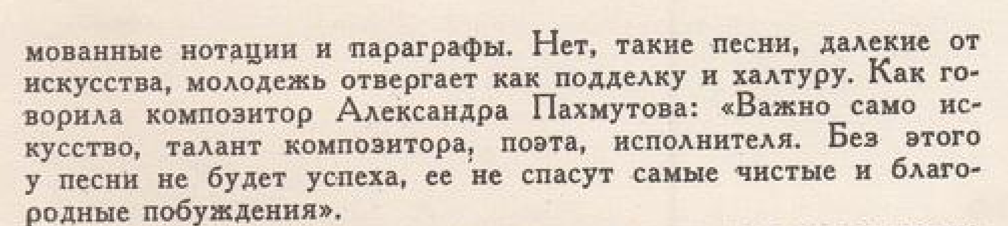
Анатолий Королев завоевал первое место на фестивале в Сочи. Но ему был присужден и еще один приз. Радиостанция «Юность» проводила плебисцит среди тех счастливцев, которым удалось попасть в театр на концерты Праздника молодежной песни. И больше всех голосов среди зрителей собрал Анатолий Королев. Все песни, которые он пел, — маленькие публицистические поэмы, воинственные в самом лучшем смысле этого слова. И именно они завоевали зрителя, именно они находят прямую дорогу к сердцам его сверстников.

Молодежная песня 1967-го, если сказать словами Маяковского, — это ласка и лозунг, и штык, и кнут. И может быть, именно поэтому большое значение имеет текст. Как сказал болгарский композитор Борис Карадимчев, мелодия и стихи сегодня вполне равноправны. Но иногда стихи настолько сильны, что задача композитора только поддержать их гармонией и ритмом, чтобы лучше донести до слушателя содержание.

Фестиваль показал, что появилось и новое направление в сегодняшней молодежной песне — политическое. Самым интересным его представителем на фестивале был Герхард Неef, певец из ГДР, который занял второе место на фестивале и получил приз журнала «Ровесник» за исполнение песни об Октябрьской революции.

Герхард работает в районном сельскохозяйственном совете в городе Цвиккау и думает стать агрономом. Он член Социалистической единой партии Германии. Для него петь — это значит говорить о самых острых, самых насущных проблемах языком музыки. Для него петь — часть политической партийной работы. Но неправильно было бы думать, что вещи, которые он исполняет, — скучные музыкальные произведения, зариф-





мованные нотации и параграфы. Нет, такие песни, далекие от искусства, молодежь отвергает как подделку и халтуру. Как говорила композитор Александра Пахмутова: «Важно само искусство, талант композитора, поэта, исполнителя. Без этого у песни не будет успеха, ее не спасут самые чистые и благородные побуждения».

Те, кто поет, слушает, принимает или отвергает молодежную песню, хорошо образованны и произведение искусства от подделки всегда сумеют отличить. Поэтому композитор, который пишет для молодежи, должен быть очень талантливым, быть таким же страстным, горячим, непримиримым борцом со всем, что есть плохого на Земле, и также отдавать все свое вдохновение песне, как и большому симфоническому произведению. Только тогда его произведения станут необходимы молодым, как хлеб и воздух, войдут в каждый дом и на праздник и в трудные часы. Песни, которые поет Герхард Нееф, — «Песнь Октября», «Я несу знамя», «Красная роза» и другие,—написаны именно такими композиторами и поэтому пользуются огромной популярностью в ГДР.

С интересными политическими песнями выступили и представители Венгрии: самая молодая участница фестиваля Клементина Магай и двадцатилетний студент Петер Мате.

Песня Ференца Флами и Шандора Салкая «Две, одна, половина», которую пела Клементина, — лирический рассказ о любви вьетнамской девушки и венгерского юноши. И все же это политическая песня: так четко и прямо в ней выражена непримиримая позиция молодежи к грязной войне, развязанной американскими империалистами в Индокитае.

Клементина рассказывала, что сейчас в Венгрии самое страшное оскорбление среди молодежи — назвать кого-нибудь карьеристом. А повинна в этом сатирическая миниатюра о карьеристе, которая была исполнена на первом Всевенгерском фестивале политической песни.

В фестивале приняли участие юноши и девушки из девяти стран. И наверное, потому, что они выходили на сцену один за другим, мелодии Польши сменяли кубинские ритмы, монгольская песня чередовалась с румынской, очень наглядно прозвучали национальные особенности и каждого произведения и каждого исполнителя. Сейчас много говорят о том, что земной шар стал меньше, нет границ для радио, в пределах континента их нет для телевидения. Нивелируется все. Лица, одежда, вкусы, характеры. Не без помощи буржуазной пропаганды рождаются стереотипы улыбок, причесок, мышления. Уберечь человечество от стандартизации, казалось бы, призвано искусство. Но оно первым в буржуазном мире стало терять свои национальные особенности. Сколько мы все знаем книг, песен, фильмов, происхождение которых можно угадать разве лишь по фамилии автора.

Песни, исполненные на фестивале, были ярко национальны по форме, по манере исполнения. Разве можно забыть прекрасную песню о родине румынского композитора Джорджи Григориу в исполнении Дойны Бади (певица заняла третье место на фестивале и получила приз газеты «Советская культура» за вокально-художественную культуру исполнения) или спутать ее с «Песней крестьянина», которую пел кубинец Хорхе Луис Пачеко, он же автор слов и музыки?

Сочинский фестиваль стал как бы своеобразным зеркалом, в котором отразились различные черты и направления молодежной песни социалистических стран. Каждый новый участник — это и что-то новое в молодежной песне: один радует своим задором и темпераментом, например Маша Кодряну (СССР), другой — артистичностью и обаянием: Яцек Лех или Хелена Майданец (Польша), третий — юной непосредственностью и искренностью, как Богдана Карадочева (Болгария). Но была одна черта, свойственная и всем произведениям и всем исполнителям, — оптимизм. Хорхе Луис Пачеко, молодой композитор и певец, определил истоки этого оптимизма словами: «Ведь все мы живем в социалистических странах. И хотя иногда нам бывает трудно, мы уверены в завтрашнем дне. Мы знаем дорогу, по которой идем, знаем, куда идем и зачем». Атмосфера праздника оптимизма, искренности, серьезных раздумий присутствовала все шесть дней на сочинской встрече молодых исполнителей. Общее желание, чтобы такая встреча любителей хорошей песни стала традиционной.

Д. ПРОШУНИНА

...Сент-Джордж, Носленд, Маллинкродт, Кардинал Ньюмэн, Белграно дэй скул, Сент-Эндрюз скотс, Майкл Хэм. Это названия частных школ в Аргентине. Английские названия служат для того, чтобы подчеркнуть их особую изысканность и недоступность. Что касается недоступности, то космическое путешествие во время отпуска покажется простому аргентинцу более реальным, чем один год учебы в таком коллеже.

Родители воспитанников должны ежегодно выкладывать от 100 до 400 тысяч аргентинских песо (по данным 1967 года), что составляет от 500 до 2000 долларов. Причем в эту сумму не входят стоимость школьной формы и питания, транспортные расходы, на что уходит еще 60 тысяч песо в год (около 300 долларов).

Кроме высокой платы за обучение, есть и еще один барьер, преграждающий путь «посторонним» в частный коллеж. Особую роль играют классовые предрассудки, предрассудки отдельных каст и даже фамильных кланов. Нередко случаются парадоксы: в стране испанского языка нельзя поступить в тот или иной коллеж только потому, что у претендента испанские имя или фамилия. «У нас нет места ни для галисийцев, ни для итальянцев, — заявляет госпожа Беатрис Циммерман, преподавательница коллежа Паула Монталь, — все наши ученицы английского или французского происхождения».

В коллеже Маллинкродт, куда одна недавно разбогатевшая дама пыталась устроить свою дочь, ей сказали: «Если вы не были в прошлом нашей воспитанницей, у нас нет места и для вашей дочери».

Поль Галахер, директор коллежа Кардинал Ньюмэн, прямо говорит, что «частные коллежи предназначены для детей только из высших слоев аргентинского общества».

Правила хорошего тона предписывают учащимся в стенах коллежа разговаривать только на английском, французском или немецком языках. Испанский язык сплошь и рядом оказывается под запретом. В коллеже Носленд, например, только в 1964 году, впервые за последние тридцать лет, выпускник Хорхе Луис Борхес отважился нарушить эту традицию, представив свою экзаменационную работу на испанском языке.

Сравнивая организацию и условия обучения в аргентинских частных коллежах с привилегированными английскими «паблик скулз», ректор коллежа Сент-Джордж Джонстон видит различие между ними лишь в том, что в Аргентине учебный год делится не на три, а на два семестра. «В этом, — утверждает Джонстон, — собственно, и состоит вся разница, вытекающая из климатических особенностей каждой из этих стран».

Преподавание таких предметов, как математика, литература, история, география, в частных коллежах поставлено значительно лучше, чем в обычных школах. Преподавателей иностранных языков приглашают обязательно из-за границы. Учащиеся могут изучать и дополнительные предметы, например агрономию или музыку, под руководством лучших поваров мира готовят изысканные блюда, осваивают фотографию или знакомятся с основами филателии. К их услугам просторные и светлые аудитории, прекрасно оборудованные механические мастерские, лаборатории, спортивные площадки и плавательные бассейны.

В Аргентине есть только одно государственное учебное заведение, которое по постановке обучения может сравниться с частными школами, — Национальный коллеж Буэнос-Айреса. Выпускники этого коллежа даже освобождаются от экзаменов при поступлении в государственный университет.

Национальный коллеж Буэнос-Айреса — исключение, только подтверждающее правило. Все преимущества при поступлении в университеты и при последующем устройстве в жизни у выпускников частных коллежей.

Впрочем, учащимся частных коллежей не приходится думать о дальнейшем устройстве в жизни. В этом у них просто нет никакой нужды. Ректор коллежа Майкл Хэм госпожа Сиприан жалуется, что ее ученицы «освобождены от необходимости зарабатывать себе на жизнь: школа для них всего лишь часть среды, формирующей классовое сознание».

«Мы должны воспитать из девушек хороших жен и мам, — рассуждает одна из воспитательниц коллежа Асунсьон. — Подготовкой же к жизненной борьбе пусть занимаются их родители, и дай бог, чтобы у них никогда не было в этом необходимости».

До сих пор мы рассказывали о частных школах Аргентины. В них учатся 8—10 тысяч человек, сливки аристократии и буржуазии страны. А какие возможности для образования у остальных 22 миллионов?

«Путь вверх» у маленького аргентинца начинается в 6—8 лет и зависит от того, в каком квартале он живет, в какую школу пойдет. География престижа дает о себе знать с раннего детства.

Возьмем для примера столичную школу № 1. Она находится в районе, где поселились преуспевшие в жизни люди. Они в состоянии оплатить и ремонт помещения, где учатся их дети, и даже купить нужные приборы. Эта школа, конечно, не может сравниться с частной, но все же с помощью денег

В последнее время в Западной Германии происходят серьезные изменения. Как карточный домик, рухнула старательно придуманная буржуазными идеологами легенда об «экономическом чуде». Повышается стоимость жизни, наблюдаются признаки безработицы. Витрина западного мира то тут, то там стала давать трещины. Жизнь убедительно доказывает, что, следуя в фарватере политики американского империализма и не учитывая реально сложившегося соотношения сил в мире, нельзя добиться каких-либо успехов. В этих условиях доверие избирателей к аденауэровской партии христианских демократов стало быстро падать. Чтобы спасти свой престиж, христианские демократы осенью 1966 года впервые за весь послевоенный период предложили социал-демократам создать большую правительственную коалицию ХДС—СДПГ.

Социал-демократы, за которыми пока еще идет значительная часть рабочих, служащих и мелкой буржуазии, приняли это предложение. Многие надеялись, что бывшая оппозиционная партия, придя к власти, постарается изменить авантюристический реваншистский курс прежних правительств. Но этим надеждам не суждено было сбыться. «Брак по расчету» все оставил по-прежнему. Правые лидеры СДПГ давно уже пренебрегли интересами рабочего класса и следуют курсом, проложенным промышленными магнатами. Об этом с циничной откровенностью заявил Штраус, один из лидеров ХДС: «Большая коалиция стала возможна только потому, что наши партнеры в значительной мере отбросили свои прежние представления и присоединились к основным линиям нашей политики».

А основные внешнеполитические линии Бонна известны всему миру: ревизия результатов второй мировой войны, восстановление Германии в границах 1937 года, поглощение Германской Демократической Республики, поддержка американских агрессоров во Вьетнаме, милитаризация страны и атомное вооружение бундесвера.

Эти открытые реваншистские требования послужили дрожжами для быстрого роста неофашистской национал-демократической партии, объединившей в своих

«ФРГ. ПОРТРЕТ В РОСТ»

родителей ученики могут ставить опыты в лабораториях, изучая географию, пользоваться картой.

Основную финансовую помощь школе оказывает родительская комиссия содействия. Еще в 1932 году Национальный совет Аргентины, в чьем ведении находятся все государственные учебные заведения, официально разрешил создание таких комиссий. В провинции Буэнос-Айрес, как пишет аргентинский журнал «Примера Плана», комиссия содействия обязана «покупать необходимый инвентарь, ремонтировать помещения, заготавливать топливо».

«Проблем хватает и у нас, — жалуется председатель комиссии содействия школы № 1 Хуан Карлос Абба. — Хотя бы ремонт, здание не красилось вот уже 25 лет. Изворачиваться приходится во всем. Ведь государство выделяет нам мизерные суммы: всего 17 тысяч песо (85 долларов) на класс».

Председатель другой комиссии сеньор Корнеро утверждает, что на содержание школы №6 в местечке Санта Рита, где учатся 400 ребят, ежегодно требуется минимум полмиллиона песо, а государство выделяет 12 тысяч песо, то есть по 30 песо (0,15 доллара) на каждого ученика в год. Иронизируя по поводу разглагольствований о том, что образование в Аргентине якобы бесплатно, Корнеро не без горечи добавляет: «Конечно, бесплатно. Но только не для аргентинцев, а для государства, поскольку оно в самом деле ничего на него не расходует».

В бюджете страны обычно предусматриваются некоторые средства на просвещение. Но они совершенно не соответствуют подлинным нуждам и до школ не доходят.

«За чеком на 9 тысяч песо (45 долларов), выделенных нашей школе по бюджету на 1965 год, — говорит председатель одной из комиссий содействия Хосе Гомес, — мы несколько раз ходили домой к сенатору. Однако чек так и не получили».

Директор школы № 17 в местечке Уркис Элиза Рохас утверждает, что в последний раз государственная субсидия 80 тысяч песо (400 долларов) была получена в 1964 году. И хотя расходы за один год в четыре раза превышают эту сумму, больше никаких средств ни федеральные, ни муниципальные власти не выделяли.

— Если бы не энергия и предприимчивость председателя комиссии содействия Аристидеса Дуранте, нам пришлось бы просто закрыть школу, — говорит Элиза Рохас.

Сам Аристидес Дуранте признает, что его предприимчивость часто шла в обход законов. Комиссия собрала с родителей 400 тысяч песо и на эти деньги подрядилась построить для города дороги, магазины и т. д. Причем контрактов комиссия содействия набрала на полтора миллиона. На эти деньги привели в порядок помещение школы, перекрыли потолки. А теперь члены комиссии должны придумать выход, чтобы не попасть в тюрьму за невыполнение контрактов.

Родители, жильцы соседних со школой улиц, учителя, сами дети день и ночь заняты поисками средств на существование школы. Их изобретательность удивляет: благотворительные сборы и вечера, распространение лотерейных билетов содействия школам, организация различных фестивалей с пожертвованиями, демонстрации детских мод, продажа с благотворительными надбавками газет, журналов и даже продуктов питания.

Когда счастливая мать приводит своего малыша в первый класс, с нее берут 500 песо как вступительный взнос, хотя официально начальное образование бесплатно. Это стало уже повсеместной практикой.

Активная деятельность комиссии содействия, сбор средств среди родителей возможны в районах, где живут более или менее обеспеченные люди. А что происходит в бедных кварталах района Ла Кава, где стоят лачуги из картона и жести? Там государственную школу можно распознать лишь по национальному флагу, грустно развевающемуся над убогой хибарой. Здесь уже и речи нет о ремонте здания или приборах для лаборатории. Члены комиссии думают о том, чем заткнуть дыры в потолке или где достать ящики, которые используются вместо парт. Многие школьники не имеют учебников, падают в обморок во время уроков от недоедания. О каком последовательном обучении может идти речь при таких условиях?

Аргентина считается в Латинской Америке одной из самых богатых и просвещенных стран. По-видимому, уровень просвещения оценивается по тем 10 тысячам счастливцев, которые учатся в частных коллежах. Что же касается остальных — предоставим слово официальной статистике. Она утверждает, что 8,6 процента аргентинцев старше 14 лет абсолютно неграмотны, 61 процент детей, поступающих в первый класс, бросают учиться, не дойдя и до третьего класса. И если в начальную школу в 1967 году пошло 3 121 981 человек, то на пороге средней школы оказалось только 1 020 130, и неизвестно, сколько из них дойдут хотя бы до середины пути, а в специальные школы, ведущие к получению какой-нибудь профессии, поступило только 38 тысяч человек. Так на практике дает себя знать география материального престижа.

А. ЧУБУКОВ

рядах бывших эсэсовцев, нацистов, переселенцев с восточных земель. НДП использует хитрую тактику. Она прикрывает свою профашистскую сущность лозунгами, которые больше всего по душе бюргеру: «Германия — немцам, Европа — европейцам», «Возродим национальное достоинство», «Каждый должен получить свой кусок от общегерманского пирога счастья». Обращаясь к женщинам, национал-демократы клянутся «ликвидировать безнравственность».

Сбитые с толку бюргеры отворачиваются от большой коалиции и обращают свои взоры к НДП в надежде, что она быстрее и четче выполнит ту программу реванша, которую провозгласил Бонн. Кроме того, определенная часть молодежи, малообразованная политически, тоже идет за НДП, так как верит, что эта партия может очистить «боннские конюшни» и проводить «честную политику».

Бурный рост неонацизма, захват депутатских кресел в земельных парламентах сильно тревожат прогрессивную общественность Западной Германии и демократические круги других стран. Правительство Советского Союза сделало специальное Заявление, в котором вскрыло всю глубину опасности для мира в результате возникновения главного очага неонацистской угрозы в Западной Германии. Но правительство большой коалиции, преследующее прогрессивные силы страны и выступающее против легализации компартии, которая с 1956 года работает в подполье, всячески старается выгородить национал-демократов. Это вполне понятно: и у правительства и у национал-демократов — общность классовых интересов.

Однако в современной Западной Германии с каждым днем становится все больше и больше людей, которые не хотят, чтобы германский империализм в третий раз стал зачинщиком общечеловеческой трагедии. Сегодня мы печатаем наблюдения польского журналиста Анжея Брыхта, побывавшего в ФРГ, и рассказ о встрече в редакции с молодыми западными немцами. Эти материалы помогут вам более полно представить себе нынешнее молодое поколение Западной Германии.

— ЧИТАЙТЕ НА СТР. 8—11

Портрет в рост

Район, в котором я жил в Мюнхене, назывался Швабинген, это район магазинов, универмагов, ночных ресторанов, дансингов, молодежных клубов, а главное, на Амалиенштрассе стоит огромное черное здание университета, а рядом с Триумфальной аркой — университетская библиотека.

Здесь, в Мюнхене, разговор о студентах начинается с того, что студент — это господин студент. Господа студенты платят за науку дорого, чертовски дорого, и поэтому они заранее знают цель, во имя которой стартуют. Наши учатся бесплатно — поймите, какая колоссальная разница между бесплатно и за деньги! За деньги здесь понимают причину и понимают цель. За деньги здесь необходимо. Ты сам покупаешь свое будущее. Через несколько лет он получит специальность, потом — место, потом власть. Они — студенты, люди образованные, и народ знает это. Нет случаев грубого обращения со студентами в трамвае, в ресторане, на улице. Нигде. Ведь это господин студент, а этот титул содержит в себе все всевозможные титулы: господин доктор, господин директор. У каждого глубоко в душе таится вопрос: кто знает, а не придется ли ему через год искать работу у этого студента! Они ходят по улицам походкой взрослых, немного уставших, без популярных у нас мальчишеских выходок. Я редко видел на Амалиенштрассе улыбающееся лицо. Обедают они обычно в ресторане «Гаангоф ам Зигестор». Это на Швабингене считается хорошим тоном.

Рапорт из Мюнхена

В «Гаангофе» можно поболтать на различные темы. Желающих достаточно. Поляк из Варшавы представляет немалый интерес для мюнхенца. И вот я сижу за массивным коричневым столом с двумя молодыми немцами. Одного зовут Вольфганг Виттек — он заканчивает агрономический факультет, а второй изучает юриспруденцию, зовут его Клаус Фойерманн. Я познакомился с ними совершенно случайно: накануне вечером возле студенческой библиотеки я увидел белый «рено» с приклеенным к ветровому стеклу объявлением: «Продается». Ниже были указаны цена и адрес. Цена мне подходила, адрес меньше, потому что это было очень далеко. Но я сел в такси, разумеется «мерседес». Первый километр стоит доллар, следующий — половину, для меня полное разорение, но что поделаешь. Приезжаю: современный семиэтажный дом. Лифт поднимает меня, вот нужная комната. Нажимаю на кнопку — молчание. На двери висит блокнотик, в котором товарищ товарищу пишет записку, если не застал его дома. Я тоже пишу свой номер телефона и что я по вопросу «рено». Но тут соседняя дверь открывается, и высовывается человек, который спрашивает, по какому я делу. Завязывается разговор. Он называет себя приятелем герра Виттека, его фамилия Фойерманн; я ему в ответ, что, наверно, они живут в одной комнате, а он говорит, что нет, он живет в комнате, из которой только что вышел, и приглашает меня зайти. Я вхожу и вижу низкую широкую тахту и письменный стол, телевизор, стеллажи с книгами. Все новое, как будто вчера куплено, и я равнодушным тоном спрашиваю, давно ли он здесь живет. Оказывается, уже три года. Мебель, разумеется, собственность общежития, а оплата из своего кармана, без всяких скидок. К мебели здесь страшно прикоснуться, потому что каждый месяц приходит комиссия и любую царапину или пятно присчитывает к квартплате, а считают дорого. Отсюда порядок и на многие годы новая мебель. Когда студент выезжает, он сначала должен идеально отремонтировать комнату, а если он не сможет идеально и комиссия ее не примет, тогда господин студент должен оплатить ремонт, а работа очень дорогая. Три раза громко крикнешь у себя в комнате — вечером господина студента выселяют без всякого предупреждения. Виттек продает автомашину, потому что у него не хватает денег на квартплату. Денег, полученных за машину, хватит на три месяца. За это время Виттек должен будет как следует подумать, где взять остальные.

Я сокрушенно качаю головой, на что герр Фойерманн, который кое-что слышал о Польше, говорит:

— А у вас, кажется, студенты живут по нескольку человек в одной комнате!

— Да, — отвечаю я, — но у нас студенты живут даром.

Лицо его приобретает глупое выражение, и он несколько раз повторяет «даром», «даром», как будто пробует неизвестный плод.

Мы продолжаем нашу беседу. Я рассказываю ему немного о себе, потому что он меня расспрашивает, разумеется, задается сакраментальный вопрос, являюсь ли я членом коммунистической партии. (Эти слова они произносят особым, конфиденциальным тоном.) Я говорю, что нет, он, конечно, удивляется, я уже хорошо знаю это фальшивое удивление. Я говорю, что не являюсь членом партии, но чем дольше нахожусь в Мюнхене, тем больше об этом жалею. Его удивление становится уже совсем иным, и, чтобы разрядить атмосферу, он включает телевизор, показывает новости из Вьетнама, передаваемые американским агентством. Мы удобно сидим с этим молодым немцем в креслах, покуриваем американские сигареты, а перед нами на голубом экране люди убивают людей. Американцы не стыдятся! Американцы не боятся общественного мнения! С порочной откровенностью они показывают всему миру, как их тяжелые танки давят маленькие, хрупкие домики вьетнамцев, в этих домах находятся люди: за танками идет кинооператор и показывает крупным планом растерзанные тела, его помощник отбрасывает ногой какую-то доску, чтобы лучше снять лица убитых, перекошенные ужасающей предсмертной гримасой. Летит вертолет, американский стрелок строчит из пулемета, его лицо напряжено до предела, щеки и каска подрагивают, там, внизу, серые очертания какой-то рощи, убегают люди, рассеянные по полю, они бегут к спасительным деревьям. Вот все бежавшие уже лежат на поле, ни один не успел спрятаться под деревьями, на экране утомленное лицо стрелка, поблескивает пот, глаза, полные удовлетворения после хорошо выполненной работы; он сдвигает на затылок каску, проводит рукой по волосам, пялится в камеру, пялится на весь мир — и комментарий под публику Западной Германии: «Этот солдат рисковал своей жизнью, но все-таки...» Эта передача с фронта идет долго, двадцать минут, комментатор не перестает восхищаться «сражающимися парнями», потом короткие блицинтервью с ними: «Передавим этих гнид», «Навсегда загоним их под землю», — наглые, откормленные физиономии.

Я ругаюсь, отчаянно ругаюсь по-польски, а сидящий возле меня немец смотрит на экран равнодушно, как на плохой приключенческий фильм.

— Герр Фойерманн, — говорю я, — это преступники.

Он пожимает плечами.

— Нельзя говорить об этом как о преступлении, это неприятная война. Ведь американцев тоже убивают.

И тогда в комнату входит герр Виттек, худой элегантный блондин.

Кратко излагаю дело. Конечно, он охотно продаст мне автомашину, хотя в общем-то он не должен этого делать, ему жаль, что машина в таком хорошем состоянии будет служить поляку. Он говорит это спокойно, без тени смущения, глядя мне в глаза.

Я с усилием стараюсь остаться спокойным.

— Вы не любите Польшу, нельзя ли узнать почему?

— Мой отец погиб в Польше, — отвечает он прежним тоном.

— Моего отца убили немцы, — сразу же отвечаю я.

На минуту он задумывается.

— Это несколько меняет положение вещей. Поэтому, если вам так уж хочется, я сделаю для вас исключение.

Разумеется, мне уже перестало хотеться. Но со мной произошло что-то совершенно непонятное. И я сказал:

— Прекрасно. Давайте встретимся по этому вопросу завтра в «Гаангофе» в три часа, я думаю, мы придем к соглашению.

Так и получилось. То есть к соглашению мы не пришли, но мы в «Гаангофе». Пьем вино с названием «Гааненшрай», указанное в карте под № 4, вино, обладающее веселящим свойством. Но нам совсем не весело. Герр Виттек не может много пить, потому что через несколько минут ему придется вести машину, демонстрируя ее качества. Что-то он недоволен нашей встречей. Каждую минуту смотрит на часы, явно спешит. Наконец он предлагает перенести сделку на завтра, потому что через час он должен быть дома, чтобы посмотреть одну передачу по телевизору.

— Герр Виттек, мне бы очень хотелось вместе с вами посмотреть эту программу.

Он на минуту задумывается, потом соглашается. И мы едем в общежитие.

Возле бензоколонки, на которой мы заправляемся, висит огромный плакат, сообщающий о митинге НДП. На плакате юноша и девушка, на них одинаковые зеленые рубашки. Вдохновенные лица, в глазах фанатический блеск. Над ними большими буквами: «Молодежь, НДП — это будущее Германии и ваше!»

Вот уже сверкающий телевизор в комнате Виттека. К нам присоединяется Фойерманн. Начинается программа: показывают тот самый митинг НДП, о котором сообщалось в афише. Почему Виттеку хотелось посмотреть эту программу! Почему ему обязательно хотелось быть одним из восьми миллионов зрителей, которые смотрят эту программу в Баварии!

Виттек закуривает папиросу и бормочет:

— Что в этом удивительного! НДП — это самое большое развлечение, особенно для тех, кто хочет думать...

И все. А там, за стеклом, — голова к голове. Но ведь это не стекло, это происходит на самом деле, сейчас, в эту самую секунду. Толпа. Несколько операторов, расставленные в разных

местах, проводят объективами по шляпам, кепкам, беретам и спинам сгрудившихся людей. Толпа показана сверху и сзади, редко мелькнет серое пятно лица. Начинаются речи. Голоса ораторов грохочут, деформированные эхом многочисленных репродукторов. Невозможно разобрать ни одного слова. Но я знаю, о чем они говорят. Я был на предыдущем митинге. Здесь часто такие митинги. Они становятся модными.

Митинг заканчивается, начинаются интервью. Выбирают совершенно случайных людей из расходящейся толпы. Ни одному из них не было тридцати пяти. А больше всего молодых, совсем молодых.

Двадцатилетний парень смотрит в стеклянный глаз камеры агрессивно и надменно, как в лицо врага, и кричит, зная, что кричит миллионам немцев:

— Я член НДП! Потому что НДП вернет мне захваченные поляками города! Бреслау! Кольберг! Через два года мы будем у власти! Мы будем управлять страной! И тогда вы увидите, что нам надо было доверять с самого начала!

Лицо исчезает, на его месте сразу же появляется другое, худого интеллектуала. Голос у него спокойный, фразы продуманы.

— Проблема Восточной Германии является для нас проблемой первоочередной важности. Я убежден, что через два-три года, с помощью ли силы или в результате политического давления, восточные немецкие земли вернутся к нам.

(Поймите: речь идет даже не о ГДР. Они называют ГДР Средней Германией, а Восточная Германия — это территория Польши, Чехословакии, СССР.)

За ним еще один и еще. Сменяются лица, сила и интонация голоса, но смысл всегда один и тот же.

Репортаж длится уже около часа, а мне кажется, что все это какой-то кошмарный сон. Я один, совершенно один, под ногами ни кусочка родной земли. И эти два молчащих немца по бокам, одобряющие то, что происходит на живом стекле.

Кошмар кончился, я быстро прихожу в себя. Пусть же они что-нибудь скажут. Я должен знать, что они думают. Приглашаю герра Виттека и герра Фойерманна выпить по стакану вина за мой счет. Вопрос автомашины отодвинут в будущее.

Мы идем пешком по Леопольдштрассе. За Триумфальной аркой стоят такси...

«Донисль». Старый-престарый кабак с двухсветным залом, на стенах портреты всех бургомистров Мюнхена, а также знаменитых жителей города. Нет только Гитлера, хотя он начинал именно здесь.

Пьем. За полночь. И тут Виттек прикасается своей потной ладонью к моей руке, наклоняется над столом и говорит твердым шепотом:

— Давайте повторим тридцать девятый год. На тех же условиях. Мы без Америки. Вы без Советов. Вооружение обычное. Вы через двадцать четыре часа лежали бы на лопатках.

Он сжимает мне руку, словно желая размозжить мне пальцы. Я смотрю на его разгоряченное, красное лицо. Я не верю. Но я вынужден поверить.

Хватаю его свободной рукой так, что он шипит от боли, и говорю, глядя в его пьяную морду:

— Попробуйте. Нам хватит двенадцати часов, чтобы перегрызть вам горло.

Мы застыли в ничего не значащем рукопожатии, пока нас не разнимает герр Фойерманн...

И я снова один возвращаюсь через ночной Мюнхен в гостиницу. Я как можно скорее хочу домой. Не в гостиницу, а к себе в Варшаву. И уже никогда, никогда в своей жизни, никогда не хочу возвращаться в Мюнхен.

Анжей БРЫХТ,
польский журналист

Портрет в рост

Вопрос в 19.30

Немцы пришли, сели, положили руки на колени и замолчали, и комната стала сразу маленькой. Тишина. Это всегдашнее мгновение перед разговором, когда нужно быть предельно искренним, очень откровенным, чтобы уронить в молчание слово без малейшей фальшивой нотки.

Но... Сейчас я поделюсь ассоциацией, построенной на одном слове «немцы».

Проходя мимо школы только позавчера, я слышал разговор двух школьников, по тону и громкости неприемлемый даже в обширной аудитории:

— Я буду играть наших — мне они достались, мне, а ты — немцев.

Нет, я не волен делать отсюда широкие обобщения. Они были бы и неправильны. Тот же школьник со знанием дела и без запинки расскажет о ГДР, о строительстве новой по своему укладу жизни, о немцах, понявших могущество мира, потому что война столько раз терпела фиаско как средство для разрешения человеческих неурядиц. Он правильно скажет о коммунистах Федеративной Республики Германии, мужественных людях, ведущих работу в подполье, потому что с 1956 года компартия в ФРГ запрещена, он расскажет просто о честных, умеющих донести правду со сцены, с экрана, своим пером, кистью. И все же — «немцы». Исподволь всплывает воспоминание о войне — Великой Отечественной для нас и второй мировой для всех остальных, воспоминание, подкрепленное совсем свежим криком о «разделе по Одеру — Нейсе», о бундесвере, о неофашизме.

Я смотрю на немцев: по-прежнему руки на коленях, и произношу: «Давайте знакомиться».

Шум, потому что заговорили все разом, потом все разом остановились, наступила тишина, девушки и молодые люди переглянулись, рассмеялись, и прошла скованность, и один поднял руку, как в школе, и спросил: «Можно я?»

— Мы представители различных клубов Западной Германии. Разных городов: Эссена, Гамбурга, Дортмунда. Клубы называются по-разному: «Интернационал», «Эгалите», «Свободное общество», «Легалите», «Друзья природы».

Их пятнадцать, и клубов почти столько же. Названия подчеркивают самостоятельность, но я задаю вопрос, который своей логикой пытается объединить их всех вместе:

— В чем задача этих клубов?

— Нынешнее правительство ФРГ действует по принципу: «Лучше сто танцующих, чем один думающий». Небезызвестный Шпрингер держит в своих руках восемьдесят семь процентов молодежных изданий ФРГ. Концерн Бертельмана помогает ему серией «Немецкий солдат». Серия издается полумиллионным тиражом. Уже вышло пятьсот названий. Вот некоторые из них: «Парень уничтожил девять красных танков», «Крупнейшее немецкое наступление». А кинофильмы? За последние годы было продемонстрировано около 600 фильмов, прославляющих войну, и только девять антивоенных.

В западногерманском бундесвере поют такие песни: «Как когда-то в Польше, во Франции и в горячих песках пустыни, мы, пехотинцы бундесвера, снова рвемся в другие страны...»

Мы не можем с этим примириться. Мы хотим, чтобы молодежь поняла опасность, рождающуюся в сегодняшней Германии. Те, кто ищет истину, объединяются. Так появились клубы.

— Расскажите, как работают клубы. На примере ну хотя бы «Интернационала», — прошу я.

— Разрешите, расскажу? — спрашивает русоволосый юноша.

— Идет молодой человек по Папештрассе или по какой-нибудь еще штрассе. Идет, идет, идет. Он отработал свое. Он полностью свободен, он может сейчас зайти в кино или на танцы, или съесть

мороженое, или познакомиться с девушкой. Или он сядет на скамейку и будет смотреть на прохожих. Он намеренно интересуется всякими пустяками: болонкой, которая вышла из лакированного «мерседеса»: «Богачи»; двумя девушками: «Так себе», рекламой кока-колы: «Выпить бы пива»; еще двумя девушками: «Спешат на свидание»; маленьким плакатом, интригующе маленьким даже на небольшом расстоянии: «Это еще что такое?» Он подходит и читает:

Перекрестный допрос коммунистов.
У нас нет никаких табу.
Можно задавать какие угодно вопросы.
Начало в 19.30.

Вход: 49 пф.

Он видит на плакате разлитые красные чернила и улыбается, делает два шага в сторону, три вперед и находит себя за порогом комнаты.

На сцену или просто к столикам выходит пожилой человек. Все стихает. Стук кружек и музыка, разговоры, и даже табачный дым приседает к столикам. Молодой человек оглядывается на всех: на двух полицейских в штатском (он еще не знает, что это полицейские), на девушку: она слушает, у нее слегка приоткрытый алый рот. Он чуть-чуть обижается на невнимание к себе, а потом забывает обижаться.

«Маленькие дети» — молодые люди от шестнадцати до двадцати пяти лет — «поедают» вопросами коммуниста, который пришел просто так, не боясь ни полицейских, ни вопросов.

Это не кулуарный разговор. Не тихий обмен мнениями, когда из-за бесхарактерной симпатии друг к другу сучат слова с неприкрытым взаимным комплиментом. Совсем нет. Коммунист перед аудиторией отстаивает свое человеческое и политическое «я», а молодые люди задают вопросы, и все они трудные: и вопросы и молодые люди. Вопросы об умном писателе Вилли Бределе; о Гёте, который «то колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер»; о графике Альберте Дюрере — современнике гражданской войны; о Бисмарке, об истории рабочего движения, о Бебеле и Либкнехте, о Тельмане. Правильность ответов, их глубина, эрудированность доказывают, что человек, стоящий перед ними, очень серьезно оценивает себя и мир, что он видит в этом зале людей, не выпаливающих вопросы ради самих вопросов, и хорошо, что эти молодые люди трудные: коли придут к выводу в жизни, будут держаться его твердо... И я решил приходить в клуб «Интернационал»...

Все смеются: рассказ в третьем лице вылился в неожиданное признание. Я спрашиваю:

— За принадлежность к коммунистической партии в ФРГ человек может поплатиться своей свободой, и поэтому выступление его перед аудиторией...

Мне дают листок, сложенный вчетверо.

— Что это такое?

— Вызов в полицию.

Читаю: «Кёльн, Вайдмарк, 1, этаж 13-й, выйти с лифта на 12-м этаже, подняться по лестнице до комнаты 145». Приписка под копирку на машинке. Пожелание, которое звучит как приказ: «Явиться в точно назначенный срок. В случае неявки предупредить заранее». Подпись.

— Но тех, кто выступает в клубах, такими повестками не испугаешь: они уже побывали в тюрьме. А потом, они выступают не как члены партии, которая двенадцать лет запрещена, а как люди с коммунистическим мировоззрением, не отказавшиеся от своей точки зрения ни перед судьями, ни в заточении. Мировоззрение, как давно известно, запретить нельзя.

KOMMUNISTEN IM KREUZVERHÖR

am Mittwoch, dem 12. Juli 1967, um 19.30 Uhr im Jugendzentrum

Wir diskutieren heiße Probleme und kennen kein Tabu. Wir laden Kommunisten ein — **richtige rote Kommunisten aus der Bundesrepublik — und nehmen sie ins Kreuzverhör.**

Verhören sie mit. Kommen sie zur Diskussion mit prominenten Kommunisten am Mittwoch, dem 12. Juli 1967, um 19.30 Uhr, ins Jugendzentrum, **Essen, Papestraße 1.**

Veranstalter: *Club International* ESSEN

И пятнадцать пар глаз смотрят на меня.

— Скажите, а бывают ли открытые массовые выступления, не замкнутые в стенах клубов?

Отвечает девушка, миловидная, хрупкая, с быстрым, четким говором:

— Мы собраться должны в одиннадцать. Часы показывают без пяти. Самое худшее, что есть на свете, — это ждать. Мокрый асфальт. Ветер срывает последние листья. Листья припечатываются к асфальту, и мгновение слабости может возникнуть от такого желтого листа на мокром асфальте, потому что он одинок. Мы ходим вокруг фонарного столба и бьем в ладоши. Холодно, и нас мало. Сентиментальничаем об одиноком листе, чтобы не думать, как мы пойдем посредине улицы. В этом ничего страшного: в противовес есть мысли, есть убеждения. Но все же иногда действует на нервы скалящий зубы мещанин в плаще и в шляпе. Гнилыми зубами он отрицает нас: он чуть-чуть когда-то не победил весь мир, и в улыбке — выражение его собственного понимания Германии, и Германия, на его взгляд, не мы, ребята на проезжей части улицы, а кто-то другой, в этих серых домах, за модными занавесками, в лакированных «рено», которые все же уступят нам дорогу, а шляпа у него надвинута так, как офицерская фуражка со свастикой. Он в наши души заглянуть не может — слишком заскорузл. На него действуют только сила, количество. И ребята подходят. Они оказываются пунктуальными, как немцы. Можно идти. Улицу запрудили сотни людей. Под их ногами не видно красно-желтых листьев. Мы стираем улыбку у мещанина, и не только у него одного. Честное слово, на душе весело. Хорошо на душе. И не холодно. Можно подумать об осеннем воздухе, о том, какой он чистый, затем, чтобы сдержать в душе чувство удовлетворения: по улице движется лавина людей, у тебя с ними общий язык и одна цель. Сдержать это чувство, потому что оно личное и не главное. А главное — мы, немцы, не согласны с политикой правительства, и видите, вы, остальные немцы, — это серьезно! Мы идем, автомашины прижимаются к тротуару, останавливаются прохожие...

Ребята достают плакаты. Они их делают сами: рисуют, печатают на стеклографе, а когда есть деньги, то и в типографии — вполне современный, четкий плакатик. Конечно, он далек по красочности и по качеству бумаги от изделий господина Шпрингера и всуе с ним, но у такого плаката одно и очень главное преимущество: на плакатик, часто с размытыми буквами, обращает внимание все большее количество людей, и он имеет эффект, который несет такое благородное понятие, как честность.

Мы знакомы. Такое получается впечатление, что мы знакомы долго и давно, а не полтора часа. И теперь я уже знал, что услышу, и услышал:

— Мы собираем средства на постройку разрушенной деревни во Вьетнаме. Эти деньги мы привезем на фестиваль в Софию.

— Недавно у нас побывали испанские эмигранты. Они рассказали нам о сегодняшней Испании.

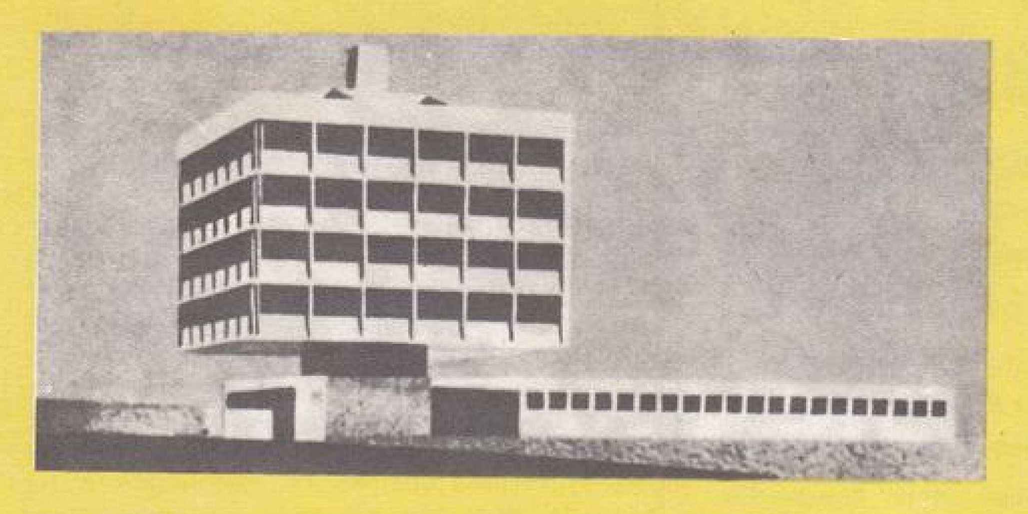
— К пятидесятилетию Советской власти мы пригласили товарищей из ГДР: они рассказали о том, как живут там люди...

Пожалуй, все о клубах и о ребятах из ФРГ. О клубах, рожденных жизнью, о ребятах, восставших против лжи и опасности, которую она, ложь, порождает.

Быстро исписываются страницы блокнота. Факты... Факты... Из них складывается картина напряженной действительности, картина борьбы, которую ведут наши сверстники в жестких условиях нынешней Западной Германии.

Виктор ТУЗОВ

НОВОСТРОЙКА БУДАПЕШТА



Журнал „Вилаг ифьюшаг“ (Венгрия)

Так выглядит проект нового здания секретариата Всемирной федерации демократической молодежи в Будапеште. Строительство здания будет закончено через два года.

ЕЩЕ ОДНА КОРОЛЕВА

Журнал „Иллюстрейтед Лондон ньюс“ (Англия)

Ежегодно в столице Великобритании проводится конкурс «Самый красивый ребенок Британских островов». Психоз, раздуваемый местными фирмами вокруг этого события, достигает колоссальных размеров. В последнем конкурсе принимало участие 75 825 юных кандидатов. Победительницей стала Дебора Периман из города Уэмбли, которую вы видите на фотографии. В три ручья текут слезы по щекам четырехлетней Деборы: устроители конкурса замучили ребенка до такой степени, что его уже не радуют ни игрушки, ни «королевская» корона.

БЕГСТВО ТАЙНЫМИ ТРОПАМИ

Газета „Вохенпост“ (ГДР)

Американский солдат Гордон Мемпан после отпуска о зался возвращаться во Вьетнам. Он переехал в Великоб нию и попросил у правительства политического убеж

Мемпан не одинок. Весной 1967 года прогрессивные м дежные организации западных стран выпустили лист с призывом к американским солдатам дезертировать. «Б по одному или группами! Скажите войне «нет»! Не бо ничего!» — говорилось в листовках. Подобные призывы пространялись в армейских барах Сайгона, на военных б в ФРГ, Норвегии, Италии. Их даже рассылали по п прямо в казармы. В то же время во многих странах За ной Европы начали действовать подпольные «приемные п ты». Их организаторы подыскивали для бежавших квар и документы, устраивали на работу.

Успешно действуют противники войны во Франции. Ра полиция этой страны могла выдать их американским влас Однако с выходом Франции из НАТО положение измени и бывшие солдаты находят здесь надежное убежище.

Помогают беглецам и молодые голландцы. Они устраи дискуссии на железнодорожных станциях, вовлекают в американских солдат, разъясняют агрессивный характер тики США.

Нидерландское телевидение сообщило недавно, что из риканских частей, расквартированных на территории бежало более 500 человек. Журнал «Тайм» в статье «Ам ка теряет солдат» констатировал дезертирство более ты американских солдат в Европе.

Несколько тайных организаций, помогающих уклонятьс отправки во Вьетнам, работают в самих Соединенных Шта Бюро одной из таких организаций действует легально в ка ском городе Торонто и помогает беглецам устраиватьс работу. Государственный секретарь Канады подтвердил не но, что уже более тысячи молодых американцев осело в наде, предпочитая жизнь на чужбине отправке во Вьет Требование американского правительства об их вы отклонено.

КТО БОЛЬШЕ?

Журнал „НБИ“ (ГДР)

На футбольном аукционе Италии самая большая сумма денег уплачена за Гигетто Мерони, нападающего из Турина: 750 миллионов «Гигетто, — писала одна из газет, — весит 67 килограммов. Чтобы приобрести, заплатили 11 миллионов лир за каждый килограмм — в раз больше, чем за чистое золото, и в четыре раза больше, чем за тину».

Было бы наивно полагать, что Гигетто обогатился в результате сделки. На футбольной бирже таких, как он, множество, и все они сматриваются как ходовой товар. Почти вся уплаченная за Гигетто Мер сумма записана на текущий счет заправил футбольного бизнеса.

В самые отдаленные уголки земного шара ведут советских людей маршруты их командировок и туристских поездок. В то же время нашу страну ежегодно посещают сотни тысяч зарубежных гостей.

Открывая фотоклуб «Ровесника» «13×18», мы предлагаем нашим читателям попытаться с помощью фотографии рассказать о самых интересных своих зарубежных встречах и впечатлениях. Темы фотоснимков могут быть различными, но в первую очередь нам хотелось бы получить фотографии, посвященные актуальным вопросам в жизни молодежи.

Предпочтение отдаем снимкам, содержание которых понятно и без пространных подписей.

Сегодня мы публикуем фоторепортаж Виктора Будана о комсомольцах из шотландского города Эдинбурга. Они сфотографированы в момент распространения газеты «Челлендж» и сбора подписей под воззванием прекратить агрессию американского империализма во Вьетнаме. Действие фоторепортажа происходит на главной улице города Принсес-стрит.

ВОРОВСТВО [redacted] ЗАКОНУ

Крупнейшая афера, раскрытая недавно в США, связана с Цианамидской фармацевтической корпорацией. Руководство этой корпорации ассигновало 21 миллион долларов на получение нового лекарственного препарата. Однако после завершения работ агенты конкурирующей фирмы похитили формулу препарата и продали ее другой фирме за 445 тысяч долларов.

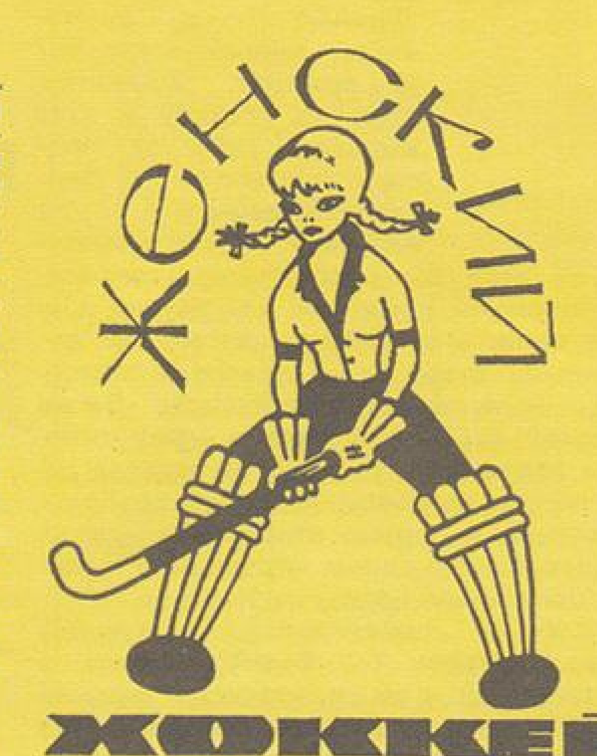
Кража чужих секретов в мире бизнеса давным-давно уже никого не удивляет. Каждый раз, когда та или иная фирма готовится к выпуску новой продукции, ее конкуренты лезут из кожи вон, чтобы разведать секреты производства. Подкупленные агенты используют в своей практике самые изощренные приемы. В августе 1967 года в местечке Колд Эш, неподалеку от города Ньюбери (Англия), появился странствующий студент. Свою палатку он разбил рядом с виллой, в которой было конструкторское бюро известной фирмы. Однажды студент попросил у соседей разрешения поговорить по телефону. Разговор затянулся. А через несколько дней обитатели виллы обратили внимание на помехи в телефонной трубке. Вскоре обнаружили миниатюрный радиопередатчик, прикрепленный к аппарату. Прибывшая на место полиция нашла в палатке «студента» приемник, который использовался для выуживания чужих секретов.

Хотя радиоподслушивание в Англии запрещено, любая фирма может приобрести для своих агентов необходимое оборудование. Создана целая индустрия шпионского ширпотреба. Частные агенты используют микрофоны, замаскированные под запонки, зажимы для галстуков и даже вставные зубы. Микрофон размером не более сигаретной пачки воспринимает разговор на расстоянии в 90 метров. Микрофон направленного действия улавливает содержание беседы за 150 метров. В книге «Частные шпионы» рассказывается об использовании в шпионских целях собак, в корм которых помещают микропередатчик.

В условиях, когда никто не может быть гарантирован от подслушивания, хозяева фирм идут на все ради сохранения своих секретов. Новые образцы английских автомобилей отправляются для испытаний в наиболее отдаленные страны Африки. Подготавливая выпуск новых сигарет, одна табачная компания назвала свои изыскания условным кодовым наименованием. Возле здания фирмы дежурила вооруженная охрана. Реклама печаталась в Голландии, а телевизионный ролик — в Париже.

Правила морали не для тех, кто участвует в жестокой войне из-за прибыли. В этой борьбе каждый готов перегрызть горло конкуренту, хотя внешне все выглядит благопристойно. Улыбка, протянутая рука, видимость приятельских отношений и, наконец, удар в спину — такова логическая последовательность «военных действий» одной фирмы против другой.

В. ДУБИНСКИЙ



ЖЕНСКИЙ ХОККЕЙ

Газета „Обсервер“ (Англия)

В женском хоккейном турнире, который проходил в английском городе Леверкузене, участвовали команды Англии, Франции, Нидерландов, Бельгии, Шотландии, Ямайки и некоторых других стран. Получит ли когда-нибудь признание этот вид спорта или будет собирать на трибунах лишь школьников да любителей курьезов? Пресса единодушно отмечает, что главный недостаток всех 60 матчей турнира заключается в слабой тактической подготовке команд.

Капитан английской сборной Мэлвин Хики считает, что два года тому назад дела обстояли несравненно хуже. Было немыслимо, чтобы игроки отдали пас назад, в сторону или подстраховали своих подруг по команде во время непрерывных игровых перемещений.

Почти каждый судейский свисток во время турнира в Леверкузене воспринимался участницами как оскорбление. Что же касается искусства силовой борьбы, то в этой области хоккеистки нисколько не уступали сильному полу.

«Отмороженные костыли»

Давайте представим, что Джеймс Бонд, знаменитый тайный агент 007 из романов Флеминга, попал в Москву и стал выдавать себя за простого деревенского парня, приехавшего в город на учебу. Придя в институт, он стал бы рассказывать секретарю приемной комиссии, как трудно ему было попасть в столицу, потому что деревенский староста — изверг и кровопийца — потребовал откупного. Затем сообщил бы, что в селе к нему относятся хорошо, потому что он «всегда давал по две колбасы каждому ковбою», и, наконец, в порыве откровения сделал бы заявление о своем «презрении к людям, погнанным царем на Кавказ».

Подобные переговоры, в лучшем случае, привели бы беднягу Бонда в сумасшедший дом и навсегда лишили бы господина Флеминга гонораров за его грязную антисоветскую стряпню.

«Ну и ну!» — воскликнет читатель. «Ни Флеминг своего вымышленного героя, ни ЦРУ своих реальных разведчиков никогда не поставят в столь опасное положение и постараются более серьезно нашпиговать их знаниями о нашей жизни. Кому же охота терять агентов только из-за их плохого предварительного обучения».

Что ж, читатель будет прав. Шпион, посланный в Советский Союз для враждебных акций, не может так искаженно представлять себе нашу действительность. И уж в любом случае он должен знать язык, на котором мы говорим. Но то шпион. А миллионы простых американцев?..

Фразы, вложенные нами в уста Джеймса Бонда, взяты не с потолка. Они входят в учебники русского языка, изданные в США, и предназначаются как раз для простых американцев. Они выходят большими тиражами, снабжены заманчивыми названиями и смотрят на прохожих с витрин книжных магазинов.

В ноябре прошлого года газета «Юманите» писала: «Интерес к Советскому Союзу и русскому языку растет изо дня в день. Успехи, достигнутые СССР в науке, технике, культуре, вызывают глубокое любопытство у специалистов всего мира. Количество советских книг, журналов и газет, которые выписываются зарубежным читателем, увеличивается беспрерывно. Сегодня язык Ленина, Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова распространяется повсюду. Во Франции и Великобритании, в Италии, Австрии, Дании, ФРГ и многих других странах люди изучают русский язык».

Быстро растет количество людей, изучающих русский язык и в Соединенных Штатах Америки. Промышленника интересует возможность взаимовыгодной торговли, артист хочет познать все тонкости системы Станиславского, летчик хотел бы знать о впечатлениях своих коллег, поднявшихся в космос, экономисту нужны подробные данные о планировании промышленного производства. Сотни тысяч людей, сотни разных интересов, и всем нужен русский язык, чтобы удовлетворить свое профессиональное любопытство или духовную потребность.

Иностранцы высоко оценивают качество учебников русского языка, выпущенных в Советском Союзе. Они очень хорошо отзываются о «Русском языке» В. Аракина и И. Самойловой, «Русском языке в рисунках» И. Баранникова и Л. Варковитской.

Американские издательства не считают нужным их переиздавать. Вместо них прилавки магазинов заваливаются учебниками американских авторов. И за этой торговой операцией скрывается один из трюков буржуазной пропаганды.

Знание русского языка открывает перед иностранцами широкую возможность узнать правду о Стране Советов. Американец, владеющий русским, сможет прочесть советские книги и газеты, понять радиопередачу, поговорить с советским человеком. От него не утаишь правду о быстром росте экономического благосостояния советского народа, не скроешь гуманистическую сущность социализма. А ведь потуги буржуазной пропаганды направлены именно на то, чтобы эта правда не дошла до людей, живущих в странах капитала.

Перед нами выпущенный в США учебник издательства «Кортина» с соблазнительным названием: «Русский язык в двадцать уроков» и «Упрощенная русская грамматика» Хуго.

Оба учебника рекламируются не только как «новая веха в методике изучения языка», но и как возможность понять «душу загадочных русских».

Для того чтобы усвоить русскую лексику, предлагается следующий диалог:

«Н и н а П а в л о в н а. Смотрите, они подошли к стоящему на углу нищему, который держит что-то в дрожащей руке. Они хотят помочь ему.

И в а н П е т р о в и ч. Возможно. А вот странный случай. Прошлой зимой я хотел помочь дрожавшему от холода нищему и дал ему свое старое платье, а он тут же отдал его проходившей мимо бедной девочке.

Н и н а П а в л о в н а. Это значит, что вы добрый человек, но он добрее вас. Я знаю другой случай: я как-то говорила с одним бывшим солдатом, и он уверял меня, что прошедшей зимой он отморозил себе не только ноги, а и костыли».

Может быть, авторы текста претендовали на юмор. В таком случае им можно только посочувствовать.

Как видите, расширить знание русских слов здесь предлагают за счет слов «нищий», «дрожащий», «бедный», «костыли».

Американцам, желающим посетить Россию, авторы учебника предлагают среди множества наиболее ходовых фраз следующие «наиболее употребительные выражения»: «Кто это там выглядывает из-за угла?», «Почему вы стоите около моего дома?», «Сожгите немедленно эти бумаги!», «Где вы спрячете ключ?», «Идите бесшумно, чтобы нас никто не услышал!», «Осторожно, берегитесь», «Вчера кто-то повесился в нашем парке».

Да, авторы учебников «Кортина» и Хуго не стесняются и откровенно пытаются использовать интерес к русскому языку для создания ложного представления о нашей стране.

Но, может быть, учебники «Кортина» и Хуго являются досадным исключением и о них не стоит говорить? Разрешите познакомить вас еще с одним опусом методической мысли. Учебное пособие Массачусетского технологического института для изучающих русскую действительность. Один из текстов пособия знакомит американцев с русскими. Кто же эти люди, удивляющие мир достижениями науки, техники, искусства? Пожалуйста, познакомьтесь с Глебом Фомичом:

«Глеб Фомич — молодой агитатор с блестящим будущим. Он живет по точно составленному расписанию. Это значит, что он встает в 6 часов утра (и часто даже в 5 часов). Наскоро ест и идет в агитпункт. По дороге к агитпункту он поет Государственный гимн Советского Союза (это в понедельник, в среду и пятницу. По вторникам и четвергам он поет какую-нибудь другую патриотическую песню). У него много кабинетов. (Точнее, у него пять кабинетов.) У него много секретарш. (Точнее, у него 37 красивых, незабываемых секретарш.) Когда он входит в агитпункт, его секретарши говорят: «Привет нашему славному начальнику Глебу Фомичу». Он им обыкновенно отвечает: «Догнать и перегнать Америку!» — и начинает работать. (Но если он плохо спал, он отвечает: «Советский Союз окружен капиталистическими врагами».)

Целый день он агитирует и пропагандирует без отдыха. Точно в четыре часа он выходит из агитпункта. Глеб больше всего любит точность и пунктуальность...»

Как Глеб Фомич агитирует и пропагандирует, будущий знаток русского языка узнает из диалога:

«С т а р а я б а б у ш к а. Помогите,

пожалуйста, сироте. Я четыре дня не спала и пять дней ничего не ела. Мне надо видеть вашего начальника. (И она горько заплакала.)

Секретарша. Я его спрошу, сможет ли он вас принять. (Глебу.) Тут какая-то старушка. Она требует немедленного свидания.

Глеб. Пусть позвонит по телефону.

Секретарша. Но она горько плачет.

Глеб. Боже мой! (Простите за выражение!) Не знает ли она, что нельзя плакать в нашем советском огороде».

Художник В. Кириллов

Таков «передовой» советский человек, который по замыслу авторов учебника должен представлять наиболее активную часть нашей молодежи.

«Ну, а что представляет собой советский рабочий?» — может спросить любознательный американец. И учебное пособие Массачусетского технологического института предоставляет американскому студенту возможность познакомиться с неким Бубликовым:

«Вячеслав Бубликов — промышленник замечательных качеств. Он принимает все как есть и всех удивляет своим неимоверным спокойствием. Он обычно спит глубоко. Поспавши хорошо, он просыпается без будильника, осторожно моет лицо и руки и бреется безопасной бритвой. Помывшись и побрившись, он успешно борется с галстуком и со всяческими принадлежностями современного туалета.

Одевши свой любимый коричневый костюм, он поднимается по лестнице в столовую. Молча он ест всякую дрянь, которую подает ему жена. Обнимая жену за талию и целуя ее, он вежливо благодарит ее за вкусный завтрак и бодро выходит из дому».

Под стать основному тексту и упражнения. Авторы пособия не только, так сказать, демонстрируют невежество, но и пытаются закрепить его в сознании американца. Деепричастные и причастные обороты предлагается усваивать в следующих предложениях:

«Я всегда мою и брею отвратительных зверей.

Проснувшись рано, я борюсь за мир.

Я интересуюсь капиталистами, окруженными бастующими рабочими».

А вот дополнительный текст для тех, у кого хватило терпения усвоить предыдущее:

«Знаете ли вы красного русского доктора Пушкина?» — «Конечно, я его знаю! Красного доктора Пушкина все знают!!! Он и писатель, и философ, и великий инженер.

Этот человек настоящий ударник.

Никто не работает так много, как красный русский доктор Пушкин».

Неграмотные, глупые, а главное — подлые строки и страницы. Грязное дело взялись осуществить люди, выдающие себя за американских педагогов русского языка. Не великий язык великого народа несут они своим ученикам. Злоба льется со страниц их «методических пособий». Ненависть прикрывают они сладенькой улыбкой добренького дяди-учителя.

Но как бы ни изворачивались антисоветчики, ложь, даже подпертая «отмороженными костылями», остается ложью. Объективная действительность складывается не в их пользу. Над Америкой проносятся советские космические корабли, тысячи американцев слышат и понимают суть выступлений советских дипломатов в нью-йоркском небоскребе ООН, советское искусство пересекает границы и раскрывает наши сердца для всех, кто умеет слышать, видеть и думать. Язык правды универсален. И его не удастся исказить никакими учебными пособиями лжи.

В. ЮРЬЕВ

РАЗГОВОР В РЕДАКЦИИ

Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему повышению материального благосостояния советского народа» предусматривает новое снижение налогов с заработной платы рабочих и служащих. Это постановление имеет огромное внутреннее и международное значение. В то время как в капиталистических странах рост налогов стал неизбежным бедствием для трудящихся, наша страна постоянно сокращает налоги. Мы пригласили в редакцию известного специалиста по налоговой системе зарубежных стран доктора экономических наук Г. П. Солюса и попросили его рассказать о роли налогов в современном буржуазном государстве.

Прежде всего я хотел бы подчеркнуть коренное отличие налогов у нас от налогов в капиталистических странах. Дело в том, что у нас поступления от налогов составляют всего 8,3 процента государственного бюджета, в то время как в капиталистических странах они составляют примерно 80—90 процентов государственного бюджета. Разница, как видите, громадная.

Не одинаковы и размеры налогов. Американский рабочий отдает примерно 25 процентов своей зарплаты в виде налогов, прямых и косвенных. К этому нужно добавить еще 6 процентов взноса на социальное страхование. Общая сумма изъятий из зарплаты превышает 30 процентов. В нашей стране налоги составляют в среднем 10 процентов зарплаты, и предусматривается дальнейшее их снижение.

Сейчас в США налогами изымается почти треть национального дохода страны. Это составляет колоссальную сумму — 160 миллиардов долларов. Куда идут эти деньги? Самая большая часть — почти 70 миллиардов долларов — уходит на военные расходы.

Чем это вызвано? Объем производства при капитализме неизбежно превосходит платежеспособный спрос. Это связано с анархией производства, и от этого капитализму никуда не деться. Каждый капиталист вынужден вводить новые машины, так как они дают большую производительность труда. В связи с этим капиталист должен сокращать рабочую силу, выталкивать рабочих на улицу. Что же получается в результате? Рост производительности труда приводит к тому, что товаров становится все больше, в то время как покупательная способность рабочих сокращается. Наступает кризис перепроизводства.

Где выход? Рецепт дал известный буржуазный экономист Д. М. Кейнс: государство должно прийти на помощь капиталистам — или затормозить объем производства, или повысить платежеспособность населения. Эту операцию государство и пробует провести с помощью рычага налогов. Если у капиталиста изъять часть прибыли, то ему будет труднее расширять производство. А эти изъятые в виде налогов деньги можно передать армии, которая, хотя ничего не производит, становится весьма платежеспособным сектором общества.

Сейчас президент Джонсон требует нового увеличения налогов на 10 процентов, чтобы передать эти средства армии. Военная машина растет, происходит милитаризация всей экономики страны. Растет и опасность военных авантюр. Еще Бисмарк заметил, что «если пушек произведено слишком много, они сами начинают стрелять».

Куда уходят остальные средства, получаемые от налогов? В США почти 12 миллиардов долларов уходит на оплату государственного долга, то есть долга крупным частным монополиям. Миллиарды долларов уходят на содержание государственного аппарата, судов, полиции. Наконец, как это ни странно, почти 6 процентов всех собранных в виде налогов средств уходит на содержание самого налогового аппарата: сборщиков, инспекторов и т. д. Буржуазное государство вынуждено часть средств расходовать и на социальные нужды, это требует непрерывно растущая и крепнущая борьба рабочего класса.

До начала XX века в США были только косвенные налоги (то есть налоги в виде надбавки на цену товаров). Прямой налог был введен только в 1916 году. Почему это случилось так поздно? Дело в том, что косвенные налоги очень удобный способ ограбления трудящихся. Делается это так: государство вводит налог на товары первой необходимости: на соль, спички, табак и т. д., а предприниматель добавляет этот налог к ценам на товары и, таким образом, перекладывает бремя на плечи трудящихся. Однако скоро выяснилось, что бесконечно повышать косвенные налоги нельзя. Это ведет к непрерывному росту цен на товары, и рабочий класс начинает требовать повышения зарплаты.

Тогда начинают расти прямые подоходные налоги. Если, например, в США в 1938 году прямым налогом было обложено всего 3 миллиона человек, то в 1966 году эта цифра выросла почти в восемнадцать раз и достигла 53 миллионов человек. Теперь больше половины всех налоговых поступлений идет от прямых налогов.

Надо сказать, что в некоторых капиталистических странах налоги на прибыль довольно высоки, иногда они достигают 80 процентов всей прибыли. Но на деле монополисты никогда таких высоких налогов не платят. Есть сотни уверток, позволяющих им оставлять львиную долю прибылей у себя. Кроме того, капиталисты понимают, что налоги пойдут на стабилизацию буржуазного строя. Эти деньги будут использованы для «впрыскивания» в стоящую на грани кризиса экономику.

Тяжесть налога всегда более ощутима для низкооплачиваемых профессий. Поэтому если у молодого рабочего из оклада в 200 долларов изымают 25 процентов, то есть 50 долларов, и он получает только 150 долларов, то это гораздо более ощутимо, чем налоги на прибыль и сверхприбыль капиталиста, у которого, скажем, из 100 тысяч долларов вычитают 45 процентов и оставляют ему «всего лишь» 55 тысяч долларов.

Различие в налоговых системах у нас и на Западе прежде всего связано с коренными отличиями социалистического строя от капиталистического. В нашей стране налоги и впредь будут снижаться. В то же время в капиталистических государствах налоги являются основным насосом для выкачивания денег у трудящихся.

X ЗИМНЯЯ

Во вторник 6 февраля, ровно в 16 часов 25 минут по среднеевропейскому времени, в Гренобле состоится торжественное открытие X зимних Олимпийских игр.

Еще в Инсбруке счетные машины в доли секунды пересчитывали показания судейских секундомеров и оценки арбитров на язык очков и молниеносно размножали эти показания, сообщая их зрителям в виде светящихся надписей на табло и журналистам — в виде отпечатанных протоколов.

Сегодня сеть телевизоров позволит сидящим в ложах прессы видеть не только то, что происходит перед их глазами, но и состязания, идущие одновременно на других трассах олимпиады. Такой синхронности восприятия будут лишены даже те, кто придет на трибуны олимпийского стадиона. В ряде случаев техника поможет и в другом. Еще задолго до игр на будущих трассах лыжных и санных гонок в тех местах, которые особенно обогреваются солнцем, проложены холодильные установки.

Сейчас любителей спорта прежде всего волнует вопрос: кто победит? В традиционном зачете, позволяющем высчитать по очкам, которая из странучастниц наберет наибольшее количество призовых мест (таковых на олимпиадах, по традиции, шесть), всеобщим фаворитом является сборная Советского Союза. Успехи наших спортсменов в Кортина д'Ампеццо, Скво-Вэлли и Инсбруке (до этого сборные СССР в олимпиадах не участвовали) дают основания для такого оптимизма. Конечно, по опыту прошлых игр всегда возможны неприятные «сюрпризы», но безусловно будут и «незапланированные» победы. Тем более что ни у кого из участников нет такой ровной команды, как у нас.

Другое дело — попытка предугадать, кому достанутся отдельные медали, хотя по всем представленным на олимпиаде видам в перерывах между играми проходят чемпионаты мира и Европы, а это позволяет судить о соотношении сил. Зимний сезон короток. Практически до конца января не бывает соревнований такого масштаба, по которым можно бы было отважиться на прогнозы (не говоря уже о том, что пророчество и так неблагодарное занятие). Тем более что в олимпийском сезоне всегда можно ждать неожиданностей. Тренеры приберегают сюрпризы и могут в решающий момент поразить мир каким-нибудь новшеством. Всякое «секретное оружие» хотелось бы предварительно опробовать, но тогда пропадает эффект неожиданности. Приходится рисковать. Конечно, это не значит, что в Гренобле будут «открыты Америки», может быть, все пойдет по давно накатанным дорожкам, а может быть...

КИБЕРНЕТИКА НЕ ПОНАДОБИТСЯ

На всяких чемпионатах по бегу на коньках уголок, отведенный для тренеров, напоминает что-то среднее между сумасшедшим домом и бухгалтерией. Дело в том, что звание сильнейшего присуждается не только тому, кто быстрее всех пробежит ту или иную дистанцию, но и спортсмену, показавшему лучший результат в сумме четырех гонок.

Для определения победителя существуют специальные таблицы, приводящие к общему знаменателю секунды, показанные на разных дистанциях. Тренеры и спортсмены все время подсчитывают, за сколько секунд надо пробежать, чтобы отыграть у конкурента требуемое

число очков. Вот где открываются неограниченные перспективы для «умных» машин, умеющих с феерической быстротой производить самые сложные подсчеты!

Увы, эти механизмы останутся без работы. Олимпийские игры тем и отличаются от обычных чемпионатов, что медали разыгрываются только по отдельным дистанциям, без общего зачета. Изменен и самый порядок соревнований.

Как видно, для скороходов Олимпийские игры предъявляют специфические требования. Уже поэтому ни о каких прогнозах и говорить не приходится. За последнее десятилетие спортивные летописцы отметили времена советской, скандинавской и голландской гегемонии. Это в общем зачете. А на отдельных дистанциях можно ждать «сюрпризов» и от представителей США, и от японцев, а возможно, и еще кое от кого.

Еще на последних играх в Инсбруке беспрецедентная победа Скобликовой, выигравшей все без исключения золотые медали, позволяла конькобежкам уверенно смотреть в будущее. К сожалению, за последние годы наши позиции пошатнулись. В прошлом году, впервые с момента выхода на международную арену спортсменок нашей страны, им пришлось уступить звание чемпионов мира. Ею стала голландка Кайзер. А еще годом раньше Стениной лишь в последний момент удалось опередить рвавшихся к победе кореянок. Поэтому и в женских забегах каждая медаль будет браться с боя.

БЕЗ ПЕРЕМЕН

Сказать, что у хоккеистов борьба за медали развернется между командами «большой четверки» (СССР, Чехословакия, Канада, Швеция), значит ничего не сказать. Конечно, за золотые медали будут бороться еще и другие команды, но они настолько слабее «великих», что и сами-то не рассчитывают на успех и способны радоваться, в случае если им удастся вырвать ничью у одного из четверки. Перед играми все претенденты проведут немало так называемых контрольных встреч. При этом возможны и результаты, которые быстрые на слова журналисты назовут сенсационными. Однако не следует слишком поддаваться таким сенсациям. Очень часто даже самые именитые команды «темнят», стараясь разведать игру противника и не показать своей. Потом, когда дело принимает серьезный оборот, может случиться, что тот, кого уже сбросили со счетов, на самом деле опаснее других.

За годы, прошедшие с последней олимпиады, борьба за звание сильнейших проходила между названными выше четырьмя командами, и каждый раз до последнего дня держала в напряжении любителей. Как известно, сборная Советского Союза уже пять лет подряд сохраняет титул чемпиона мира. Это делает ее задачу в Гренобле особенно сложной.

Как бы то ни было, и те, кто поедет в Гренобль, и мы, сидящие у телевизоров, конечно, будем иметь немало возможностей понервничать.

НА ЛЫЖНЕ

О будущей судьбе лыжных медалей можно сказать и того меньше. Лыжные трассы проложены на местности, и уже в силу этого не похожи одна на другую. Поэтому можно сказать, что в выгоднейшем положении в Гренобле окажется тот, кто лучше других приспособится к местным условиям.

Наша страна с ее снежной зимой породила немало способных лыжников. Не предрешая вопроса о будущих олимпийских чемпионах, можно с уверенностью сказать, что представители советской команды будут на пьедестале почета. Что же касается наших лыжниц, то их не случайно считают сильнейшими в мире. Надо думать, что и в Гренобле они не подкачают.

Не следует понимать это так, что на лыжне обойдется без борьбы. Шведы, норвежцы и финны всегда были классными скороходами. За последние годы чемпионам с севера стали оказывать сопротивление лыжники такой «незимней» страны, как Италия.

Труднее придется нашим горнолыжникам. Этот вид спорта у нас еще молод, и до золотых медалей добраться труднее. Тут хозяева олимпиады, французы, в родных стенах рассчитывают на успех. Тем более что со времен Инсбрука они захватили гегемонию в горнолыжном спорте. Однако и горнолыжникам Франции придется поработать, чтобы заполучить медали. В Австрии, где по сей день не могут забыть, как Тони Зайлер в Кортина д'Ампеццо завоевал три золотые медали, расценивают преобладание французов как национальный позор. Ради реванша в Австрии создали даже специальные средние школы, где учатся дети, обещающие стать классными горнолыжниками. Для них создана специальная программа, предусматривающая, помимо литературы и математики, немало часов для лыжных тренировок.

...И ПРОЧИЕ

Наиболее зрелищным будет, как обычно, фигурное катание на коньках. Тут основным стимулом окажутся не столько золотые медали, сколько возможность озолотить свои лавры, подписав интересный контракт с каким-нибудь айсревю.

Тут в судейском покровительстве явно не нуждаются лишь победители прошлой олимпиады в парном катании Белоусова и Протопопов. Остальные фигуристы нашей страны пока еще проходят выучку, без которой до медалей не доберешься. Из года в год их результаты на международных чемпионатах растут, и надо надеяться, что в Гренобле они сумеют подняться по иерархической лестнице еще на ступеньку выше.

Г. КАЛЬ

В нашем журнале работает отдел «Отвечаем на все вопросы». Вопросы о жизни молодежи за рубежом принимаем по почте и по телефону Б 1-96-55.

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

1 Напишите о Микисе Теодоракисе, лауреате премии Ленинского комсомола, народном герое Греции, и напечатайте его «Песнь свободы».

Л. СОЛНЕЧНАЯ
г. Одесса

2 Расскажите о постановке образования в развивающихся странах — например, в Конго (Браззавиль).

Ю. ЛУКИН
г. Хабаровск

3 Какой цели служит проведение Дней Америки!

С. СЕМЫНИН
г. Петрозаводск

4 Влияют ли радиоволны на живые организмы!

Б. МИХАЛЕНКО
г. Краснодар

1 Отвечает журналист М. КРИГЕР

Микис Теодоракис... Болью отзывается в наших сердцах это имя. Еще совсем недавно он был у нас в редакции, такой огромный, веселый, красивый. На стене осталась сделанная им запись — строчка нот. И вот сегодня весь мир в тревоге за его судьбу... Микис Теодоракис на грани смерти. Его поместили в камеру, которая находится как раз под террасой, где пытают заключенных. Он ежедневно слышал крики истязуемых женщин, детей. Палачи изобретательны. Психические пытки, которым подвергался этот мужественный человек, страшнее телесных. Затем мир узнал еще об одной гнусности. Полицейские провокаторы распустили лживые слухи о том, что Теодоракис на следствии якобы выдал своих товарищей и рассказал о деятельности Патриотического фронта. Микис Теодоракис категорически опроверг эту наглую ложь и заявил, что готов выступить на суде. Но именно этого и страшились больше всего «черные полковники», упрятав Теодоракиса в тюремную больницу.

Новое греческое правительство издало приказ: «Мы запрещаем на территории всей страны передачу или исполнение в любой форме музыки или песен коммуниста Микиса Теодоракиса». Фашисты, захватившие власть в Греции, понимают, что музыка Теодоракиса — это голос непокоренного греческого народа. Вот почему они так боятся ее. Но песню задушить нельзя. Песня вырвется из любого застенка. Так случилось и в этот раз. Весь мир облетела мелодия новой песни Теодоракиса, сочиненной им в подполье. «Песнь свободы» — так назвал композитор свое произведение, посвященное молодежи Греции.

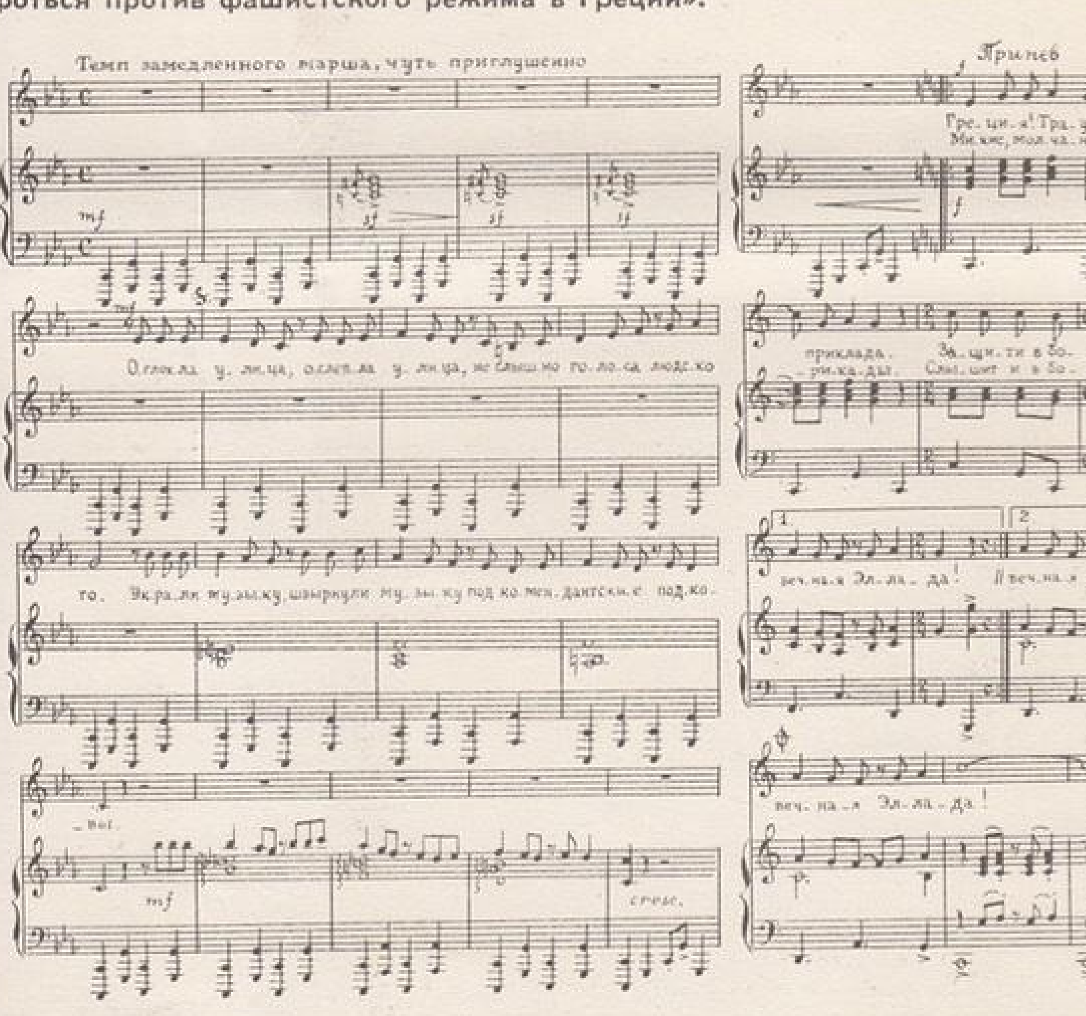
Теодоракису удалось переслать за границу лишь ноты этой песни, и он просил, чтобы поэты всех стран написали к ней свой текст.

В нашей стране обработку музыки Теодоракиса сделал композитор В. Гамалия, а поэт М. Танич написал к ней слова, которые звучат как обращение к нашему другу Микису и ко всем его товарищам, томящимся в тюрьмах. Люди! Пойте «Песнь свободы»! Пойте громче! Чтобы в Греции услышали наш мощный хор! Услышали и содрогнулись те, кто готовит расправу над греческими патриотами. Мы требуем: «Свободу Микису Теодоракису! Свободу Манолису Глезосу! Свободу прекрасной Элладе!»

Барни Дэвис, национальный секретарь комсомола Великобритании, побывавший в Греции, рассказывает в журнале «Чэллендж»:

«Нас было шестеро. Мы приехали в Грецию как туристы — поездом со стороны Югославии. На границе греческая полиция стала обыскивать пассажиров. У нас было несколько тысяч листовок, осуждающих военно-фашистский режим Греции. К счастью, все обошлось.

Афины напоминают оккупированный город. По обочинам стоят грузовики с вооруженными солдатами. Повсюду снуют переодетые сыщики.

Молодые греки призывают молодежь всего мира всеми возможными способами бороться против фашистского режима в Греции».

Оглохла улица,
Ослепла улица,
Не слышно голоса людского.
Украли музыку,
Швырнули музыку
Под комендантские подковы.

Припев:

Греция!
Траура не надо!
Локоть —
На холоде приклада.
Защити в бою
Музыку свою,
Юная и вечная Эллада!
Микис,
Молчания не надо!
Песня зовет на баррикады.
Слышит и в бою
Музыку твою
Юная и вечная Эллада!

У звонкой улицы
Украли музыку,
Убили музыку
И песни.
Но песня выстоит,
И скажет Греция:
«Товарищ Музыка!
Воскресни!
Товарищ Музыка!
Воскресни!»

Припев:

Греция!
Траура не надо!
Локоть —
На холоде приклада.
Защити в бою
Музыку свою
Юная и вечная,
Юная и вечная,
Юная и вечная Эллада!

2 **Отвечает член исполнительного комитета молодежной секции Партии национального революционного движения Конго (Браззавиль) ОГЮСТ МПАССИ-МУБА.**

«Глядя в прошлое — обнажите головы, глядя в будущее — засучите рукава» — эта пословица как нельзя лучше подходит к положению с народным образованием в нашей стране. Колониализм оставил нам тяжелое наследство. Почти полная неграмотность, считанное количество школ, национальных кадров преподавателей нет совсем. Программы в школах, которыми управляли колониальная администрация или католические миссионеры, были скопированы с французских и совершенно не соответствовали потребностям нашей страны. Например, в них уделялось большое внимание латыни или древнегреческому языку, а на естественные науки и математику отводилось мало времени.

После победы революции 1963 года нам пришлось, действительно засучив рукава, приниматься за дело и начинать его почти на пустом месте. Нужно было заново создать всеобщее начальное образование. В кратчайший срок и с наименьшими затратами средств вырастить специалистов, в которых так нуждается наша страна.

Революционное правительство сразу же объявило все школы, коллежи, лицеи и технические училища, и существующие и вновь построенные, государственными. Мы обратились за помощью к социалистическим странам, и к нам приехали преподаватели из Советского Союза, Югославии, Чехословакии и других государств. С их помощью были созданы новые программы.

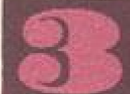
Сейчас обязательное начальное образование охватывает всех детей от 6 до 12 лет. Там, где еще нет школьных зданий, ребята занимаются в любом свободном помещении, а иногда и просто в тени деревьев.

Выпускники начальных школ могут поступить в коллеж или лицей. Коллежи готовят своих воспитанников к поступлению в высшее учебное заведение, в учебных программах большое внимание уделено математике, физике, химии, иностранным языкам. В таком коллеже общего образования, как у нас их называют, молодой конголезец учится десять лет, а затем может поступить в технический вуз.

Лицей дает более гуманитарное образование, хотя программы французского, математики, истории, географии почти такие же, как в коллеже общего образования. Проучившись шесть-семь лет в лицее, выпускник может поступить на медицинский, естественных наук, филологический, юридический факультеты.

После революции 13—15 августа 1963 года в нашей стране была создана Высшая нормальная школа, готовящая преподавателей для коллежей.

Молодое поколение учится, ни один ребенок с 6 до 12 лет не остается за стенами школы. Но колонизаторы передали нам грустное наследство — неграмотность взрослых. Для них с помощью ЮНЕСКО мы открыли центры по ликвидации безграмотности. И надо видеть, с какой охотой люди, никогда не державшие в руках книжку, постигают тайны алфавита!



Отвечает корреспондент АПН в Хельсинки Л. ВАСИЛЬЕВ.

Мне довелось быть очевидцем трех празднований Дней Америки.

Сентябрь 1963 года. Хельсинки. Это было, так сказать, юбилейное, двадцатое мероприятие, и, наверное, поэтому в Финляндию пожаловал Линдон Джонсон, тогда еще вице-президент США.

Все происходило с чисто американским размахом: одна из главных магистралей, Александровская улица, была на два дня переименована в улицу Кеннеди, американские флаги, большие и малые, украшали город. Л. Джонсон в широкополой техасской шляпе расхаживал по Хельсинки и одаривал финских подростков дешевыми шариковыми ручками.

Торжественные речи щедро приправлялись политикой. Например, в одном из выступлений Л. Джонсон убеждал финнов, что их враги живут за восточными границами...

Но финские государственные деятели недвусмысленно дали понять американскому вице-президенту, что с теми, кого он считает врагами, у Финляндии подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

Сентябрь 1966 года. Дни Америки в городе Рованиеми.

В качестве именитого гостя сюда пожаловал Артур Дин. Американские бомбы, напалм, отравляющие вещества истребляли вьетнамцев, но Дин в своей речи в Рованиеми говорил о заинтересованности США в мире без оружия. И произошло знаменательное. Губернатор Лапландии Мартти Миеттунен, выступая на открытии Дней Америки, сказал А. Дину: «У нас (в Финляндии) большинство людей надеется, что Америка найдет менее опасные методы для соблюдения своих интересов в мире, а не те, которые она теперь применяет во Вьетнаме!» И это заявил не кто иной, как представитель филиала общества «Финляндия — США». Губернатор выполнил, как он сам об этом сказал, этический долг честного человека.

Сентябрь 1967 года. Дни Америки в Порвоо.

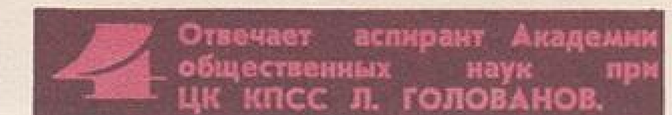
Из-за океана в Финляндию прибыло на этот раз лицо сугубо «гражданское», известный физик, профессор Фредерик Сейтц. В своей лекции в Порвоо он тщательно избегал всего, что хотя бы отдаленно напоминало о той «политической роли», которую Соединенные Штаты играют в современном мире.

Первого сентября делегация восьми организаций Финляндии вручила посольству США в Хельсинки послание, в котором от имени финской общественности отмечалась готовность поддерживать международные связи со всеми народами во имя взаимопонимания и упрочения мира. «Заявляя об этом в канун Дней Америки в Порвоо, — говорилось в послании, — мы считаем, что многое мешает их чистосердечному проведению. У нас нет ничего против американских граждан, независимо от их расовой принадлежности, цвета кожи, политических убеждений. Но мы не одобряем такие действия правительства США, которые подвергают опасности всеобщий мир, приводят к расовой дискриминации. Мы не одобряем войну, которую США ведут в Южном Вьетнаме, и осуждаем продолжающуюся эскалацию военных действий против Северного Вьетнама... Решить проблемы Юго-Восточной Азии при помощи бомбардировок невозможно!»

Второго сентября, в день открытия Дней Америки, в Порвоо состоялись демонстрация и митинг протеста против политики США. «Американцы, вон из Вьетнама!», «Янки, ваши руки в крови!» — такие транспаранты заполнили улицы Порвоо.

«Мы осуждаем действия правительства США, — говорили ораторы на митинге. — Мир нельзя построить на негритянской крови, безработицу нельзя уничтожить гонкой вооружений, развивающимся странам не поможешь, нанося им новые раны и истребляя их население!»

...Обычно спокойный и тихий Порвоо в Дни Америки гневно хмурился при виде людей, въехавших в него на машинах с дипломатическими знаками американского посольства, тревожно шумел, когда из городского парка доносились звуки оркестра военно-воздушных сил США. Днями позора Америки становятся дни ее имени в Финляндии.



4 **Отвечает аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС Л. ГОЛОВАНОВ.**

В 1889 году в одной из своих лекций Александр Степанович Попов высказал мысль о возможности построить прибор, способный «заменить собой недостающие у человека электромагнитные чувства». Спустя несколько лет эта возможность была блестяще продемонстрирована на известном заседании физического отделения Русского физико-химического общества. Но ученый не подозревал, какими удивительными свойствами могут обладать радиоволны, как они могут влиять на организмы, которые хотя и не имеют «электромагнитных чувств», но далеко не безразличны к высокочастотному электромагнитному полю.

Бурное развитие радиотехники поставило на повестку дня изучение биологического действия радиоволн. Было обнаружено, что интенсивные потоки подавляют жизненные процессы, слабые — напротив, стимулируют. Так, например, с помощью слабого облучения высокочастотным электромагнитным полем удается добиться повышения всхожести семян пшеницы. Слабые поля ускоряют рост коконов шелковичных червей. Сильные — приводят к гибели.

Уже в 30-х годах итальянские ученые Рондони и Мецадроли пытались направленным потоком радиоволн подавлять развитие раковых опухолей. Но результат был противоположный — при малых интенсивностях опухоли росли еще быстрее.

Примерно тогда же у нас в стране, в Институте экспериментальной медицины, было установлено вредное влияние электромагнитных волн на мышей. Облученные самки рожали уродливых детенышей (либо без одной-двух лапок, либо без хвоста, либо со сращенными конечностями).

Вредное действие мощных потоков радиоволн — ныне общепризнанный факт, хотя еще не все ясно в механизме этого действия. Установлено, что нарушается минеральный обмен, в первую очередь фосфорный. А это приводит к нервным расстройствам. Облучение радиоволнами влияет и на состав крови и на органические процессы.

Благодаря многолетним исследованиям ученых ныне разработаны средства защиты от радиоволн в производственных условиях и определены предельные дозы облучения.

Электромагнитные колебания высокой частоты не являются чем-то новым для организмов, населяющих Землю, — они всегда присутствуют вместе со всеми другими излучениями Солнца и космоса. Интенсивность «естественных» радиоволн изменялась в процессе эволюции Земли. Как эти изменения влияли на эволюцию организмов! Какое воздействие оказывают сейчас! Эти вопросы стоят на очереди и ждут своего скорейшего разрешения.

Ивэн Хантер

рассказ

Дети джунглей

Рис. А. Кузнецова

Известный американский писатель Ивэн Хантер несколько лет проработал педагогом в нью-йоркских школах, и положение в американском образовании известно ему не из вторых рук. В рассказе «Дети джунглей» изображена не исправительная колония для малолетних преступников и даже не школа для «трудновоспитуемых». Нет, это обычная средняя школа на окраине Нью-Йорка, где получают образование дети небогатых родителей. Картина, нарисованная И. Хантером, покажется советскому читателю страшной. Но такова сегодня действительность во многих американских школах.

Третий урок только начинался. Надо было обязательно дотянуть его до конца. Если он выдержит до конца, останется всего пять таких уроков, после чего можно будет распрощаться со школой Бернарда и уйти, наконец домой. Домой до следующего утра. Следующее утро наступало всегда с кошмарной неизбежностью, но он давно уже привык встречать его серый рассвет с покорным смирением.

Вот уже три года, как Дэйв Кэмп работал учителем. Он был человек с мягким, податливым характером, не очень высокого роста, всегда облаченный в помятые костюмы из твида.

Сперва ему пришлось туго, но с самого первого дня в школе он старательно избегал неприятностей. Ему казалось, что сглаживать и не придавать значения было лучше всего, и другого пути он не видел. Кэмп был малокровным, физически слаборазвитым, а не каким-нибудь здоровенным верзилой, который мог бы раздавать ребятам подзатыльники, не боясь нарваться в ответ на пощечину. Да и все его гуманные побуждения стали теперь делом прошлого.

— Сегодня мы будем учиться писать деловые письма, — сказал он. И тут же бросил на учеников испуганный взгляд, по опыту зная, что сейчас услышит крики протеста.

— А зачем нам все это! — заорал с места Карлтон.

— Затем, что я считаю это для вас нужным, — вяло ответил Дэйв.

— Он считает это нужным! — передразнил Карлтон.

Это был здоровенный верзила с огненно-рыжей шевелюрой и приплюснутым, как у мопса, носом. Атмосферу опасности, постоянно исходившую от Карлтона, Дэйв учуял, когда впервые вызвал его к доске.

Дэйв кивком головы приказал ему сесть на место, снова ощутив в себе знакомое чувство усталости. Он, конечно, не боялся Карлтона и подобных ему верзил. Это был вовсе не страх. Это было все вместе взятое — бесполезность урока и никчемность работы в школе вообще. Да, да, именно никчемность!

Но тут в коридоре послышалась возня, и Дэйв немедленно предположил, что это очередная драка. С первых дней работы в школе Бернарда он старательно держался подальше от таких драк, потому что не считал себя образцом физической силы, и ему совершенно не улыбалась перспектива самому получить по физиономии, разнимая каких-нибудь взбесившихся кретинов. Поэтому он облегченно вздохнул, когда дверь класса приоткрылась и в нее просунулась голова Артура Рурке.

— Добрый день, мистер Кэмп! — улыбнулся Рурке. Однако ответить на приветствие Дэйв не успел. Голова Рурке уже скрылась за дверью, и он сказал, обращаясь к кому-то невидимому в коридоре: — Все в порядке, заходите в класс, ребята!

Дэйв нахмурился. Он не любил, когда прерывали его занятия. Ему хватало работы на уроках и без таких помех. Да и сам этот Рурке не больно ему нравился. Рурке преподавал в школе Бернарда естественные науки, и во всех его колбах и пробирках крылось что-то враждебное и непонятное. Сам Рурке был здоровенный, пышущий здоровьем детина, ростом не ниже шести футов и двух дюймов и глядел на всех преподавателей свысока.

— Заходите, заходите! — проговорил он, обернувшись к кому-то в коридоре.

Лицо Дэйва вытянулось еще больше, когда он увидел, что на пороге его класса столпилось множество учеников — целая группа. Глупо ухмыляясь, они приросли к порогу его класса. Потом, повинуясь команде Рурке, они стали растекаться по классу, заполняя все проходы между рядами и устремляясь по направлению к вешалке, то есть к задним свободным местам.

— В чем все-таки дело, Арти! — вполголоса спросил Дэйв.

— Показательный судебный процесс, Дэйв! — сказал естественник, не переставая ухмыляться. — Одного из твоих кретинов придется, по-видимому, вздернуть на виселицу!

Ребята из класса Рурке были уже, очевидно, в курсе происходящего. Они сидели с понимающими улыбками, тогда как ученики Дэйва озирались, ничего не понимая. Питомцы Дэйва переводили озадаченные взгляды с Рурке на его учеников, которые сидели вместе с ними на партах, и, наконец, обратили свои недоумевающие взоры к Дэйву с молчаливым требованием объяснить, что все это значит. Но Дэйв и сам ничего не понимал и был изумлен не меньше их.

Рурке прочистил горло и торжественно объявил:

— Объявляется судебное заседание по делу учеников школы Бернарда, штат Нью-Йорк.

— Послушай, Арти! — горячо зашептал Дэйв. — Какого дьявола ты собираешься здесь что-то устраивать! Если сюда войдет Хэмптон...

— Хэмптон сюда не войдет, — отрезал Рурке. — Хэмптон развлекает сейчас какого-то босса из министерства. Наш директор мастак по этой части.

— И все же...

Однако ребята уже, по-видимому, кое в чем разобрались. Им было все досконально известно о драках и выворачивании карманов, которые процветали в коридорах их «возлюбленной» школы. Все это они очень хорошо знали и понимали, что драки, грабежи, а зачастую и поножовщина являлись как бы обязательной частью школьной программы. Им было хорошо известно, что Счастливчик Хэмптон, как называли его за глаза, был таким директором, который предпочитал смотреть в другую сторону, когда в его кабинет вносили на носилках после очередной драки какого-нибудь залитого кровью парнишку.

— Сегодня мы с вами устроим суд над одним из учеников, который систематически и зверски избивал своих товарищей и отбирал у них деньги! — громогласно объявил Рурке притихшей аудитории. — Сегодня мы, наконец, будем судить его, потому что у нас достаточно свидетелей, которые на своей шкуре испытали кулаки этого негодяя и легко могут его опознать.

Рурке замолчал и устремил взгляд на своих слушателей, пристально всматриваясь в лицо каждого. Потом взгляд его как бы случайно задержался на Карлтоне, сидевшем в первом ряду.

— Что ты об этом думаешь, Карлтон!

— Вроде неплохая идея, сэр! — ухмыльнулся тот.

— Слушай, Арти! — вмешался Дэйв. — Нельзя ли все-таки обойтись без этого! Ведь у меня уже намечен определенный план урока...

— Воспользуешься им завтра! — отрезал Рурке. — Итак, суд вызывает первого свидетеля! Питер Донато!

С парты, неловко ухмыляясь, поднялся долговязый малый, уже не раз попадавшийся Дэйву на глаза во время его дежурств по коридору. Он решительно откинул со лба гриву черных волос и направился к доске. Проходя мимо Карлтона, он чуть заметно стрельнул в него взглядом и сейчас же повернул голову.

— Тебя ведь зовут Питер Донато! — начал Рурке опрос свидетеля.

— Да, сэр.

— Не хочешь ли ты рассказать суду о том, что случилось с тобой на прошлой неделе! Рассказать суду обо всем так же подробно, как ты рассказал мне!

— Да, сэр... конечно... — В голосе Донато не чувствовалось особой уверенности. Он облизал пересохшие губы и опять покосился на Карлтона.

Дэйв внимательно следил за Донато и, заметив, что тот не спускает глаз с Карлтона, посмотрел туда же. Карлтон, казалось, от души забавлялся происходящим. Этот Карлтон был закоренелый нарушитель дисциплины, и его, конечно, приводило в неописуемый восторг все, что изменило обычный ход занятий. Подумав о пропадающем впустую уроке, Дэйв тяжело вздохнул.

— Я шел в уборную, — начал свой рассказ Донато. — Это было в прошлый понедельник. У нас тогда еще был урок по электричеству. У мистера Абрахамса. Я попросил у него разрешения выйти из класса и пошел в уборную. Она у нас, вы сами знаете, находится в другом конце коридора. На первом этаже. Вот я и спускался на первый этаж, чтобы просто пройти в уборную, как вдруг этот парень выходит из-под лестницы и сгребает меня за шиворот.

— Дальше, Донато, дальше!

— Дальше он, не выпуская ворота моей рубашки, саданул меня головой о стенку и сказал: «Гони все деньги, какие у тебя есть».

— Что же ты ему ответил!

— Я говорю, мол, нет у меня никаких денег! У меня был при себе четвертак на завтрак и на дорогу, да только черта с два я хотел отдавать его! — Донато даже тряхнул головой в избытке справедливого негодования.

— Что же случилось потом, Донато!

— Потом этот парень стал меня... бить, — покраснев, ответил Донато. — А когда я крикнул, что денег у меня все равно нет, он саданул меня ногой в... — Донато умолк и нерешительно посмотрел на Дэйва. — Словом, он двинул меня в это место... — закончил он.

— Ну, а что же ты, стоял и смотрел!

— А что мне было делать! — плачущим голосом спросил Донато. — Вас-то самих били когда-нибудь ногой в пах, мистер Рурке!

Ребята встретили последний вопрос громким хохотом.

— Порядок во время суда! — угрожающе рявкнул Рурке, но ребята еще долго не могли успокоиться.

— Ну и что же, отдал ты этому бандиту свой четвертак!

— Да, — чуть слышно ответил Донато. Он жалобно взглянул на Рурке и перевел взгляд на притихших ребят. — Я не хотел, чтобы он переломал мне ребра! Я не хотел, чтобы он меня изуродовал! Я не хотел...

— И ты отдал ему четвертак, который получил дома на завтрак и на дорогу! Так, что ли!

— Да, — повторил Донато.

Рурке вдруг стремительно выкинул руку вперед и, ткнув пальцем в сидящих перед ним ребят, крикнул:

— Посмотри на них, Донато! Внимательно посмотри! Посмотри на них и скажи, кто из них этот бандит! Ты видишь его среди этих ребят!

— Да, сэр, я... я вижу его.

— Где же он! Покажи нам его, Донато!

Донато опять облизал пересохшие губы и нерешительно обвел глазами класс. Тишина в помещении стала теперь совсем уж неестественная, ученики затаили дыхание.

— У него, наверное, отшибло память, сэр! — тихо сказал Карлтон.

Теперь он больше не улыбался. Он так впился в Донато взглядом, что тот не в силах был отвести от него испуганных глаз. Сжав рот в сплошную тонкую щель, Карлтон смотрел на Донато в упор, пока тот не отвел глаз и не уставился на пол.

— Так кто же был этот бандит, Донато! — снова потребовал Рурке.

— Я не могу вспом... — начал было Донато плачущим голосом, но испуганно осекся на полуслове, ощутив на себе пристальные взгляды всего класса.

Дэйв следил за ним, понимая, что теперь Донато уже некуда отступать. Рассказав об избиении и признав, что этот парень находится здесь, в классе, он зашел слишком далеко. Этим бандитом, конечно, был Карлтон, которого он боялся до смерти. Но молчание означало бы публичное признание в трусости. Несколько мгновений Донато беспокойно ерзал на стуле, ломая голову, как ему теперь выкрутиться из этого положения. И вдруг его словно прорвало.

— Санчес! — заорал он. — Это был Санчес!

— Санчес! — Рурке явно не предвидел такого оборота и теперь изумленно выпучил глаза на Донато. — Но ведь ты же сам сказал мне...

— Это был он, Санчес! Плевать я хотел на то, что говорил вам раньше! — Он ткнул в Санчеса дрожащим пальцем и истерично взвизгнул: — Это был он! Он!..

Весь класс пришел в страшное возбуждение. Все ребята прекрасно знали Санчеса. Это был тихий пуэрто-риканский мальчик, никому не доставлявший хлопот. Сейчас Санчес сидел в середине среднего ряда, и головы всех ребят, как по команде, повернулись в его сторону. Глаза пуэрториканца широко раскрылись от изумления.

По лицу Карлтона расползлась торжествующая улыбка.

— Вызывается следующий свидетель! — строго и внятно сказал Рурке. Он бросил взгляд на Дэйва, и тот увидел в его глазах такую яростную решимость, что на мгновенье даже опешил.

— Дэнни Гилден! Прошу пройти к столу для дачи свидетельских показаний!

С крайнего места около окна поднялся светлоголовый тщедушный паренек и, подойдя к стулу, обернулся лицом к классу.

— Да, пострадавших у вас тут, я вижу, хватает! — сказал Карлтон, снова сопровождая реплику безмятежной улыбкой.

— Помолчи, Карлтон! Еще не все кончено, понял!

— Вот как! А мне было, черт побери, показалось, что Донато уже опознал бандита.

Санчес был не только слабосильным пареньком, плохое знание английского языка мешало ему достаточно быстро ориентироваться в обстановке. Вот и сейчас он сидел скорее огорошенный, нежели разозленный, уверенный, что это немыслимое обвинение — результат досадной ошибки, не в состоянии понять, что вокруг него смыкаются щупальца предательства.

Рурке обратился к Гилдену:

— Так что, Гилден, клянешься говорить только правду!

— Ну да, клянусь...

— Тогда расскажи, как тебя избили! Расскажи об этом суду!

— Вообще-то меня и не совсем чтобы избили...

— Ты сказал мне, что твой обидчик бил тебя кастетом!

— Простите, сэр, кто, вы сказали!
— Твой обидчик. Тот, кто тебя избил. Ты сказал, что он бил тебя самодельным кастетом, сделанным из ручки для крышки мусорного ящика. Ты сказал, что этим кастетом он бил тебя по лицу. Может, по-твоему, это не избиение!
— Наверное, так оно и есть, как вы сказали, сэр.
В классе вспыхнул смех. Ребятам все дело начинало казаться чрезвычайно забавным. Они, конечно, видели, что Гилден до смерти напуган, и, наслаждаясь его смятением, наклонились на своих партах, чтобы получше видеть его жалкую физиономию.
— Может, ты все-таки вспомнишь, что этим кастетом тебе раскроили губу, Гилден!
— Да вообще-то мне ее малость раскроили, — осторожно согласился Гилден.
— Как это «малость»! Разбили тебе губу или нет, черт бы тебя побрал! — не выдержал Рурке.
Гилден помолчал и нерешительно посмотрел на Карлтона.
— Да, — сказал он, наконец, и это слово прозвучало так, словно его вытащили из него клещами.
— И сколько же денег отнял у тебя этот бандит!
— Доллар.
— Кто!
— Тот самый парень, сэр.
— Кто, я спрашиваю! Как его зовут!
Гилден уставился в пол и молчал.
— Кто был этот парень, Гилден! Кто обработал тебя медным кастетом и отобрал у тебя доллар! Да говори же, Гилден, черт бы тебя побрал!
— Это был... Санчес, — чуть слышно пробормотал Гилден.
— Что! — ошарашенно встрепенулся Санчес. — Мистер Кэмп, но ведь я же не...
— Даю тебе последний шанс сказать правду! — мрачно предупредил Рурке. — Скажи, кто тебя избил, Гилден! Не бойся, Гилден! Скажи правду!
— Это был Санчес! — упрямо повторил Гилден.
— Иди на место, Гилден! — рявкнул Рурке.
Он нервно облизал губы, потом выхватил из кармана платок, вытер мокрую от пота верхнюю губу и посмотрел на часы. Возможность такого оборота дела не приходила ему в голову, и вид у него сейчас был разъяренный.
— Мы только попусту тратим время, Арти! — шепнул ему Дэйв. — Разве ты не видишь, как они все боятся Карлтона! Ты зря заварил эту кашу, Арти! Ведь ты же сам...
Дэйв внимательно следил за Рурке. Ему стало интересно, какие мысли роятся сейчас в голове его коллеги. Рурке и правда, казалось, мучительно что-то обдумывал.
— Послушай, Арти! — не выдержал Дэйв. — Давай-ка свернем все это дело! Просто забудем об этой истории — и делу конец!
— Ни за что! Чтобы все эти кретины потом надо мной смеялись! — Рурке вплотную придвинул свое лицо к лицу Дэйва и обжег его гневным взглядом. — Чтобы все эти мерзавцы растрезвонили об этом по всей школе! Ни за что на свете, Дэйв!
Рурке откашлялся и повернулся лицом к классу.
— Вызывается Карлос Санчес!
Санчес растерянно улыбнулся.
— Меня, мистер Рурке!
Санчес умоляюще посмотрел на ребят и беспомощно развел руками, словно хотел этим жестом доказать им свою невиновность. Он вышел на середину и, повернувшись лицом к классу, сел на предложенный ему стул.
— Клянетесь ли вы говорить правду, одну только правду, и ничего, кроме правды!
— Да, — ответил Санчес. — Да, сэр, клянусь.
— Зачем ты избил и ограбил этих ребят, Санчес! — както очень спокойно спросил Рурке.
Брови пуэрториканца изумленно взлетели.
— Избил!.. Ограбил!.. — ничего не понимая, переспросил Санчес. — Клянусь вам, мистер Рурке, что я ничего подобного не делал! Клянусь вам своей матерью! Пусть поразит меня господь слепотой, если я вру!
Дэйв взглянул на Рурке, увидел выражение его лица и вдруг понял, чего добивается Рурке. Он уже здорово подмочил свою репутацию во время опросов предыдущих свидетелей. Рурке пришлось не только проглотить всю эту чушь о пустяковых царапинах, которую преподнес ему Гилден, дело оказалось куда более серьезным. Карлтон запугал до смерти обоих свидетелей, и замысел разоблачить бандита был с самого начала обречен на провал. Рурке мог, конечно, замять это дело, постараться забыть о нем, согласившись, что партию выиграл Карлтон, но ребята этого не забудут, они будут знать, что Карлтон одержал победу над учителем, они будут шептаться, что он струсил, и вот поэтому Рурке сейчас старался круто изменить ход процесса, применив новую тактику.
Эта тактика была противной, когда ею пользовался Донато, отвратительной, когда ее повторил Гилден, теперь же, когда ею воспользовался сам Рурке, тактика оказалась просто позорной и предательской
Дэйва словно громом поразило, когда он это понял. Он долго переваривал понятое, ломая голову, как ему поступить, чтобы немедленно прекратить этот позор. Санчес был ни в чем не виновен. Дэйв мог дать голову на отсечение, что это так. Но Санчес был робкий и застенчивый паренек, чем-то похожий на самого Дэйва.
— Признавайся, Санчес! — гремел Рурке, отчаянно стараясь повернуть дело в намеченное русло. — Бесполезно отпираться! Тебя уже опознали два свидетеля!
— Я этого не делал, — тихо сказал Санчес, и руки его бессильно упали на колени. — Я этого не делал, и я вам это докажу, мистер Рурке! Ведь меня... меня самого избили, мистер Рурке! Избили и отняли все деньги, которые у меня были!
— Надо же, как врет! — сказал Карлтон. — Неужели вы сами не видите, мистер Рурке!
— Кто тебя избил! Кто тебя ограбил! — орал Рурке, следуя теперь новой тактике, зная, что у Санчеса не хватит мужества обвинить Карлтона, понимая, что он ни за что на свете не посмеет этого сделать. — Что же ты онемел, Санчес! Может, ты скажешь, что не видел, кто тебя избивал!
Санчес посмотрел на Карлтона затравленным взглядом.
— Я... я видел...
— Кто! — гремел Рурке. — Скажи мне, кто это был!
Карлтон лениво сунул руку в карман и положил что-то на краешек парты. Дэйв долго всматривался и, наконец, разглядел, что это было. Искусно согнутая таким образом, что отлично умещалась в сжатом кулаке, на парте перед Карлтоном лежала ручка от крышки мусорного ящика. Отполированная до блеска медь кастета угрожающе сверкала. Карлтон взял кастет в руки и стал многозначительно играть им.
— Довольно, Санчес! Мы знаем, что ты врешь! Лучше тебе самому во всем...
— Я не вру! — крикнул Санчес.
Он отчаянно мотнул головой, и из глаз его хлынули слезы. Санчес сжимал и разжимал кулаки на своих коленях, а Дэйв глядел на него и испытывал горячее сочувствие к этому парнишке, какое-то необыкновенное братское чувство, неожиданное для него самого и поэтому ошеломляющее. Он старался не дать этому чувству овладеть его сознанием и поступками. Дэйв старательно избегал неприятностей с первого своего урока в этой школе и не хотел неприятностей теперь. Зачем ему вмешиваться! Пусть Рурке обелит свой авторитет перед ребятами, а он забудет об этом Санчесе, и никто не пострадает.
— Кто это был, Санчес! — опять потребовал Рурке. Пот стекал теперь по лицу его струйками.
Санчес теперь уже даже не старался сдерживать рыданий, губы его дрожали, слезы катились градом по щекам. Он плакал отчаянно и безудержно и все смотрел на страш-

ный медный кастет, которым играл на парте Карлтон, зная, что этот кастет был предупреждением ему, Санчесу. Он горько плакал, и внутри его словно что-то клокотало, не в силах вырваться наружу. Все его тонкое, худое тело сотрясалось от рыданий. А Дэйв смотрел на него и понимал, что он и Санчес — это одно целое, всей душой он стремился ему помочь и в то же время боялся вмешаться.

И тогда Санчес вдруг вскочил на ноги. Словно он не мог уже больше сдерживать то, что клокотало внутри его. Карие глаза его ярко сверкали, даже покрывавшая их пелена слез не могла скрыть этого блеска. Губы его раскрылись, и изо рта понеслись отрывистые, бессвязные слова:

— Плевать! Плевать я хотел на все! Плевать мне на его кастет! Это был...

Дэйв увидел, как Карлтон потянулся за кастетом и крепко стиснул его в кулаке. Санчес тоже видел кастет. Но он вскинул отчаянно голову и взвизгнул: «Карлтон!» — словно оторвал от себя что-то противное и омерзительное.

Карлтон вскочил и, сверкнув зажатым в кулаке кастетом, бросился к Санчесу.

— Паршивая пуэрто-риканская крыса! — прорычал он.

А Дэйв смотрел на него во все глаза, понимая, что Санчес одолел Карлтона, что этот хилый парнишка устоял, одолел всех своих недругов и устоял, завоевав самое ценное в жизни — право называться человеком! Карлтон ринулся мимо него к стулу, на котором сидел Санчес, медный кастет еще раз блеснул у него в кулаке, и Дэйв вдруг вспомнил, что он всю свою жизнь избегал неприятностей, всю свою проклятую жизнь...

Неожиданно для себя он рванулся вперед и с удивлением увидел, как его рука схватила Карлтона за ворот безрукавки и рванула на себя. Выражение дикой ненависти на лице Карлтона сменилось безграничным удивлением, а потом пропало и удивление, и осталась только одна застывшая подлая ухмылка, и тогда Дэйв выбросил вперед кулак свободной руки и что было сил саданул его под челюсть.

Он увидел, как ему под ноги бесформенной грудой свалился Карлтон, услышал разноголосый крик ребят, выражавших ему свое одобрение, а Рурке стоял рядом, разинув рот от изумления, и лицо его сделалось белым как мел, словно его намазали кремом для бритья.

— Что теперь делать, Дэйв! — спросил он дрожащим от страха голосом. — Как ты мог его ударить! Черт бы тебя побрал, Дэйв! Что ты теперь скажешь Хэмптону!..

— К чертовой матери! — заорал Дэйв и улыбнулся, потому что это были совершенно непривычные, чужие для его языка слова. — Это мой класс, черт бы вас всех побрал! А теперь уведите отсюда ваших учеников и убирайтесь сами!

— Ты сошел с ума... — растерянно бормотал Рурке.

Но Дэйв уже не слушал, он повернулся к Рурке спиной и, подойдя к Карлтону, поднял с пола самодельный медный кастет. Он поднял его, подкинул на ладони и, бросив на класс взгляд, увидел, что Рурке уводит своих питомцев из класса и что Санчес смотрит на него широко раскрытыми глазами. Он не стал смотреть на Рурке. Он посмотрел Санчесу в глаза и сказал:

— Ты не бойся, Санчес, мы позаботимся об этом Карлтоне! Он у нас отправится туда, где для таких, как он, приготовлены теплые места! Только бы ты... — Он запнулся и, помолчав, добавил: — Только бы ты согласился повторить перед директором все, что ты сказал перед... судом!

— Обязательно повторю! — воскликнул Санчес. — Спасибо вам, мистер Кэмп! Если бы не вы...

— Что ты, Санчес, — улыбнулся Дэйв, — это тебе спасибо, дружище!

И худенький пуэрториканец улыбнулся ему в ответ, хотя он, конечно, совсем не понимал, за что Дэйв его благодарит.

Перевод с английского Ф. СОЛОМАТИНА и Ю. РАЙСКОГО

ИНТЕРВЬЮ С АНЖЕЕМ ВАЙДОЙ

Во время поездки в Алжир известный польский кинорежиссер Анжей Вайда (создатель фильмов «Поколение», «Пепел и алмаз», «Канал», «Пятеро с улицы Барской», «Лотна») дал интервью еженедельнику «Революсьон Африкэн»). Мы публикуем это интервью с небольшими сокращениями.

ВОПРОС: «Пепел и алмаз» рассказывает о начале новой эпохи в истории Польши, потому что действие фильма происходит 8 мая 1945 года. «Лотна» же описывает конец предшествовавшей эпохи. Однако вы сняли «Лотну» после «Пепла и алмаза». Чем это объяснить?

ВАЙДА: Да, мои первые фильмы — «Поколение», «Канал», «Пепел и алмаз» — представляют собой трилогию о войне 1939—1945 годов. Поставив их, я заметил, что не хватает фильма о предшествующем периоде, поэтому я создал «Лотну». Сейчас у меня обширный план создания большого фильма о всей второй мировой войне в Польше. В этой работе я не имею возможности вдохновляться каким-либо крупным романом вроде «Войны и мира», потому что такого романа у нас нет, зато в Польше существует большое количество рассказов и новелл, материалом которых я собираюсь воспользоваться.

ВОПРОС: Нет ли у вас намерения снять фильм, не затрагивающий тему войны?

ВАЙДА: Каждый художник имеет право выбирать интересующую его тему. Война была самым большим событием в моей жизни. Я испытываю внутреннюю потребность говорить о событиях, которые затронули меня. Я считаю, что работник кино должен говорить о своем поколении. Мне труднее создать фильм о нынешнем молодом поколении. Когда пожилые режиссеры снимали фильмы о молодежи — ничего нового не получалось ни в Польше, ни во Франции.

ВОПРОС: Сделаете ли вы фильм о современной Польше?

ВАЙДА: Да. Это будет первый фильм, снятый по моему сценарию. Действие происходит в среде артистов. Фильм явится своеобразной данью Цыбульскому.

ВОПРОС: Все ваши фильмы или по крайней мере большинство из них сделаны в трагическом плане. Но вы ведь живете в социалистической стране. Нет ли противоречия между этой трагической окраской фильмов и оптимизмом, который вытекает из вашего мировоззрения?

ВАЙДА: Вы ведь понимаете, что действие почти всех моих фильмов происходит во время войны, то есть до установления социалистического строя. Я рассказываю о ситуациях, которые существовали до революции. Следовательно, трагическая окраска моих фильмов оправдана.

ВОПРОС: Придаете ли вы большое значение сценарию?

ВАЙДА: Фильм создается не на бумаге, а во время съемок. Естественно, вначале должно быть какое-то общее представление о картине в целом, но затем необходимо импровизировать. И я считаю, что в настоящем актере заложены богатые основы для импровизации. Постановка фильма состоит в том, чтобы суметь отказаться от некоторых деталей сценария.

ВОПРОС: Расскажите о Збигневе Цыбульском.

ВАЙДА: О Збигневе я могу говорить без конца. Мне пришлось работать с ним долгое время. Мы были в дружеских отношениях. Он был не только большим актером, но и необыкновенным человеком.

Правда, с ним было трудно ужиться. Он не всегда хотел мириться с ограничениями и требованиями, которые возникают в процессе работы актера. Но когда начинались съемки фильма, Цыбульский отдавался им весь, его работа была великолепна.

Мы работали также вместе в театре. Однажды мы играли в пьесе «Шляпа, полная дождя». Представление должно было вот-вот начаться, а Збигнева все не было. Зал ждал. На улице послышался шум мотоцикла. Спустя несколько секунд вошел Цыбульский, но шел он не там, где входят артисты, а через вход для зрителей. Он забыл даже снять свой шлем.

Он поднялся на сцéну и сразу же начал играть. Для него не было различия между жизнью на сцене и повседневной жизнью актера.

Збигневу трудно было примириться с тем, что он стареет. Он всегда считал себя молодым. Может быть, по этой причине Цыбульский и погиб в результате несчастного случая. Как всегда, опаздывая, Збигнев хотел догнать уходящий поезд. Раньше он это делал часто. Но на этот раз не смог.

ПРИЧЕСКИ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

МАСТЕРА ВЕСЕЛОГО ЦЕХА

ЭРИХ ШМИТТ

Известный карикатурист ГДР Эрих Шмитт родился в 1924 году. Свою первую карикатуру он нарисовал мелом на полу в четыре года. Взрослые говорили, что его лошадка смеется.

После окончания школы Эрих поступил в профессиональное училище, чтобы стать слесарем. Но на чертежах он всегда рисовал смешные рожицы. Слесарь из него не получился. Он решил попробовать свои силы в театре. В заключительной сцене «Цыганского барона» актриса обняла и поцеловала юного солдата. Эрих, для которого этот поцелуй был первым в жизни, так испугался, что уронил ружье и убежал за кулисы. На этом его артистическая карьера кончилась.

В 1967 году Шмитт начал работать в журнале для молодежи «Старт», а через год перешел в крупную газету «Берлинер цейтунг», в которой и сегодня продолжает публиковать свои острые и веселые рисунки.

азбука

Для этого комплекса упражнений требуется гладкая широкая доска, конец которой надо положить на возвышение.

Упражнения выполняются по 10—15 раз.

1. После разминки, лежа на животе и держась за край доски, поднимайте попеременно то правую, то левую ногу. Дышите через нос.

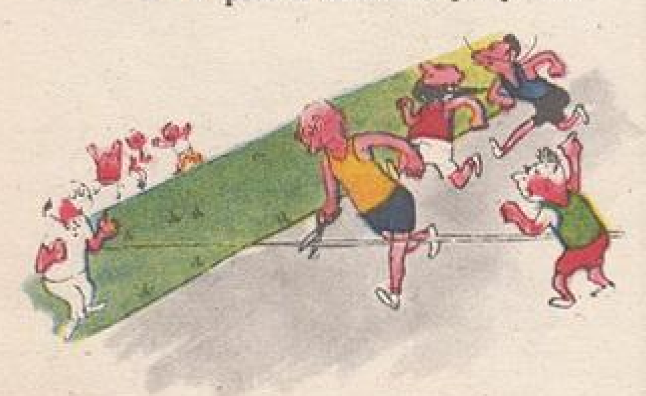
2. Лежа на левом боку и держась за край доски, медленно поднимайте правую ногу. Повернитесь на другой бок и повторите упражнение. Это упражнение лучше выполнять с нагрузкой, для этого приподнимите доску на бо́льшую высоту или привяжите к стопе какой-либо груз — например, гантель.

3. Возьмите легкие (2—4 килограмма) гантели. Сядьте на доску и, подняв руки на высоту плеч, поворачивайте туловище.

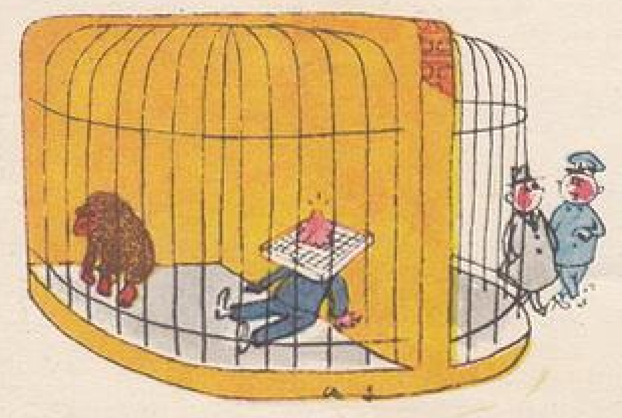
4. Лежа на спине, поднимайте обе ноги вместе до прямого угла с туловищем.

5. Возьмите в руки гантели. Зацепившись ногами за верх доски, ложитесь на спину, как показано на рисунке 5. Выпрямляя руки с гантелями, сделайте выдох, опуская — вдох.

По окончании упражнений побегайте или попрыгайте со скакалкой. Затем походите на месте. Помните, что во время упражнений нужно дышать равномерно.



Педант.

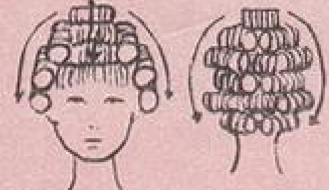


И надо же ему было обыграть этого шимпанзе?

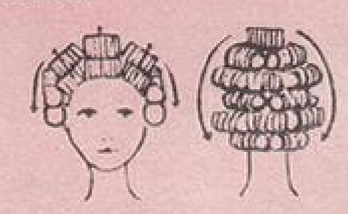
Какой вам номер набрать?

УГОЛОК МОД

В стиле причесок произошли изменения. Доказано, что начес вреден, волосы от него редеют и секутся. Как же укладывать длинные волосы девушкам, чтобы их прически не были вычурными, замысловатыми? Парикмахеры уже решили эту проблему. Мы предлагаем вам прически, популярные сейчас во многих странах мира. Их можно делать самим, они удобны тем, что простую, каждодневную прическу легко превратить в нарядную, праздничную, украсив волосы брошью или лентой в тон платья.



На первой схеме вы можете увидеть, как надо уложить волосы для прически № 7 (волосы накручиваются на крупные мягкие бигуди, челка, для пышности, — на ватный тампон). На фото 6 — нарядный вариант той же прически (волосы собраны в пучок на затылке и скреплены зажимом, боковые пряди уложены кольцом).



На второй схеме — подготовка волос для прически № 8. Нарядный ее вариант (№ 9) получится, если волосы зачесать с боков и спереди и перевязать на макушке лентой.

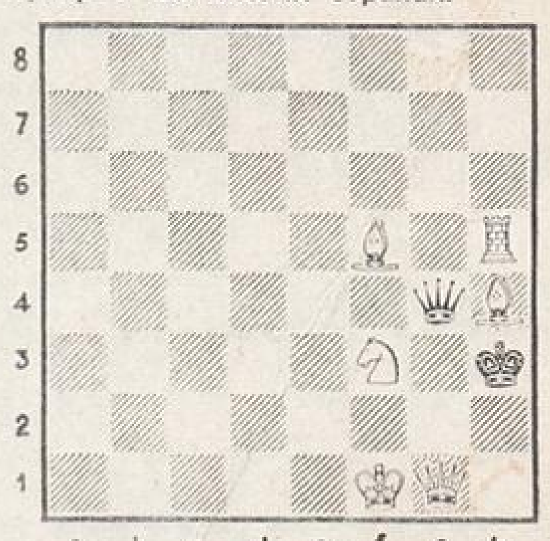
Для этих четырех причесок волосы должны быть пострижены ровно.

ТРИ ДРУГА

Художник Виктор Кириллов нарисовал трех друзей. Он не сказал, из какой они страны, как их зовут. Мы знаем только то, что друзья живут на одной улице, что они очень любознательны и что с ними постоянно происходят какие-нибудь приключения. Предлагаем вам придумать рисованный рассказ про этих ребят (из 4—5 рисунков с подписями или без них) и прислать его в редакцию не позже 31 марта. Лучший рассказ будет опубликован в журнале.

КИПЕРГАНЬ

Задача известного американского проблемиста Эдгара Холладея необычная: белые начинают и заставляют черных не позднее 6-го хода объявить мат... белому королю. Этот вид «сказочных шахмат» называется обратным матом, или «кипергань» (от французского „qui perd gagne" — «кто проигрывает, тот выигрывает»). Композиции с подобным содержанием популярны во многих странах.



a b c d e f g h

Ретроанализ позиции, опубликованной в № 9, показывает, что последний ход черных ...f 7 — f 5. Поэтому к цели приводит 1. e5 : f6 (на проходе)!

ШКОЛА ТОЧНОЙ МЫСЛИ

ЗАПЛАТА

Евгения Александровна зацепилась за гвоздь и порвала шубу. Дома она отыскала кусочек меха и вырезала из него треугольную заплату той же формы, что и прореха. Но, приложив мех, она увидела, что заплата закроет прореху только в том случае, если ее положить мехом внутрь.

Евгения Александровна обратилась ко мне за советом.

— Вашему горю помочь легко, — ответил я, — надо лишь разрезать заплату на три части.

— А нельзя ли ее поменьше резать? — попросила она.

Я внимательно осмотрел заплату, измерил углы и обнаружил, что один из них вдвое меньше второго, а второй вдвое меньше третьего.

— Что ж, можно разрезать заплату на две части, причем несколькими способами.

Как разрезать заплату на три части, как на две? Ждем вашего ответа.

ШОКОЛАДКА

Как разделить эту шоколадку по всем бороздкам, ломая ее минимальное число раз?

УДИВИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО

Существует десятизначное число, у которого первая цифра равна числу нулей, вторая — числу единиц, третья — числу двоек и так далее, последняя — числу девяток. Найдите это число.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12 ЗА 1967 ГОД

1. Пачанга. 2. Бартоло. 3. Стефано. 4. Фанфара. 5. Лозанна. 6. Ласочка. 7. Золушка. 8. Сиртаки. 9. Алибабки. 10. Пропилеи. 11. Неаполь. 2. Клиберн. 13. Табльдот. 14. Лицензия. 15. Монако. 16. Тереза. 17. Краков. 18. Еретик.

Главный редактор Г. А. КАШОЯН.

Редакционная коллегия: М. А. ДРОБЫШЕВ, И. С. ЗЕНУШКИНА, И. Т. КОМОВ, К. Е. НЕПОМНЯЩИЙ, Д. М. ПРОШУНИНА, А. В. ФЕДОТОВ (зам. главного редактора), А. Н. ФИЛАТОВ (ответственный секретарь), В. Г. ЯРОВОЙ.

Худож. редактор О. С. Овчинникова.

Техн. редактор Г. Е. Петровская.

Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., д. 5. Телефон Б 1-96-55. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18/XI 1967 г. Подп. к печ. 19/XII 1967 г. А14944. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 450 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2578. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

МАРКИ КУБЫ

О многом могут рассказать почтовые марки. По ним можно проследить историю целого государства.

Перед нами коллекция марок социалистической Кубы, отмечающей в этом году девятую годовщину своей народной революции. Вот знаменитая «Гранма», доставившая повстанцев-барбудос к берегам их родины для борьбы с тиранией Батисты. А вот память об одной из первых побед в мирном строительстве, годовщине народной сафры, — так называют на Кубе сбор сахарного тростника.

Марки рассказывают об аграрной реформе социалистической Кубы, о кампании по ликвидации неграмотности, получившей название алфабетизации. Символом этой кампании стал фонарь, а ее итогом — появление на острове Свободы таких замечательных сооружений, как педагогический институт имени Макаренко.

Революция принесла на Кубу свет знаний и научила людей несгибаемой стойкости в минуту испытаний. Вот марка, выпущенная в честь годовщины сражения на Плайя-Хирон. А вот Куба наших дней. Павильон на ЭКСПО-67. Комбайны на уборке сахарного тростника, который испокон веков рубили вручную. Серия марок, рассказывающая о помощи, которую оказывает молодой республике Страна Советов.

Цена 20 коп. Индекс 70781

БЕГСТВО ТАЙНЫМИ ТРОПАМИ

Газета „Вохенпост" (ГДР)

Американский солдат Гордон Мемпан после отпуска отказался возвращаться во Вьетнам. Он переехал в Великобританию и попросил у правительства политического убежища.

Мемпан не одинок. Весной 1967 года прогрессивные молодежные организации западных стран выпустили листовки с призывом к американским солдатам дезертировать. «Бегите по одному или группами! Скажите войне «нет»! Не бойтесь ничего!» — говорилось в листовках. Подобные призывы распространялись в армейских барах Сайгона, на военных базах в ФРГ, Норвегии, Италии. Их даже рассылали по почте прямо в казармы. В то же время во многих странах Западной Европы начали действовать подпольные «приемные пункты». Их организаторы подыскивали для бежавших квартиры и документы, устраивали на работу.

Успешно действуют противники войны во Франции. Раньше полиция этой страны могла выдать их американским властям. Однако с выходом Франции из НАТО положение изменилось, и бывшие солдаты находят здесь надежное убежище.

Помогают беглецам и молодые голландцы. Они устраивают дискуссии на железнодорожных станциях, вовлекают в них американских солдат, разъясняют агрессивный характер политики США.

Нидерландское телевидение сообщило недавно, что из американских частей, расквартированных на территории ФРГ, бежало более 500 человек. Журнал «Тайм» в статье «Америка теряет солдат» констатировал дезертирство более тысячи американских солдат в Европе.

Несколько тайных организаций, помогающих уклоняться от отправки во Вьетнам, работают в самих Соединенных Штатах. Бюро одной из таких организаций действует легально в канадском городе Торонто и помогает беглецам устраиваться на работу. Государственный секретарь Канады подтвердил недавно, что уже более тысячи молодых американцев осело в Канаде, предпочитая жизнь на чужбине отправке во Вьетнам. Требование американского правительства об их выдаче отклонено.

КТО БОЛЬШЕ?

Журнал „НБИ" (ГДР)

На футбольном аукционе Италии самая большая сумма денег была уплачена за Гигетто Мерони, нападающего из Турина: 750 миллионов лир. «Гигетто, — писала одна из газет, — весит 67 килограммов. Чтобы его приобрести, заплатили 11 миллионов лир за каждый килограмм — в пять раз больше, чем за чистое золото, и в четыре раза больше, чем за платину».

Было бы наивно полагать, что Гигетто обогатился в результате этой сделки. На футбольной бирже таких, как он, множество, и все они рассматриваются как ходовой товар. Почти вся уплаченная за Гигетто Мерони сумма записана на текущий счет заправил футбольного бизнеса.

ВОРОВСТВО [illegible] ЗАКОНУ

Крупнейшая афера, раскрытая недавно в США, связана с Цианамидской фармацевтической корпорацией. Руководство этой корпорации ассигновало 21 миллион долларов на получение нового лекарственного препарата. Однако после завершения работ агенты конкурирующей фирмы похитили формулу препарата и продали ее другой фирме за 445 тысяч долларов.

Кража чужих секретов в мире бизнеса давным-давно уже никого не удивляет. Каждый раз, когда та или иная фирма готовится к выпуску новой продукции, ее конкуренты лезут из кожи вон, чтобы разведать секреты производства. Подкупленные агенты используют в своей практике самые изощренные приемы. В августе 1967 года в местечке Колд Эш, неподалеку от города Ньюбери

(Англия), появился ст
дент. Свою палатку
с виллой, в которой
ское бюро известной
студент попросил у со
поговорить по телефо
нулся. А через несколь
ли виллы обратили вн
в телефонной трубке.
ли миниатюрный ради
крепленный к аппарат
место полиция нашла
дента» приемник, кото
ся для выуживания чу
Хотя радиоподслуш
запрещено, любая фи
рести для своих аге
оборудование. Создана
шпионского ширпотре
ты используют микро
ванные под запонки,
стуков
зубы.
ром не
пачки
говор
90 метр
правлен
улавлив
беседы
В книге
ны» ра
исполь
ских це
которых
роперед
В усл
кто не
рантиро
шивани
идут на
нения
Новые
ских зв
ляются
в наиболее отдаленны
Подготавливая выпус
одна табачная компан
изыскания условным
ванием. Возле здания
вооруженная охрана.
лась в Голландии, а т
лик — в Париже.
Правила морали не
ствует в жестокой вой
В этой борьбе каждый
горло конкуренту, хот
глядит благопристойно
нутая рука, видимость
ношений и, наконец,
такова логическая п
«военных действий» о
тив другой.

Ровесник

1/68

В НОМЕРЕ:

На первой странице обложки: лауреат Международного фестиваля молодежной песни в Сочи Герхард Нееф, получивший приз журнала «Ровесник» за исполнение песни об Октябрьской революции.

ЯНВАРЬ № 1 (67) 1968 г.
ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТОЙ

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ТОВАРИЩ

Начался год, и, как всегда, журнал приглашает тебя на новогодний разговор. Тема обычная: «Ровесник» и 12 его ближайших номеров. Порядок тоже традиционный: первое слово редакции для рассказа о новых замыслах и поисках. Но перед этим короткое отступление для тех, кто только что влился в число ровесниковцев.

Нашему журналу в июле будет шесть лет. Это 67-й его номер, и, как все предыдущие, он посвящен жизни молодежи в других странах, проблемам молодого поколения мира, борьбе прогрессивных молодежных организаций за счастье всего человечества.

Молодое поколение Земли — это огромная армия из сотен миллионов людей. Условия жизни этих миллионов, их духовный облик далеко не одинаковы. Прошлое и настоящее накладывают свой отпечаток на каждого молодого человека. Социальные и экономические факторы, национальные традиции, образование, поток информации постоянно влияют на молодежь, изменяя ее лицо. Много сложных вопросов возникает сразу, как только речь заходит о характеристике юности мира. Для того чтобы разобраться в них, «Ровесник» стремится предоставить свои страницы тем, кто может внести крупицы истинных знаний в общую копилку социального анализа. Нынешний год станет очередной вехой наших совместных исследований. В каком направлении они будут проводиться, и пойдет сейчас речь.

Самое главное — это замечательный праздник советского юношества — 50-летие Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Да, в октябре комсомолу пятьдесят! И об этом помнят и думают не только у нас в стране, но и во всем мире, потому что деятельность ВЛКСМ, его роль и влияние имеют немаловажное международное значение, отражаются в сотнях событий на всей планете. В связи с юбилеем «Ровесник» намечает публикацию большой группы материалов, распределенных по разным рубрикам и разделам.

Рубрика «50» есть уже в этом номере. Известные зарубежные общественные деятели делятся своими воспоминаниями о той глубокой и разносторонней работе с молодежью, которую вели большевики задолго до Октябрьской революции, до создания первых юношеских коммунистических союзов. В центре этой работы — великий пролетарский вождь В. И. Ленин, человек, не просто любивший и понимавший молодежь, но и практически в течение всей жизни отдававший ей свои силы и знания.

В «Ровеснике» будут напечатаны рассказы и о более поздних временах: годы первой мировой войны, рождение и деятельность КИМа, международные контакты комсомола в 20-е и 30-е годы, антифашистское молодежное движение.

Редакция считает, что было бы правильным также выйти за рамки исторических тем и в связи с юбилеем остановить внимание на проблемах нынешнего дня. Готовятся материалы о сегодняшней международной деятельности комсомола, об участии советской молодежи в работе ВФДМ и МСС, о том, как используется опыт нашего воспитания молодого поколения в других странах.

Такую трудную часть журнала редколлегия не решилась вести самостоятельно. Поэтому создан общественный совет «Ровесника», в который вошли люди, носившие у своего сердца первые комсомольские билеты и до сих пор сохранившие юношескую увлеченность и активность.

Совет подсказал ряд интересных возможностей. По его рекомендации собирается «Хроника боевого прошлого», разрабатывается тема «Что дала молодежи Советская власть», готовятся очерки о героях-комсомольцах. Думаем, что все наметки не удастся осуществить в 1968 году и они станут основой для нового постоянного раздела нашего журнала на более долгий период.

Теснейшим образом сплетена с подготовкой к юбилею и еще одна идея, осуществление которой мы скоро надеемся начать. Но тут нам нужна ваша помощь.

В стране действуют тысячи клубов интернациональной дружбы молодежи. Объединенная вокруг них юность стремится внести по-

ЧИТАТЕЛЬ!

сильную лепту в дело солидарности передовой молодежи. Клубы поддерживают постоянные отношения с зарубежными молодежными организациями, получают письма от многочисленных адресатов, создают музеи дружбы, посылают своих членов в заграничные поездки. Некоторые из этих клубов уже накопили богатый опыт и содержательную информацию о жизни наших ровесников за рубежом. Настало время, когда все эти ценности должны стать достоянием максимально широкого круга молодых людей. Редакция предлагает создать на страницах журнала «Радар КИДа» — раздел, в котором будет отражена многогранная деятельность клубов. Раздел может стать очень интересным, если читатели примут в нем активное участие, пришлют сообщения о деятельности клубов, копии писем, документы, фотографии, рисунки, свои стихи и песни. В течение года редакция предложит несколько тем для совместных исследований, подготовит и опубликует присланные вами материалы, поможет в связях с зарубежными молодежными объединениями. Для начала «Ровесник» предлагает знакомство с октябрьскими клубами молодежи ГДР. Вы прочтете о них во втором номере 1968-го.

«Радар КИДа» открывает больше простора для читательской инициативы в журнале. Но это не единственная форма наших общих действий. На страницах 12 и 13 этого номера вы увидите первую серию фотографий клуба 13 × 18, на страницах 18 и 19 продолжает работу отдел «Отвечаем на все вопросы». На странице 24 новая группа заданий «Школы точной мысли», там же объявления о конкурсах, в которых в течение года примут участие юные шахматисты, художники.

Наше деловое содружество отражают многочисленные письма читателей в «Ровесник». В прошлом году редакция получила около 10 тысяч таких писем. Многие читатели высказывают свое мнение о журнале, предлагают темы, пишут о своих пожеланиях. Ваше внимание радует редакцию, оно создает атмосферу товарищеского взаимодействия, без которой невозможно издавать молодежный орган печати. Значительная часть писем содержит вопросы в редакцию, просьбу о совете, выражение взглядов на текущие события. Обычно мы отвечаем на них через журнал или лично адресатам. Но в последнее время у редакции создается впечатление, что нужно расширить рамки этой работы, ввести в журнале рубрику, специально посвященную анализу редакционной почты, обсуждению содержания некоторых писем. Порой это обсуждение может быть и достаточно острым, но нам кажется, что откровенность — основа любой дружбы, и читатели поймут необходимость такой гласности переписки.

Настойчиво просится на страницы журнала еще одна часть редакционной жизни — это разговоры, которые возникают в редакционных комнатах с авторами, посетителями журнала. В «Ровеснике» бывают очень интересные люди: ученые, зарубежные делегаты и туристы, деятели искусства, комсомольские работники. Часть этих бесед публикуется под рубриками «Интервью «Ровесника», «В гостях у «Ровесника», а некоторые так и остаются известны только сотрудникам редакции. В качестве опыта мы публикуем в этом номере запись одной из таких бесед под заголовком «Разговор в редакции». Она посвящена налоговой системе в капиталистических странах. В последующем публикации не ограничатся только экономическими темами, хотя нам хотелось бы, чтобы «Разговор в редакции» в первое время был посвящен преимущественно этим вопросам.

Наконец, еще об одной актуальной серии этого года. 28 июля в столице Болгарии — Софии откроется IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Подготовка и проведение этого важного события в международном юношеском движении будут отражены в очерках, репортажах, интервью и статьях, публикующихся под специальной фестивальной рубрикой.

На этом заканчивается краткий отчет редакции о будущих 12 номерах журнала. Теперь слово за вами. Ждем ваших писем о планах «Ровесника» и хороших материалов, которые помогут осуществить эти планы в 1968 году.

НЫНЧЕ НАМИ ЗЕМНОЙ ШАР ЗАВЕРЧЕН

Каждый юноша, вступая в жизнь, мечтает своротить горы, переделать мир по-своему. Но как часто первое же столкновение с суровой действительностью разбивает романтизм молодости без следа! Поэтому именно в молодости каждый человек нуждается в мудром наставнике, который помог бы ему закалить волю, воспитать характер, выработать правильное мировоззрение, найти свое место в революционной борьбе. Таким мудрым наставником для юношества всегда была Коммунистическая партия. С самого начала своей деятельности большевистская партия ведет огромную работу по идейно-политическому воспитанию русской пролетарской молодежи. Но как истинные интернационалисты, русские большевики никогда не разграничивали свою молодежь от юношества тех стран, куда их забрасывали трудные дороги эмиграции. В Париже или Женеве, в Кракове или Цюрихе они вели политическую пропаганду, помогали молодым найти верный путь в борьбе за социализм, помогали создать свою революционную организацию. В какой бы стране ни жили большевики, они всегда выступали как организаторы молодежи, стараясь создать единство молодых в международном масштабе.

Яркий пример такого отношения к молодому поколению — деятельность Владимира Ильича Ленина. Один из важных этапов в работе большевиков с молодежью в период эмиграции — годы первой мировой войны. С первых ее дней II Интернационал, подточенный оппортунизмом, потерпел идейно-политический крах. В международном юношеском движении начался разброд. Но все же большинство секций Социалистического интернационала молодежи не поддалось шовинистическому угару и выступило против империалистической войны. Однако даже лучшие представители юношества не видели правильного выхода из создавшегося положения. Программу революционной борьбы против империалистической войны дал молодежи В. И. Ленин. Первым шагом к восстановлению интернациональных связей молодежи стала Бернская международная конференция социалистической молодежи (4—6 апреля 1915 г.). На эту конференцию была направлена большевистская делегация во главе с Инессой Арманд. Большевики стремились сплотить левое крыло пролетарской молодежи под лозунгом превращения империалистической войны в гражданскую.

В. И. Ленин выступает на съезде Швейцарской социал-демократической партии (4 ноября 1916 г.), на котором присутствовали делегаты революционных молодежных организаций. Первого сентября 1915 года в Швейцарии при содействии В. И. Ленина и при полной поддержке партии начинает выходить журнал «Интернационал молодежи». В. И. Ленин внимательно следит за содержанием журнала, пишет статью «Интернационал молодежи», в которой критически анализирует вышедшие номера и дает важные советы.

За время первой мировой войны вышло одиннадцать номеров журнала, последний номер назывался «Хлеб, мир и свобода», потому что швейцарская буржуазия запретила выход «Интернационала молодежи». Но сразу же после победы революции партия позаботилась о том, чтобы журнал был возобновлен уже в Советской России. Забота партии и Владимира Ильича Ленина о воспитании нового поколения в трудные годы первой мировой войны всегда будет образцом для всех поколений коммунистов.

Этот год для советской молодежи, для всей прогрессивной молодежи мира — особенный. Пятьдесят лет Ленинскому комсомолу. Полувековой путь учебы, борьбы, труда. Для комсомольцев 1968-го работа первого поколения коммунистов-большевиков не далекая история. Их отношение к юношеству, интернационализм всегда будут примером верности идеям марксизма.

В этом номере мы начинаем новый отдел нашего журнала. В нем мы расскажем, как жизнь рабочего парня, молодого крестьянина, студента, в каком бы уголке земного шара он ни жил, освещена деятельностью 23 миллионов комсомольцев Страны Советов. Как сказала национальный секретарь детского движения Франции Кармен Карон на встрече «Молодежь и Октябрь», проходившей в Ленинграде в июле 1967 года: «Для нас, молодых французских коммунистов, ваш опыт и борьба, которую вы ведете каждый день, служат ярким примером и образцом в работе с юношеством».

Наш новый отдел мы начинаем с воспоминаний руководителей международного молодежного движения, которые получили первые уроки «организации, построения, метода и содержания революционной работы» у Владимира Ильича Ленина.

РУССКИЙ МЕЧТАТЕЛЬ

Зигфрид Баматтер (1892—1966 гг.) в социалистическом движении молодежи участвовал с 1915 года. Член Коммунистической партии Швейцарии с 1921 года. В 1919 году как секретарь Социалистического союза молодежи участвовал в работе I конгресса КИМа. В 1921—1925 годах — член Исполкома КИМа. В 1925—1930 годах — инструктор оргтодела Исполкома Коминтерна. В 1930—1932 годах — генеральный секретарь ЦК КП Швейцарии. Затем снова работал в аппарате ИККИ.

Я познакомился с Владимиром Ильичем в Женеве, где он читал в небольшом кружке молодежи доклад о задачах революционной социал-демократии. Позднее, когда я работал в Цюрихе, мне часто приходилось встречаться с Лениным в кружке товарищей, принадлежавших к Циммервальдской левой и собиравшихся в кегель-клубе. В этот кружок Владимир Ильич не только вдохнул жизнь, но и постоянно руководил им. Хотя я тогда еще только короткое время участвовал в социалистическом рабочем движении, я все же целиком попал под влияние этой мощной личности. Первая статья Ленина, которую я прочел и переварил, была «Интернационал и социализм». Эта брошюра постоянно находилась в моем солдатском ранце (я был в то время призван в армию). Нередко случалось, что мы читали и обсуждали эту статью с такими же, как я, пролетариями в солдатских мундирах... Само собою разумеется, что различные листовки и статьи, написанные Лениным, находили путь через мой военный ранец к границам, на которых мне приходилось нести службу «во благо швейцарского отечества».

Нас, левых интернационалистов, тогда было еще очень немного. Но я как сейчас вижу Владимира Ильича, как он

потирает себе руки, когда ему сообщают, что к той небольшой горсточке, из которой первоначально состоял кегель-клуб, прибавился еще один новый член. Ленин считал такие «мелочи» большими успехами. «Товарищи, — говорил он,— дело подвигается вперед!» И дело действительно подвинулось вперед со времен кегель-клуба. Ядро молодой и старой гвардии, развивавшейся под руководством Ленина, останется и в дальнейшем под знаменем ленинизма.

О. Г. Аникст (1886—1959 гг.) — член РСДРП с 1918 года, активный организатор профессионально-технического образования в СССР. Революционную деятельность начала в 1905 году. Долгое время (1907—1917 гг.) находилась в эмиграции. В годы первой империалистической войны встречалась с Лениным в Швейцарии.

...Швейцарский союз молодежи, хотя и насчитывал ко времени войны уже несколько лет своего существования, все же представлял собой довольно расплывчатую организацию. Союз объединял людей различных направлений, здесь были и реформисты, и синдикалисты, и небольшая группа революционных марксистов. Последние еще бродили в потемках, за небольшим исключением, но все же их влияние было сильно (в организационных вопросах).

Пресса молодежи выставляла революционные лозунги, и Владимир Ильич все больше сближался с молодежью. Сначала прислушивался, а затем постепенно начал помогать ей в работе. Сильно сказалось это влияние Ленина на одном из руководителей молодежи, на Вилли Мюнценберге.

Вскоре швейцарская молодежь в день 1 августа демонстрировала свою солидарность с рабочим классом.

Это выступление вызвало море злобы и ненависти со стороны швейцарской буржуазии и полиции. Демонстрация не только была разогнана, но пущены были в ход хлысты и кулаки полицейских и произведены многочисленные аресты.

Зато выступление еще больше сблизило Владимира Ильича с молодежью, и он все чаще стал встречаться с ней, упорно прививая ей идеи и тактику большевизма.

Особенно ценно и заслуживает внимания участие Владимира Ильича на Всешвейцарском съезде молодежи в Цюрихе в 1916 году.

На этом съезде (в первый день) Владимир Ильич выступал не то с приветствием, не то с докладом о международном положении[1]. В последующие дни съезда Владимир Ильич беспрерывно присутствовал на нем, причем помню, как меня поразило то, что он все время сидел не за столом президиума или близко к трибуне, где хорошо было слышно, а сидел наверху, на галерке, вместе с Надеждой Константиновной, чтобы не мешать или не стеснять молодежь. Вспоминая этот съезд, я и сейчас вижу перед глазами, как Ильич, сидя на галерке, наставив ухо, перегибаясь верхней частью корпуса, внимательно слушал...

Результаты влияния Владимира Ильича на швейцарскую молодежь сказались при организации Коммунистического Интернационала Молодежи, где Швейцарский союз сыграл немалую роль.

ЛЕНИН И „СПУЙНЯ“

Беседа с профессором Евгением Эйбишем

В Национальном музее в залах современного искусства в Варшаве находится картина профессора Эйбиша «Ленин и «Спуйня».

У каждого, кто видит эту картину, вглядывается в проникнутый необыкновенной силой убеждения образ Ленина, в группу окруживших и внимательно слушающих его молодых людей, возникает вопрос: почему эта картина называется «Ленин и «Спуйня»?

Многие наши читатели, вероятно, ничего не слышали о «Спуйне». Это было студенческое общество прогрессивной польской молодежи в Кракове, Вене и Париже. В январе 1910 года в Кракове от этого общества откололись правые социалисты, пилсудчики. С этого времени вокруг «Спуйни» объединились члены и сочувствующие СДКПиЛ[1] и ППС-«левицы»[2]. Несмотря на то, что это общество носило название студенческого, туда приходили также политические эмигранты из Королевства Польского, часто не имевшие ничего общего с краковскими учебными заведениями. На рефераты в «Спуйню» приходили также рабочие. 21 марта 1914 года по предложению СДКПиЛ в зале общества «Спуйня» с докладом на тему «Российская социал-демократия и национальный вопрос» выступил Ленин. Именно этот момент изображен на картине «Ленин и «Спуйня».

Почему художник вновь обращается именно к этой теме? Может быть, он сам был членом этой организации? А может быть, он присутствовал на этом докладе?

— Это была не первая и не единственная встреча с Лениным, — говорит профессор Эйбиш. — В тот мартовский день 1914 года я оказался на докладе в «Спуйне» не случайно. Путь, который меня туда привел, начался в Люблине. Еще будучи гимназистом, я сблизился с той группой молодежи, которая горячо обсуждала вопросы социальной революции, освобождения страны от социального и национального гнета. Мы находились тогда под влиянием большевиков. От них я узнал о Ленине и его деятельности. Я и не предполагал тогда, что когда-нибудь увижу его и тем более, что буду разговаривать с ним. Однако это сбылось. Я увидел и лично познакомился с Лениным задолго до его выступления в «Спуйне». Это произошло в Кракове, куда я поехал учиться в университет. В Кракове вместе с Генрихом Бернацким и Витольдом Томоровичем, впоследствии выдающимися деятелями Коммунистической партии Польши, я поселился на улице Раковецкой, которая находилась недалеко от улицы Любомирских, а там, как мы узнали, жил Ленин. Мы все вместе пошли к Ленину с просьбой, чтобы он разъяснил нам непонятные места из «Капитала», который мы тогда изучали. Ленин занимал весьма скромную комнату. Прямой обыкновенный стол, и, кроме него, пожалуй, ничего. Всюду было полно книг и газет, целые кипы которых заполняли все углы комнаты. Ленин разговаривал с нами так, как будто перед ним были старые, заслуженные деятели рабочего движения. Он не пожалел для нас своего времени. Со свойственной ему простотой и четкостью он объяснил нам целый ряд проблем, которые мы сами не могли понять.

Идеи дружбы с русскими революционерами, идеи совместной борьбы за общее дело мы почерпнули еще в Люблине. Но только в эти краковские дни мы осознали их во всей полноте.

Как сердечно Ленин относился к полякам, как он приблизил нас к России, к той революционной России, которую мы, люди из Королевства Польского, еще плохо знали!

Мы часто заходили к Ленину, и он, когда шел в город, заходил по пути к нам, чтобы дать почитать свежий номер газеты «За правду».

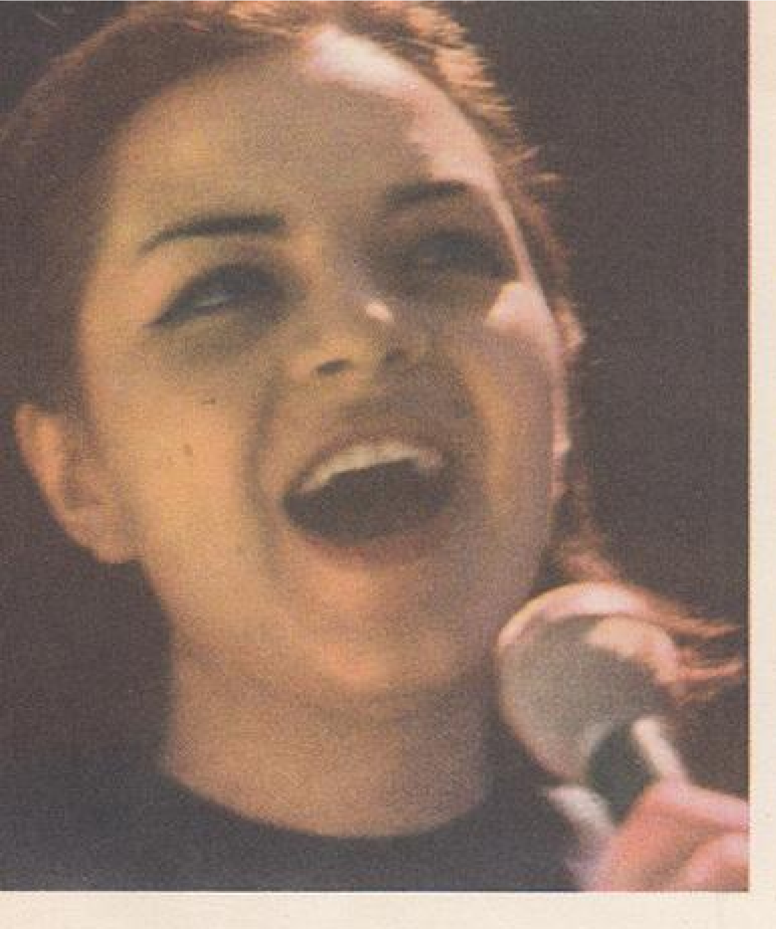
Разумеется, я присутствовал также на докладе в 1914 году, — продолжает свои воспоминания автор картины «Ленин и «Спуйня». — Небольшой зал «Спуйни» просто не мог вместить всех желающих. Пришли студенты и молодые рабочие, пришли и те, которые были далеки от идей Ленина. Но когда этот необыкновенный человек начал говорить, все присутствовавшие в зале слушали его с одинаковым неослабевающим напряжением. Ибо Ленин говорил так ясно и просто, в то же время так глубоко, что его могли понимать рабочий и студент, крестьянин и философ. Трудно выразить словами, какое впечатление произвел Ленин на меня и моих друзей. Я не могу словами описать атмосферу этих памятных дней. Я старался отразить ее в своей картине.

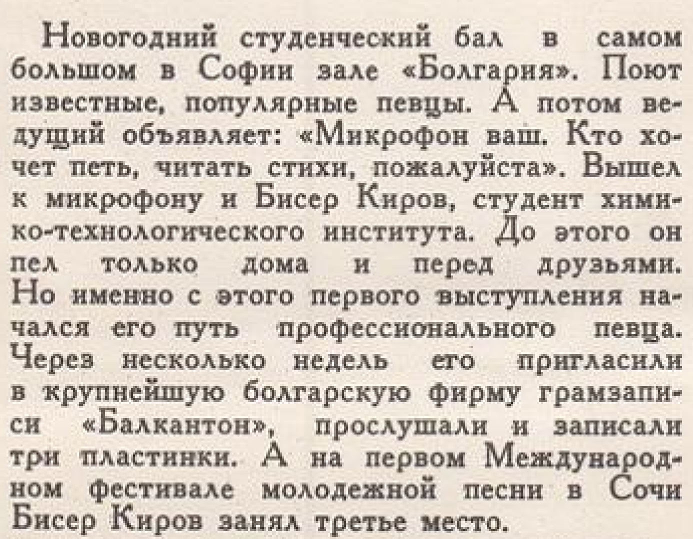
---

[1] Автор имеет в виду, очевидно, не съезд молодежи, а съезд Швейцарской социал-демократической партии, на котором присутствовало много делегатов революционных молодежных организаций. На этом съезде 4 ноября 1916 года Ленин выступал с приветствием от имени большевиков.

[1] Социал-демократия Королевства Польского и Литвы — революционная партия польского рабочего класса, возникла в 1893 году сначала как Социал-демократия Королевства Польского, а с августа 1900 года в результате слияния польских и части литовских социал-демократов стала называться Социал-демократия Королевства Польского и Литвы. В декабре 1918 года на Объединительном съезде СДКПиЛ и ППС-«левицы» обе партии объединились и образовали Коммунистическую рабочую партию Польши (так до 1925 года называлась Коммунистическая партия Польши).

[2] Польская рабочая партия возникла в 1906 году в результате раскола Польской социалистической партии, возглавляемой реформистом Пилсудским. В декабре 1918 года объединилась с СДКПиЛ. Объединенные партии образовали Коммунистическую рабочую партию Польши.





Новогодний студенческий бал в самом большом в Софии зале «Болгария». Поют известные, популярные певцы. А потом ведущий объявляет: «Микрофон ваш. Кто хочет петь, читать стихи, пожалуйста». Вышел к микрофону и Бисер Киров, студент химико-технологического института. До этого он пел только дома и перед друзьями. Но именно с этого первого выступления начался его путь профессионального певца. Через несколько недель его пригласили в крупнейшую болгарскую фирму грамзаписи «Балкантон», прослушали и записали три пластинки. А на первом Международном фестивале молодежной песни в Сочи Бисер Киров занял третье место.

Сейчас столько фестивалей, и международных и национальных, что не хватит журнальной страницы только перечислить их. Но сочинский особенный: это фестиваль молодежной песни, и многие его участники впервые соревнуются в таком конкурсе. Но что же представляет сегодня молодежная песня? Какие особые черты и качества отличают ее от всех других?

Для многих скептиков молодежная песня — это только неумелое треньканье на гитаре, которое можно услышать во дворах больших домов и в электричках. Песни, в которых «лав» и «май дарлинг» чередуются с жалобами на несчастную любовь. Сочинский фестиваль был самым ярким и убедительным опровержением такого мнения.

Не случайно разговор о молодежной песне мы начали с рассказа о Бисере Кирове. Это певец, который собрал в себе многие черты современной молодежи, ее вкусы, пристрастия. Боль греческих патриотов, чью прекрасную родину топчет сапог новых фашистов, и счастье влюбленных он воспринимает как свою боль, как свое счастье. И запуск космического корабля, и война во Вьетнаме, и страдания инвалида войны, и радость человека, нашедшего друзей, — это его, личное дело. Именно в этом его лиричность. И такое пристрастное, заинтересованное отношение к людям и миру, может быть, самое главное свойство и сегодняшней молодежи социалистических стран и тех песен, которые молодые поют. Равнодушие, безразличие чужды тем, кто воспитан в новом обществе. Равнодушие, безразличие и, как их следствие, бездумные, мелкотемные песенки неприемлемы для таких певцов, как Бисер Киров. Именно в его исполнении прозвучала «Песнь свободы» греческого композитора Микиса Теодоракиса, награжденная специальным призом фестиваля.

Двадцатилетние шестидесятых годов хотят быть «со счастьем на «ты», как пел Яцек Лех, сын антифашиста, чудом спасшегося из Освенцима. Но они знают, что это счастье нужно отстоять и завоевать своими руками, и не только для себя, а для всех парней, которые живут сегодня на пяти континентах. И отсюда другая особенность поколения, которое родилось уже после второй мировой войны, — ответственность за все, что происходит на планете Земля. Это чувство ответственности звучит и в песне «Ударьте в литавры» чехословацкого композитора Петера Хеннига, которую исполнял Карел Блага, и в песне «Плакат» композитора А. Флярковского на слова Роберта Рождественского, которую пел Анатолий Королев.

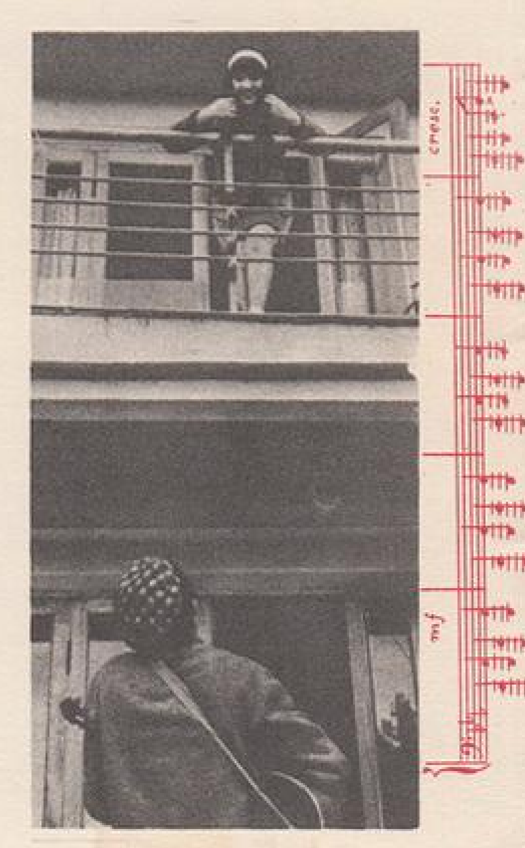
И если в исполнении Бисера Кирова самое главное — это лирическое восприятие мира, то Анатолий Королев — это певец, ответственный за все, певец-публицист.

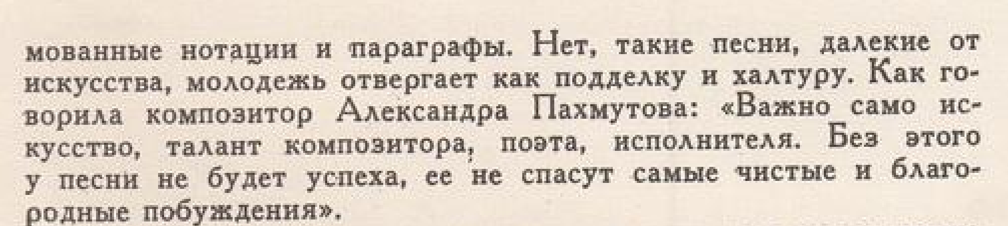
Анатолий Королев завоевал первое место на фестивале в Сочи. Но ему был присужден и еще один приз. Радиостанция «Юность» проводила плебисцит среди тех счастливцев, которым удалось попасть в театр на концерты Праздника молодежной песни. И больше всех голосов среди зрителей собрал Анатолий Королев. Все песни, которые он пел, — маленькие публицистические поэмы, воинственные в самом лучшем смысле этого слова. И именно они завоевали зрителя, именно они находят прямую дорогу к сердцам его сверстников.

Молодежная песня 1967-го, если сказать словами Маяковского, — это ласка и лозунг, и штык, и кнут. И может быть, именно поэтому большое значение имеет текст. Как сказал болгарский композитор Борис Карадимчев, мелодия и стихи сегодня вполне равноправны. Но иногда стихи настолько сильны, что задача композитора только поддержать их гармонией и ритмом, чтобы лучше донести до слушателя содержание.

Фестиваль показал, что появилось и новое направление в сегодняшней молодежной песне — политическое. Самым интересным его представителем на фестивале был Герхард Неef, певец из ГДР, который занял второе место на фестивале и получил приз журнала «Ровесник» за исполнение песни об Октябрьской революции.

Герхард работает в районном сельскохозяйственном совете в городе Цвиккау и думает стать агрономом. Он член Социалистической единой партии Германии. Для него петь — это значит говорить о самых острых, самых насущных проблемах языком музыки. Для него петь — часть политической партийной работы. Но неправильно было бы думать, что вещи, которые он исполняет, — скучные музыкальные произведения, зариф-





мованные нотации и параграфы. Нет, такие песни, далекие от искусства, молодежь отвергает как подделку и халтуру. Как говорила композитор Александра Пахмутова: «Важно само искусство, талант композитора, поэта, исполнителя. Без этого у песни не будет успеха, ее не спасут самые чистые и благородные побуждения».

Те, кто поет, слушает, принимает или отвергает молодежную песню, хорошо образованны и произведение искусства от подделки всегда сумеют отличить. Поэтому композитор, который пишет для молодежи, должен быть очень талантливым, быть таким же страстным, горячим, непримиримым борцом со всем, что есть плохого на Земле, и также отдавать все свое вдохновение песне, как и большому симфоническому произведению. Только тогда его произведения станут необходимы молодым, как хлеб и воздух, войдут в каждый дом и на праздник и в трудные часы. Песни, которые поет Герхард Нееф, — «Песнь Октября», «Я несу знамя», «Красная роза» и другие,—написаны именно такими композиторами и поэтому пользуются огромной популярностью в ГДР.

С интересными политическими песнями выступили и представители Венгрии: самая молодая участница фестиваля Клементина Магай и двадцатилетний студент Петер Мате.

Песня Ференца Флами и Шандора Салкая «Две, одна, половина», которую пела Клементина, — лирический рассказ о любви вьетнамской девушки и венгерского юноши. И все же это политическая песня: так четко и прямо в ней выражена непримиримая позиция молодежи к грязной войне, развязанной американскими империалистами в Индокитае.

Клементина рассказывала, что сейчас в Венгрии самое страшное оскорбление среди молодежи — назвать кого-нибудь карьеристом. А повинна в этом сатирическая миниатюра о карьеристе, которая была исполнена на первом Всевенгерском фестивале политической песни.

В фестивале приняли участие юноши и девушки из девяти стран. И наверное, потому, что они выходили на сцену один за другим, мелодии Польши сменяли кубинские ритмы, монгольская песня чередовалась с румынской, очень наглядно прозвучали национальные особенности и каждого произведения и каждого исполнителя. Сейчас много говорят о том, что земной шар стал меньше, нет границ для радио, в пределах континента их нет для телевидения. Нивелируется все. Лица, одежда, вкусы, характеры. Не без помощи буржуазной пропаганды рождаются стереотипы улыбок, причесок, мышления. Уберечь человечество от стандартизации, казалось бы, призвано искусство. Но оно первым в буржуазном мире стало терять свои национальные особенности. Сколько мы все знаем книг, песен, фильмов, происхождение которых можно угадать разве лишь по фамилии автора.

Песни, исполненные на фестивале, были ярко национальны по форме, по манере исполнения. Разве можно забыть прекрасную песню о родине румынского композитора Джорджи Григориу в исполнении Дойны Бади (певица заняла третье место на фестивале и получила приз газеты «Советская культура» за вокально-художественную культуру исполнения) или спутать ее с «Песней крестьянина», которую пел кубинец Хорхе Луис Пачеко, он же автор слов и музыки?

Сочинский фестиваль стал как бы своеобразным зеркалом, в котором отразились различные черты и направления молодежной песни социалистических стран. Каждый новый участник — это и что-то новое в молодежной песне: один радует своим задором и темпераментом, например Маша Кодряну (СССР), другой — артистичностью и обаянием: Яцек Лех или Хелена Майданец (Польша), третий — юной непосредственностью и искренностью, как Богдана Карадочева (Болгария). Но была одна черта, свойственная и всем произведениям и всем исполнителям, — оптимизм. Хорхе Луис Пачеко, молодой композитор и певец, определил истоки этого оптимизма словами: «Ведь все мы живем в социалистических странах. И хотя иногда нам бывает трудно, мы уверены в завтрашнем дне. Мы знаем дорогу, по которой идем, знаем, куда идем и зачем». Атмосфера праздника оптимизма, искренности, серьезных раздумий присутствовала все шесть дней на сочинской встрече молодых исполнителей. Общее желание, чтобы такая встреча любителей хорошей песни стала традиционной.

Д. ПРОШУНИНА

ГЕОГРАФИЯ

...Сент-Джордж, Нoсленд, Маллинкродт, Кардинал Ньюмэн, Белграно дэй скул, Сент-Эндрюз скотс, Майкл Хэм. Это названия частных школ в Аргентине. Английские названия служат для того, чтобы подчеркнуть их особую изысканность и недоступность. Что касается недоступности, то космическое путешествие во время отпуска покажется простому аргентинцу более реальным, чем один год учебы в таком коллеже.

Родители воспитанников должны ежегодно выкладывать от 100 до 400 тысяч аргентинских песо (по данным 1967 года), что составляет от 500 до 2000 долларов. Причем в эту сумму не входят стоимость школьной формы и питания, транспортные расходы, на что уходит еще 60 тысяч песо в год (около 300 долларов).

Кроме высокой платы за обучение, есть и еще один барьер, преграждающий путь «посторонним» в частный коллеж. Особую роль играют классовые предрассудки, предрассудки отдельных каст и даже фамильных кланов. Нередко случаются парадоксы: в стране испанского языка нельзя поступить в тот или иной коллеж только потому, что у претендента испанские имя или фамилия. «У нас нет места ни для галисийцев, ни для итальянцев, — заявляет госпожа Беатрис Циммерман, преподавательница коллежа Паула Монталь, — все наши ученицы английского или французского происхождения».

В коллеже Маллинкродт, куда одна недавно разбогатевшая дама пыталась устроить свою дочь, ей сказали: «Если вы не были в прошлом нашей воспитанницей, у нас нет места и для вашей дочери».

Поль Галахер, директор коллежа Кардинал Ньюмэн, прямо говорит, что «частные коллежи предназначены для детей только из высших слоев аргентинского общества».

Правила хорошего тона предписывают учащимся в стенах коллежа разговаривать только на английском, французском или немецком языках. Испанский язык сплошь и рядом оказывается под запретом. В коллеже Нoсленд, например, только в 1964 году, впервые за последние тридцать лет, выпускник Хорхе Луис Борхес отважился нарушить эту традицию, представив свою экзаменационную работу на испанском языке.

Сравнивая организацию и условия обучения в аргентинских частных коллежах с привилегированными английскими «паблик скулз», ректор коллежа Сент-Джордж Джонстон видит различие между ними лишь в том, что в Аргентине учебный год делится не на три, а на два семестра. «В этом, — утверждает Джонстон, — собственно, и состоит вся разница, вытекающая из климатических особенностей каждой из этих стран».

Преподавание таких предметов, как математика, литература, история, география, в частных коллежах поставлено значительно лучше, чем в обычных школах. Преподавателей иностранных языков приглашают обязательно из-за границы. Учащиеся могут изучать и дополнительные предметы, например агрономию или музыку, под руководством лучших поваров мира готовят изысканные блюда, осваивают фотографию или знакомятся с основами филателии. К их услугам просторные и светлые аудитории, прекрасно оборудованные механические мастерские, лаборатории, спортивные площадки и плавательные бассейны.

В Аргентине есть только одно государственное учебное заведение, которое по постановке обучения может сравниться с частными школами, — Национальный коллеж Буэнос-Айреса. Выпускники этого коллежа даже освобождаются от экзаменов при поступлении в государственный университет.

Национальный коллеж Буэнос-Айреса — исключение, только подтверждающее правило. Все преимущества при поступлении в университеты и при последующем устройстве в жизни у выпускников частных коллежей.

Впрочем, учащимся частных коллежей не приходится думать о дальнейшем устройстве в жизни. В этом у них просто нет никакой нужды. Ректор коллежа Майкл Хэм госпожа Сиприан жалуется, что ее ученицы «освобождены от необходимости зарабатывать себе на жизнь: школа для них всего лишь часть среды, формирующей классовое сознание».

«Мы должны воспитать из девушек хороших жен и мам, — рассуждает одна из воспитательниц коллежа Асунсьон. — Подготовкой же к жизненной борьбе пусть занимаются их родители, и дай бог, чтобы у них никогда не было в этом необходимости».

До сих пор мы рассказывали о частных школах Аргентины. В них учатся 8—10 тысяч человек, сливки аристократии и буржуазии страны. А какие возможности для образования у остальных 22 миллионов?

«Путь вверх» у маленького аргентинца начинается в 6—8 лет и зависит от того, в каком квартале он живет, в какую школу пойдет. География престижа дает о себе знать с раннего детства.

Возьмем для примера столичную школу № 1. Она находится в районе, где поселились преуспевшие в жизни люди. Они в состоянии оплатить и ремонт помещения, где учатся их дети, и даже купить нужные приборы. Эта школа, конечно, не может сравниться с частной, но все же с помощью денег

В последнее время в Западной Германии происходят серьезные изменения. Как карточный домик, рухнула старательно придуманная буржуазными идеологами легенда об «экономическом чуде». Повышается стоимость жизни, наблюдаются признаки безработицы. Витрина западного мира то тут, то там стала давать трещины. Жизнь убедительно доказывает, что, следуя в фарватере политики американского империализма и не учитывая реально сложившегося соотношения сил в мире, нельзя добиться каких-либо успехов. В этих условиях доверие избирателей к аденауэровской партии христианских демократов стало быстро падать. Чтобы спасти свой престиж, христианские демократы осенью 1966 года впервые за весь послевоенный период предложили социал-демократам создать большую правительственную коалицию ХДС—СДПГ.

Социал-демократы, за которыми пока еще идет значительная часть рабочих, служащих и мелкой буржуазии, приняли это предложение. Многие надеялись, что бывшая оппозиционная партия, придя к власти, постарается изменить авантюристический реваншистский курс прежних правительств. Но этим надеждам не суждено было сбыться. «Брак по расчету» все оставил по-прежнему. Правые лидеры СДПГ давно уже пренебрегли интересами рабочего класса и следуют курсом, проложенным промышленными магнатами. Об этом с циничной откровенностью заявил Штраус, один из лидеров ХДС: «Большая коалиция стала возможна только потому, что наши партнеры в значительной мере отбросили свои прежние представления и присоединились к основным линиям нашей политики».

А основные внешнеполитические линии Бонна известны всему миру: ревизия результатов второй мировой войны, восстановление Германии в границах 1937 года, поглощение Германской Демократической Республики, поддержка американских агрессоров во Вьетнаме, милитаризация страны и атомное вооружение бундесвера.

Эти открытые реваншистские требования послужили дрожжами для быстрого роста неофашистской национал-демократической партии, объединившей в своих

родителей ученики могут ставить опыты в лабораториях, изучая географию, пользоваться картой.

Основную финансовую помощь школе оказывает родительская комиссия содействия. Еще в 1932 году Национальный совет Аргентины, в чьем ведении находятся все государственные учебные заведения, официально разрешил создание таких комиссий. В провинции Буэнос-Айрес, как пишет аргентинский журнал «Примера Плана», комиссия содействия обязана «покупать необходимый инвентарь, ремонтировать помещения, заготавливать топливо».

«Проблем хватает и у нас, — жалуется председатель комиссии содействия школы № 1 Хуан Карлос Абба. — Хотя бы ремонт, здание не красилось вот уже 25 лет. Изворачиваться приходится во всем. Ведь государство выделяет нам мизерные суммы: всего 17 тысяч песо (85 долларов) на класс».

Председатель другой комиссии сеньор Корнеро утверждает, что на содержание школы № 6 в местечке Санта Рита, где учатся 400 ребят, ежегодно требуется минимум полмиллиона песо, а государство выделяет 12 тысяч песо, то есть по 30 песо (0,15 доллара) на каждого ученика в год. Иронизируя по поводу разглагольствований о том, что образование в Аргентине якобы бесплатно, Корнеро не без горечи добавляет: «Конечно, бесплатно. Но только не для аргентинцев, а для государства, поскольку оно в самом деле ничего на него не расходует».

В бюджете страны обычно предусматриваются некоторые средства на просвещение. Но они совершенно не соответствуют подлинным нуждам и до школ не доходят.

«За чеком на 9 тысяч песо (45 долларов), выделенных нашей школе по бюджету на 1965 год, — говорит председатель одной из комиссий содействия Хосе Гомес, — мы несколько раз ходили домой к сенатору. Однако чек так и не получили».

Директор школы № 17 в местечке Уркис Элиза Рохас утверждает, что в последний раз государственная субсидия 80 тысяч песо (400 долларов) была получена в 1964 году. И хотя расходы за один год в четыре раза превышают эту сумму, больше никаких средств ни федеральные, ни муниципальные власти не выделяли.

— Если бы не энергия и предприимчивость председателя комиссии содействия Аристидеса Дуранте, нам пришлось бы просто закрыть школу, — говорит Элиза Рохас.

Сам Аристидес Дуранте признает, что его предприимчивость часто шла в обход законов. Комиссия собрала с родителей 400 тысяч песо и на эти деньги подрядилась построить для города дороги, магазины и т. д. Причем контрактов комиссия содействия набрала на полтора миллиона. На эти деньги привели в порядок помещение школы, перекрыли потолки. А теперь члены комиссии должны придумать выход, чтобы не попасть в тюрьму за невыполнение контрактов.

Родители, жильцы соседних со школой улиц, учителя, сами дети день и ночь заняты поисками средств на существование школы. Их изобретательность удивляет: благотворительные сборы и вечера, распространение лотерейных билетов содействия школам, организация различных фестивалей с пожертвованиями, демонстрации детских мод, продажа с благотворительными надбавками газет, журналов и даже продуктов питания.

Когда счастливая мать приводит своего малыша в первый класс, с нее берут 500 песо как вступительный взнос, хотя официально начальное образование бесплатно. Это стало уже повсеместной практикой.

Активная деятельность комиссии содействия, сбор средств среди родителей возможны в районах, где живут более или менее обеспеченные люди. А что происходит в бедных кварталах района Ла Кава, где стоят лачуги из картона и жести? Там государственную школу можно распознать лишь по национальному флагу, грустно развевающемуся над убогой хибарой. Здесь уже и речи нет о ремонте здания или приборах для лаборатории. Члены комиссии думают о том, чем заткнуть дыры в потолке или где достать ящики, которые используются вместо парт. Многие школьники не имеют учебников, падают в обморок во время уроков от недоедания. О каком последовательном обучении может идти речь при таких условиях?

Аргентина считается в Латинской Америке одной из самых богатых и просвещенных стран. По-видимому, уровень просвещения оценивается по тем 10 тысячам счастливцев, которые учатся в частных коллежах. Что же касается остальных — предоставим слово официальной статистике. Она утверждает, что 8,6 процента аргентинцев старше 14 лет абсолютно неграмотны, 61 процент детей, поступающих в первый класс, бросают учиться, не дойдя и до третьего класса. И если в начальную школу в 1967 году пошло 3 121 981 человек, то на пороге средней школы оказалось только 1 020 130, и неизвестно, сколько из них дойдут хотя бы до середины пути, а в специальные школы, ведущие к получению какой-нибудь профессии, поступило только 38 тысяч человек. Так на практике дает себя знать география материального престижа.

А. ЧУБУКОВ

рядах бывших эсэсовцев, нацистов, переселенцев с восточных земель. НДП использует хитрую тактику. Она прикрывает свою профашистскую сущность лозунгами, которые больше всего по душе бюргеру: «Германия — немцам, Европа — европейцам», «Возродим национальное достоинство», «Каждый должен получить свой кусок от общегерманского пирога счастья». Обращаясь к женщинам, национал-демократы клянутся «ликвидировать безнравственность».

Сбитые с толку бюргеры отворачиваются от большой коалиции и обращают свои взоры к НДП в надежде, что она быстрее и четче выполнит ту программу реванша, которую провозгласил Бонн. Кроме того, определенная часть молодежи, малообразованная политически, тоже идет за НДП, так как верит, что эта партия может очистить «боннские конюшни» и проводить «честную политику».

Бурный рост неонацизма, захват депутатских кресел в земельных парламентах сильно тревожат прогрессивную общественность Западной Германии и демократические круги других стран. Правительство Советского Союза сделало специальное Заявление, в котором вскрыло всю глубину опасности для мира в результате возникновения главного очага неонацистской угрозы в Западной Германии. Но правительство большой коалиции, преследующее прогрессивные силы страны и выступающее против легализации компартии, которая с 1956 года работает в подполье, всячески старается выгородить национал-демократов. Это вполне понятно: и у правительства и у национал-демократов — общность классовых интересов.

Однако в современной Западной Германии с каждым днем становится все больше и больше людей, которые не хотят, чтобы германский империализм в третий раз стал зачинщиком общечеловеческой трагедии. Сегодня мы печатаем наблюдения польского журналиста Анжея Брыхта, побывавшего в ФРГ, и рассказ о встрече в редакции с молодыми западными немцами. Эти материалы помогут вам более полно представить себе нынешнее молодое поколение Западной Германии.

—ЧИТАЙТЕ НА СТР. 8—11

ФРГ

Портрет в рост

Рапорт из Мюнхена

Район, в котором я жил в Мюнхене, назывался Швабинген, это район магазинов, универмагов, ночных ресторанов, дансингов, молодежных клубов, а главное, на Амалиенштрассе стоит огромное черное здание университета, а рядом с Триумфальной аркой — университетская библиотека.

Здесь, в Мюнхене, разговор о студентах начинается с того, что студент — это господин студент. Господа студенты платят за науку дорого, чертовски дорого, и поэтому они заранее знают цель, во имя которой стартуют. Наши учатся бесплатно — поймите, какая колоссальная разница между бесплатно и за деньги! За деньги здесь понимают причину и понимают цель. За деньги здесь необходимо. Ты сам покупаешь свое будущее. Через несколько лет он получит специальность, потом — место, потом власть. Они — студенты, люди образованные, и народ знает это. Нет случаев грубого обращения со студентами в трамвае, в ресторане, на улице. Нигде. Ведь это господин студент, а этот титул содержит в себе все всевозможные титулы: господин доктор, господин директор. У каждого глубоко в душе таится вопрос: кто знает, а не придется ли ему через год искать работу у этого студента! Они ходят по улицам походкой взрослых, немного уставших, без популярных у нас мальчишеских выходок. Я редко видел на Амалиенштрассе улыбающееся лицо. Обедают они обычно в ресторане «Гаангоф ам Зигестор». Это на Швабингене считается хорошим тоном.

В «Гаангофе» можно поболтать на различные темы. Желающих достаточно. Поляк из Варшавы представляет немалый интерес для мюнхенца. И вот я сижу за массивным коричневым столом с двумя молодыми немцами. Одного зовут Вольфганг Виттек — он заканчивает агрономический факультет, а второй изучает юриспруденцию, зовут его Клаус Фойерманн. Я познакомился с ними совершенно случайно: накануне вечером возле студенческой библиотеки я увидел белый «рено» с приклеенным к ветровому стеклу объявлением: «Продается». Ниже были указаны цена и адрес. Цена мне подходила, адрес меньше, потому что это было очень далеко. Но я сел в такси, разумеется «мерседес». Первый километр стоит доллар, следующий — половину, для меня полное разорение, но что поделаешь. Приезжаю: современный семиэтажный дом. Лифт поднимает меня, вот нужная комната. Нажимаю на кнопку — молчание. На двери висит блокнотик, в котором товарищ товарищу пишет записку, если не застал его дома. Я тоже пишу свой номер телефона и что я по вопросу «рено». Но тут соседняя дверь открывается, и высовывается человек, который спрашивает, по какому я делу. Завязывается разговор. Он называет себя приятелем герра Виттека, его фамилия Фойерманн; я ему в ответ, что, наверно, они живут в одной комнате, а он говорит, что нет, он живет в комнате, из которой только что вышел, и приглашает меня зайти. Я вхожу и вижу низкую широкую тахту и письменный стол, телевизор, стеллажи с книгами. Все новое, как будто вчера куплено, и я равнодушным тоном спрашиваю, давно ли он здесь живет. Оказывается, уже три года. Мебель, разумеется, собственность общежития, а оплата из своего кармана, без всяких скидок. К мебели здесь страшно прикоснуться, потому что каждый месяц приходит комиссия и любую царапину или пятно присчитывает к квартплате, а считают дорого. Отсюда порядок и на многие годы новая мебель. Когда студент выезжает, он сначала должен идеально отремонтировать комнату, а если он не сможет идеально и комиссия ее не примет, тогда господин студент должен оплатить ремонт, а работа очень дорогая. Три раза громко крикнешь у себя в комнате — вечером господина студента выселяют без всякого предупреждения. Виттек продает автомашину, потому что у него не хватает денег на квартплату. Денег, полученных за машину, хватит на три месяца. За это время Виттек должен будет как следует подумать, где взять остальные.

Я сокрушенно качаю головой, на что герр Фойерманн, который кое-что слышал о Польше, говорит:

— А у вас, кажется, студенты живут по нескольку человек в одной комнате!

— Да, — отвечаю я, — но у нас студенты живут даром.

Лицо его приобретает глупое выражение, и он несколько раз повторяет «даром», «даром», как будто пробует неизвестный плод.

Мы продолжаем нашу беседу. Я рассказываю ему немного о себе, потому что он меня расспрашивает, разумеется, задается сакраментальный вопрос, являюсь ли я членом коммунистической партии. (Эти слова они произносят особым, конфиденциальным тоном.) Я говорю, что нет, он, конечно, удивляется, я уже хорошо знаю это фальшивое удивление. Я говорю, что не являюсь членом партии, но чем дольше нахожусь в Мюнхене, тем больше об этом жалею. Его удивление становится уже совсем иным, и, чтобы разрядить атмосферу, он включает телевизор, показывает новости из Вьетнама, передаваемые американским агентством. Мы удобно сидим с этим молодым немцем в креслах, покуриваем американские сигареты, а перед нами на голубом экране люди убивают людей. Американцы не стыдятся! Американцы не боятся общественного мнения! С порочной откровенностью они показывают всему миру, как их тяжелые танки давят маленькие, хрупкие домики вьетнамцев, в этих домах находятся люди: за танками идет кинооператор и показывает крупным планом растерзанные тела, его помощник отбрасывает ногой какую-то доску, чтобы лучше снять лица убитых, перекошенные ужасающей предсмертной гримасой. Летит вертолет, американский стрелок строчит из пулемета, его лицо напряжено до предела, щеки и каска подрагивают, там, внизу, серые очертания какой-то рощи, убегают люди, рассеянные по полю, они бегут к спасительным деревьям. Вот все бежавшие уже лежат на поле, ни один не успел спрятаться под деревьями, на экране утомленное лицо стрелка, поблескивает пот, глаза, полные удовлетворения после хорошо выполненной работы; он сдвигает на затылок каску, проводит рукой по волосам, пялится в камеру, пялится на весь мир — и комментарий под публику Западной Германии: «Этот солдат рисковал своей жизнью, но все-таки...» Эта передача с фронта идет долго, двадцать минут, комментатор не перестает восхищаться «сражающимися парнями», потом короткие блицинтервью с ними: «Передавим этих гнид», «Навсегда загоним их под землю», — наглые, откормленные физиономии.

Я ругаюсь, отчаянно ругаюсь по-польски, а сидящий возле меня немец смотрит на экран равнодушно, как на плохой приключенческий фильм.

— Герр Фойерманн, — говорю я, — это преступники.

Он пожимает плечами.

— Нельзя говорить об этом как о преступлении, это неприятная война. Ведь американцев тоже убивают.

И тогда в комнату входит герр Виттек, худой элегантный блондин.

Кратко излагаю дело. Конечно, он охотно продаст мне автомашину, хотя в общем-то он не должен этого делать, ему жаль, что машина в таком хорошем состоянии будет служить поляку. Он говорит это спокойно, без тени смущения, глядя мне в глаза.

Я с усилием стараюсь остаться спокойным.

— Вы не любите Польшу, нельзя ли узнать почему?

— Мой отец погиб в Польше, — отвечает он прежним тоном.

— Моего отца убили немцы, — сразу же отвечаю я.

На минуту он задумывается.

— Это несколько меняет положение вещей. Поэтому, если вам так уж хочется, я сделаю для вас исключение.

Разумеется, мне уже перестало хотеться. Но со мной произошло что-то совершенно непонятное. И я сказал:

— Прекрасно. Давайте встретимся по этому вопросу завтра в «Гаангофе» в три часа, я думаю, мы придем к соглашению.

Так и получилось. То есть к соглашению мы не пришли, но мы в «Гаангофе». Пьем вино с названием «Гааненшрай», указанное в карте под № 4, вино, обладающее веселящим свойством. Но нам совсем не весело. Герр Виттек не может много пить, потому что через несколько минут ему придется вести машину, демонстрируя ее качества. Что-то он недоволен нашей встречей. Каждую минуту смотрит на часы, явно спешит. Наконец он предлагает перенести сделку на завтра, потому что через час он должен быть дома, чтобы посмотреть одну передачу по телевизору.

— Герр Виттек, мне бы очень хотелось вместе с вами посмотреть эту программу.

Он на минуту задумывается, потом соглашается. И мы едем в общежитие.

Возле бензоколонки, на которой мы заправляемся, висит огромный плакат, сообщающий о митинге НДП. На плакате юноша и девушка, на них одинаковые зеленые рубашки. Вдохновенные лица, в глазах фанатический блеск. Над ними большими буквами: «Молодежь, НДП — это будущее Германии и ваше!»

Вот уже сверкающий телевизор в комнате Виттека. К нам присоединяется Фойерманн. Начинается программа: показывают тот самый митинг НДП, о котором сообщалось в афише. Почему Виттеку хотелось посмотреть эту программу? Почему ему обязательно хотелось быть одним из восьми миллионов зрителей, которые смотрят эту программу в Баварии!

Виттек закуривает папиросу и бормочет:

— Что в этом удивительного! НДП — это самое большое развлечение, особенно для тех, кто хочет думать...

И все. А там, за стеклом, — голова к голове. Но ведь это не стекло, это происходит на самом деле, сейчас, в эту самую секунду. Толпа. Несколько операторов, расставленные в разных

местах, проводят объективами по шляпам, кепкам, беретам и спинам сгрудившихся людей. Толпа показана сверху и сзади, редко мелькнет серое пятно лица. Начинаются речи. Голоса ораторов грохочут, деформированные эхом многочисленных репродукторов. Невозможно разобрать ни одного слова. Но я знаю, о чем они говорят. Я был на предыдущем митинге. Здесь часто такие митинги. Они становятся модными.

Митинг заканчивается, начинаются интервью. Выбирают совершенно случайных людей из расходящейся толпы. Ни одному из них не было тридцати пяти. А больше всего молодых, совсем молодых.

Двадцатилетний парень смотрит в стеклянный глаз камеры агрессивно и надменно, как в лицо врага, и кричит, зная, что кричит миллионам немцев:

— Я член НДП! Потому что НДП вернет мне захваченные поляками города! Бреслау! Кольберг! Через два года мы будем у власти! Мы будем управлять страной! И тогда вы увидите, что нам надо было доверять с самого начала!

Лицо исчезает, на его месте сразу же появляется другое, худого интеллектуала. Голос у него спокойный, фразы продуманы.

— Проблема Восточной Германии является для нас проблемой первоочередной важности. Я убежден, что через два-три года, с помощью ли силы или в результате политического давления, восточные немецкие земли вернутся к нам.

(Поймите: речь идет даже не о ГДР. Они называют ГДР Средней Германией, а Восточная Германия — это территория Польши, Чехословакии, СССР.)

За ним еще один и еще. Сменяются лица, сила и интонация голоса, но смысл всегда один и тот же.

Репортаж длится уже около часа, а мне кажется, что все это какой-то кошмарный сон. Я один, совершенно один, под ногами ни кусочка родной земли. И эти два молчащих немца по бокам, одобряющие то, что происходит на живом стекле.

Кошмар кончился, я быстро прихожу в себя. Пусть же они что-нибудь скажут. Я должен знать, что они думают. Приглашаю герра Виттека и герра Фойерманна выпить по стакану вина за мой счет. Вопрос автомашины отодвинут в будущее.

Мы идем пешком по Леопольдштрассе. За Триумфальной аркой стоят такси...

«Донисль». Старый-престарый кабак с двухсветным залом, на стенах портреты всех бургомистров Мюнхена, а также знаменитых жителей города. Нет только Гитлера, хотя он начинал именно здесь.

Пьем. За полночь. И тут Виттек прикасается своей потной ладонью к моей

руке, наклоняется над столом и говорит твердым шепотом:

— Давайте повторим тридцать девятый год. На тех же условиях. Мы без Америки. Вы без Советов. Вооружение обычное. Вы через двадцать четыре часа лежали бы на лопатках.

Он сжимает мне руку, словно желая размозжить мне пальцы. Я смотрю на его разгоряченное, красное лицо. Я не верю. Но я вынужден поверить.

Хватаю его свободной рукой так, что он шипит от боли, и говорю, глядя в его пьяную морду:

— Попробуйте. Нам хватит двенадцати часов, чтобы перегрызть вам горло.

Мы застыли в ничего не значащем рукопожатии, пока нас не разнимает герр Фойерманн...

И я снова один возвращаюсь через ночной Мюнхен в гостиницу. Я как можно скорее хочу домой. Не в гостиницу, а к себе в Варшаву. И уже никогда, никогда в своей жизни, никогда не хочу возвращаться в Мюнхен.

Анжей БРЫХТ,
польский журналист

Портрет в рост

Вопрос в 19.30

Немцы пришли, сели, положили руки на колени и замолчали, и комната стала сразу маленькой. Тишина. Это всегдашнее мгновение перед разговором, когда нужно быть предельно искренним, очень откровенным, чтобы уронить в молчание слово без малейшей фальшивой нотки.

Но... Сейчас я поделюсь ассоциацией, построенной на одном слове «немцы».

Проходя мимо школы только позавчера, я слышал разговор двух школьников, по тону и громкости неприемлемый даже в обширной аудитории:

— Я буду играть наших — мне они достались, мне, а ты — немцев.

Нет, я не волен делать отсюда широкие обобщения. Они были бы и неправильны. Тот же школьник со знанием дела и без запинки расскажет о ГДР, о строительстве новой по своему укладу жизни, о немцах, понявших могущество мира, потому что война столько раз терпела фиаско как средство для разрешения человеческих неурядиц. Он правильно скажет о коммунистах Федеративной Республики Германии, мужественных людях, ведущих работу в подполье, потому что с 1956 года компартия в ФРГ запрещена, он расскажет просто о честных, умеющих донести правду со сцены, с экрана, своим пером, кистью. И все же — «немцы». Исподволь всплывает воспоминание о войне — Великой Отечественной для нас и второй мировой для всех остальных, воспоминание, подкрепленное совсем свежим криком о «разделе по Одеру — Нейсе», о бундесвере, о неофашизме.

Я смотрю на немцев: по-прежнему руки на коленях, и произношу: «Давайте знакомиться».

Шум, потому что заговорили все разом, потом все разом остановились, наступила тишина, девушки и молодые люди переглянулись, рассмеялись, и прошла скованность, и один поднял руку, как в школе, и спросил: «Можно я?»

— Мы представители различных клубов Западной Германии. Разных городов: Эссена, Гамбурга, Дортмунда. Клубы называются по-разному: «Интернационал», «Эгалите», «Свободное общество», «Легалите», «Друзья природы».

Их пятнадцать, и клубов почти столько же. Названия подчеркивают самостоятельность, но я задаю вопрос, который своей логикой пытается объединить их всех вместе:

— В чем задача этих клубов?

— Нынешнее правительство ФРГ действует по принципу: «Лучше сто танцующих, чем один думающий». Небезызвестный Шпрингер держит в своих руках восемьдесят семь процентов молодежных изданий ФРГ. Концерн Бертельмана помогает ему серией «Немецкий солдат». Серия издается полумиллионным тиражом. Уже вышло пятьсот названий. Вот некоторые из них: «Парень уничтожил девять красных танков», «Крупнейшее немецкое наступление». А кинофильмы? За последние годы было продемонстрировано около 600 фильмов, прославляющих войну, и только девять антивоенных.

В западногерманском бундесвере поют такие песни: «Как когда-то в Польше, во Франции и в горячих песках пустыни, мы, пехотинцы бундесвера, снова рвемся в другие страны...»

Мы не можем с этим примириться. Мы хотим, чтобы молодежь поняла опасность, рождающуюся в сегодняшней Германии. Те, кто ищет истину, объединяются. Так появились клубы.

— Расскажите, как работают клубы. На примере ну хотя бы «Интернационала», — прошу я.

— Разрешите, расскажу? — спрашивает русоволосый юноша.

— Идет молодой человек по Папештрассе или по какой-нибудь еще штрассе. Идет, идет, идет. Он отработал свое. Он полностью свободен, он может сейчас зайти в кино или на танцы, или съесть

KOMMUNISTEN IM KREUZVERHÖR

am Mittwoch, dem 12. Juli 1967,
um 19.30 Uhr im Jugendzentrum

Wir diskutieren heiße Probleme und kennen kein Tabu. Wir laden Kommunisten ein — **richtige rote Kommunisten aus der Bundesrepublik — und nehmen sie ins Kreuzverhör.**

Verhören sie mit. Kommen sie zur Diskussion mit prominenten Kommunisten am Mittwoch, dem 12. Juli 1967, um 19.30 Uhr, ins Jugendzentrum, **Essen, Papestraße 1.**

Veranstalter: *Club International* ESSEN

мороженое, или познакомиться с девушкой. Или он сядет на скамейку и будет смотреть на прохожих. Он намеренно интересуется всякими пустяками: болонкой, которая вышла из лакированного «мерседеса»: «Богачи»; двумя девушками: «Так себе», рекламой кока-колы: «Выпить бы пива»; еще двумя девушками: «Спешат на свидание»; маленьким плакатом, интригующе маленьким даже на небольшом расстоянии: «Это еще что такое?» Он подходит и читает:

Перекрестный допрос коммунистов.
У нас нет никаких табу.
Можно задавать какие угодно вопросы.
Начало в 19.30.

Вход: 49 пф.

Он видит на плакате разлитые красные чернила и улыбается, делает два шага в сторону, три вперед и находит себя за порогом комнаты.

На сцену или просто к столикам выходит пожилой человек. Все стихает. Стук кружек и музыка, разговоры, и даже табачный дым приседает к столикам. Молодой человек оглядывается на всех: на двух полицейских в штатском (он еще не знает, что это полицейские), на девушку: она слушает, у нее слегка приоткрытый алый рот. Он чуть-чуть обижается на невнимание к себе, а потом забывает обижаться.

«Маленькие дети» — молодые люди от шестнадцати до двадцати пяти лет — «поедают» вопросами коммуниста, который пришел просто так, не боясь ни полицейских, ни вопросов.

Это не кулуарный разговор. Не тихий обмен мнениями, когда из-за бесхарактерной симпатии друг к другу сучат слова с неприкрытым взаимным комплиментом. Совсем нет. Коммунист перед аудиторией отстаивает свое человеческое и политическое «я», а молодые люди задают вопросы, и все они трудные: и вопросы и молодые люди. Вопросы об умном писателе Вилли Бределе; о Гёте, который «то колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер»; о графике Альберте Дюрере — современнике гражданской войны; о Бисмарке, об истории рабочего движения, о Бебеле и Либкнехте, о Тельмане. Правильность ответов, их глубина, эрудированность доказывают, что человек, стоящий перед ними, очень серьезно оценивает себя и мир, что он видит в этом зале людей, не выпаливающих вопросы ради самих вопросов, и хорошо, что эти молодые люди трудные: коли придут к выводу в жизни, будут держаться его твердо... И я решил приходить в клуб «Интернационал»...

Все смеются: рассказ в третьем лице вылился в неожиданное признание. Я спрашиваю:

— За принадлежность к коммунистической партии в ФРГ человек может поплатиться своей свободой, и поэтому выступление его перед аудиторией...

Мне дают листок, сложенный вчетверо.

— Что это такое?

— Вызов в полицию.

Читаю: «Кёльн, Вайдмарк, 1, этаж 13-й, выйти с лифта на 12-м этаже, подняться по лестнице до комнаты 145». Приписка под копирку на машинке. Пожелание, которое звучит как приказ: «Явиться в точно назначенный срок. В случае неявки предупредить заранее». Подпись.

— Но тех, кто выступает в клубах, такими повестками не испугаешь: они уже побывали в тюрьме. А потом, они выступают не как члены партии, которая двенадцать лет запрещена, а как люди с коммунистическим мировоззрением, не отказавшиеся от своей точки зрения ни перед судьями, ни в заточении. Мировоззрение, как давно известно, запретить нельзя.

И пятнадцать пар глаз смотрят на меня.

— Скажите, а бывают ли открытые массовые выступления, не замкнутые в стенах клубов?

Отвечает девушка, миловидная, хрупкая, с быстрым, четким говором:

— Мы собраться должны в одиннадцать. Часы показывают без пяти. Самое худшее, что есть на свете, — это ждать. Мокрый асфальт. Ветер срывает последние листья. Листья припечатываются к асфальту, и мгновение слабости может возникнуть от такого желтого листа на мокром асфальте, потому что он одинок. Мы ходим вокруг фонарного столба и бьем в ладоши. Холодно, и нас мало. Сентиментальничаем об одиноком листе, чтобы не думать, как мы пойдем посредине улицы. В этом ничего страшного: в противовес есть мысли, есть убеждения. Но все же иногда действует на нервы скалящий зубы мещанин в плаще и в шляпе. Гнилыми зубами он отрицает нас: он чуть-чуть когда-то не победил весь мир, и в улыбке — выражение его собственного понимания Германии, и Германия, на его взгляд, не мы, ребята на проезжей части улицы, а кто-то другой, в этих серых домах, за модными занавесками, в лакированных «рено», которые все же уступят нам дорогу, а шляпа у него надвинута так, как офицерская фуражка со свастикой. Он в наши души заглянуть не может — слишком заскорузл. На него действуют только сила, количество. И ребята подходят. Они оказываются пунктуальными, как немцы. Можно идти. Улицу запрудили сотни людей. Под их ногами не видно красно-желтых листьев. Мы стираем улыбку у мещанина, и не только у него одного. Честное слово, на душе весело. Хорошо на душе. И не холодно. Можно подумать об осеннем воздухе, о том, какой он чистый, затем, чтобы сдержать в душе чувство удовлетворения: по улице движется лавина людей, у тебя с ними общий язык и одна цель. Сдержать это чувство, потому что оно личное и не главное. А главное — мы, немцы, не согласны с политикой правительства, и видите, вы, остальные немцы, — это серьезно! Мы идем, автомашины прижимаются к тротуару, останавливаются прохожие...

Ребята достают плакаты. Они их делают сами: рисуют, печатают на стеклографе, а когда есть деньги, то и в типографии — вполне современный, четкий плакатик. Конечно, он далек по красочности и по качеству бумаги от изделий господина Шпрингера и всуе с ним, но у такого плаката одно и очень главное преимущество: на плакатик, часто с размытыми буквами, обращает внимание все большее количество людей, и он имеет эффект, который несет такое благородное понятие, как честность.

Мы знакомы. Такое получается впечатление, что мы знакомы долго и давно, а не полтора часа. И теперь я уже знал, что услышу, и услышал:

— Мы собираем средства на постройку разрушенной деревни во Вьетнаме. Эти деньги мы привезем на фестиваль в Софию.

— Недавно у нас побывали испанские эмигранты. Они рассказали нам о сегодняшней Испании.

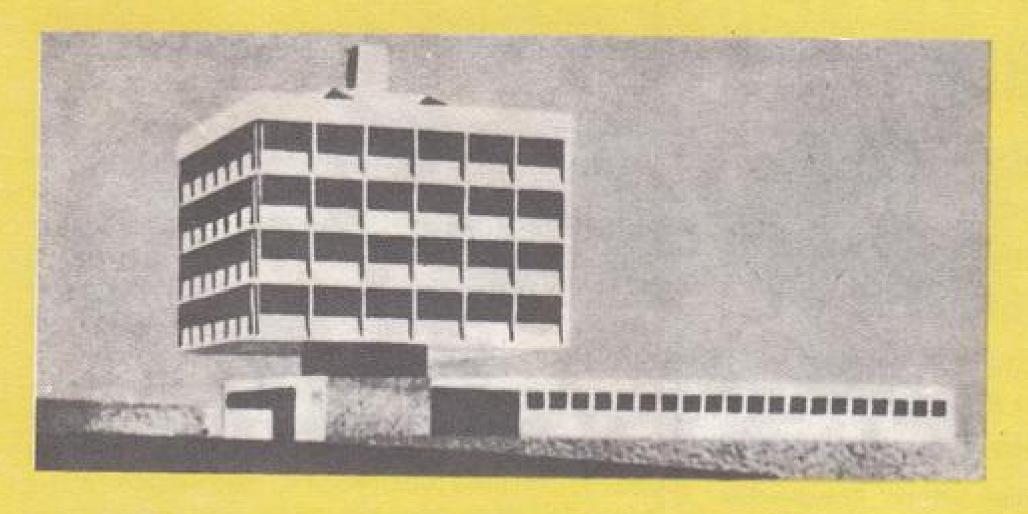
— К пятидесятилетию Советской власти мы пригласили товарищей из ГДР: они рассказали о том, как живут там люди...

Пожалуй, все о клубах и о ребятах из ФРГ. О клубах, рожденных жизнью, о ребятах, восставших против лжи и опасности, которую она, ложь, порождает.

Быстро исписываются страницы блокнота. Факты... Факты... Из них складывается картина напряженной действительности, картина борьбы, которую ведут наши сверстники в жестких условиях нынешней Западной Германии.

Виктор ТУЗОВ

НОВОСТРОЙКА БУДАПЕШТА



Журнал „Вилаг ифьюшаг" (Венгрия)

Так выглядит проект нового здания секретариата Всемирной федерации демократической молодежи в Будапеште. Строительство здания будет закончено через два года.

ЕЩЕ ОДНА КОРОЛЕВА

Журнал „Иллюстрейтед Лондон ньюс" (Англия)

Ежегодно в столице Великобритании проводится конкурс «Самый красивый ребенок Британских островов». Психоз, раздуваемый местными фирмами вокруг этого события, достигает колоссальных размеров. В последнем конкурсе принимало участие 75 825 юных кандидатов. Победительницей стала Дебора Периман из города Уэмбли, которую вы видите на фотографии. В три ручья текут слезы по щекам четырехлетней Деборы: устроители конкурса замучили ребенка до такой степени, что его уже не радуют ни игрушки, ни «королевская» корона.

БЕГСТВО ТАЙНЫМИ ТРОПАМИ

Газета „Вохенпост" (ГДР)

Американский солдат Гордон Мемпан после отпуска о
зался возвращаться во Вьетнам. Он переехал в Великоб
нию и попросил у правительства политического убеж
Мемпан не одинок. Весной 1967 года прогрессивные м
дежные организации западных стран выпустили лист
с призывом к американским солдатам дезертировать. «Б
по одному или группами! Скажите войне «нет»! Не бо
ничего!» — говорилось в листовках. Подобные призывы
пространялись в армейских барах Сайгона, на военных б
в ФРГ, Норвегии, Италии. Их даже рассылали по п
прямо в казармы. В то же время во многих странах За
ной Европы начали действовать подпольные «приемные п
ты». Их организаторы подыскивали для бежавших квар
и документы, устраивали на работу.

Успешно действуют противники войны во Франции. Ра
полиция этой страны могла выдать их американским влас
Однако с выходом Франции из НАТО положение измени
и бывшие солдаты находят здесь надежное убежище.

Помогают беглецам и молодые голландцы. Они устраи
дискуссии на железнодорожных станциях, вовлекают в
американских солдат, разъясняют агрессивный характер
тики США.

Нидерландское телевидение сообщило недавно, что из
риканских частей, расквартированных на территории
бежало более 500 человек. Журнал «Тайм» в статье «Ам
ка теряет солдат» констатировал дезертирство более ты
американских солдат в Европе.

Несколько тайных организаций, помогающих уклонятьс
отправки во Вьетнам, работают в самих Соединенных Шта
Бюро одной из таких организаций действует легально в ка
ском городе Торонто и помогает беглецам устраиватьс
работу. Государственный секретарь Канады подтвердил не
но, что уже более тысячи молодых американцев осело в
наде, предпочитая жизнь на чужбине отправке во Вьет
Требование американского правительства об их вы
отклонено.

КТО БОЛЬШЕ?

Журнал „НБИ" (ГДР)

**На футбольном аукционе Италии самая большая сумма денег
уплачена за Гигетто Мерони, нападающего из Турина: 750 миллионов
«Гигетто, — писала одна из газет, — весит 67 килограммов. Чтобы
приобрести, заплатили 11 миллионов лир за каждый килограмм — в
раз больше, чем за чистое золото, и в четыре раза больше, чем за
тину».**

**Было бы наивно полагать, что Гигетто обогатился в результате
сделки. На футбольной бирже таких, как он, множество, и все они
сматриваются как ходовой товар. Почти вся уплаченная за Гигетто Мер
сумма записана на текущий счет заправил футбольного бизнеса.**

В самые отдаленные уголки земного шара ведут советских людей маршруты их командировок и туристских поездок. В то же время нашу страну ежегодно посещают сотни тысяч зарубежных гостей.

Открывая фотоклуб «Ровесника» «13×18», мы предлагаем нашим читателям попытаться с помощью фотографии рассказать о самых интересных своих зарубежных встречах и впечатлениях. Темы фотоснимков могут быть различными, но в первую очередь нам хотелось бы получить фотографии, посвященные актуальным вопросам в жизни молодежи.

Предпочтение отдаем снимкам, содержание которых понятно и без пространных подписей.

Сегодня мы публикуем фоторепортаж Виктора Будана о комсомольцах из шотландского города Эдинбурга. Они сфотографированы в момент распространения газеты «Челлендж» и сбора подписей под воззванием прекратить агрессию американского империализма во Вьетнаме. Действие фоторепортажа происходит на главной улице города Принсес-стрит.

ВОРОВСТВО [illegible] ЗАКОНУ

Крупнейшая афера, раскрытая недавно в США, связана с Цианамидской фармацевтической корпорацией. Руководство этой корпорации ассигновало 21 миллион долларов на получение нового лекарственного препарата. Однако после завершения работ агенты конкурирующей фирмы похитили формулу препарата и продали ее другой фирме за 445 тысяч долларов.

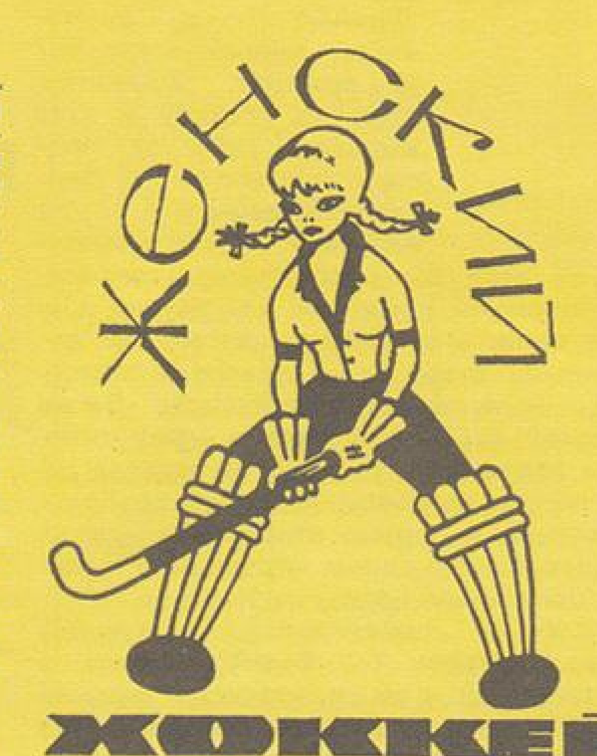
Кража чужих секретов в мире бизнеса давным-давно уже никого не удивляет. Каждый раз, когда та или иная фирма готовится к выпуску новой продукции, ее конкуренты лезут из кожи вон, чтобы разведать секреты производства. Подкупленные агенты используют в своей практике самые изощренные приемы. В августе 1967 года в местечке Колд Эш, неподалеку от города Ньюбери (Англия), появился странствующий студент. Свою палатку он разбил рядом с виллой, в которой было конструкторское бюро известной фирмы. Однажды студент попросил у соседей разрешения поговорить по телефону. Разговор затянулся. А через несколько дней обитатели виллы обратили внимание на помехи в телефонной трубке. Вскоре обнаружили миниатюрный радиопередатчик, прикрепленный к аппарату. Прибывшая на место полиция нашла в палатке «студента» приемник, который использовался для выуживания чужих секретов.

Хотя радиоподслушивание в Англии запрещено, любая фирма может приобрести для своих агентов необходимое оборудование. Создана целая индустрия шпионского ширпотреба. Частные агенты используют микрофоны, замаскированные под запонки, зажимы для галстуков и даже вставные зубы. Микрофон размером не более сигаретной пачки воспринимает разговор на расстоянии в 90 метров. Микрофон направленного действия улавливает содержание беседы за 150 метров. В книге «Частные шпионы» рассказывается об использовании в шпионских целях собак, в корм которых помещают микропередатчик.

В условиях, когда никто не может быть гарантирован от подслушивания, хозяева фирм идут на все ради сохранения своих секретов. Новые образцы английских автомобилей отправляются для испытаний в наиболее отдаленные страны Африки. Подготавливая выпуск новых сигарет, одна табачная компания назвала свои изыскания условным кодовым наименованием. Возле здания фирмы дежурила вооруженная охрана. Реклама печаталась в Голландии, а телевизионный ролик — в Париже.

Правила морали не для тех, кто участвует в жестокой войне из-за прибыли. В этой борьбе каждый готов перегрызть горло конкуренту, хотя внешне все выглядит благопристойно. Улыбка, протянутая рука, видимость приятельских отношений и, наконец, удар в спину — такова логическая последовательность «военных действий» одной фирмы против другой.

В. ДУБИНСКИЙ



ЖЕНСКИЙ ХОККЕЙ

Газета „Обсервер" (Англия)

В женском хоккейном турнире, который проходил в английском городе Леверкузене, участвовали команды Англии, Франции, Нидерландов, Бельгии, Шотландии, Ямайки и некоторых других стран. Получит ли когда-нибудь признание этот вид спорта или будет собирать на трибунах лишь школьников да любителей курьезов? Пресса единодушно отмечает, что главный недостаток всех 60 матчей турнира заключается в слабой тактической подготовке команд.

Капитан английской сборной Мэлвин Хики считает, что два года тому назад дела обстояли несравненно хуже. Было немыслимо, чтобы игроки отдали пас назад, в сторону или подстраховали своих подруг по команде во время непрерывных игровых перемещений.

Почти каждый судейский свисток во время турнира в Леверкузене воспринимался участницами как оскорбление. Что же касается искусства силовой борьбы, то в этой области хоккеистки нисколько не уступали сильному полу.

„Отмороженные костыли"

Давайте представим, что Джеймс Бонд, знаменитый тайный агент 007 из романов Флеминга, попал в Москву и стал выдавать себя за простого деревенского парня, приехавшего в город на учебу. Придя в институт, он стал бы рассказывать секретарю приемной комиссии, как трудно ему было попасть в столицу, потому что деревенский староста — изверг и кровопийца — потребовал откупного. Затем сообщил бы, что в селе к нему относятся хорошо, потому что он «всегда давал по две колбасы каждому ковбою», и, наконец, в порыве откровения сделал бы заявление о своем «презрении к людям, погнанным царем на Кавказ».

Подобные переговоры, в лучшем случае, привели бы беднягу Бонда в сумасшедший дом и навсегда лишили бы господина Флеминга гонораров за его грязную антисоветскую стряпню.

«Ну и ну!» — воскликнет читатель. «Ни Флеминг своего вымышленного героя, ни ЦРУ своих реальных разведчиков никогда не поставят в столь опасное положение и постараются более серьезно нашпиговать их знаниями о нашей жизни. Кому же охота терять агентов только из-за их плохого предварительного обучения».

Что ж, читатель будет прав. Шпион, посланный в Советский Союз для враждебных акций, не может так искаженно представлять себе нашу действительность. И уж в любом случае он должен знать язык, на котором мы говорим. Но то шпион. А миллионы простых американцев?..

Фразы, вложенные нами в уста Джеймса Бонда, взяты не с потолка. Они входят в учебники русского языка, изданные в США, и предназначаются как раз для простых американцев. Они выходят большими тиражами, снабжены заманчивыми названиями и смотрят на прохожих с витрин книжных магазинов.

В ноябре прошлого года газета «Юманите» писала: «Интерес к Советскому Союзу и русскому языку растет изо дня в день. Успехи, достигнутые СССР в науке, технике, культуре, вызывают глубокое любопытство у специалистов всего мира. Количество советских книг, журналов и газет, которые выписываются зарубежным читателем, увеличивается беспрерывно. Сегодня язык Ленина, Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова распространяется повсюду. Во Франции и Великобритании, в Италии, Австрии, Дании, ФРГ и многих других странах люди изучают русский язык».

Быстро растет количество людей, изучающих русский язык и в Соединенных Штатах Америки. Промышленника интересует возможность взаимовыгодной торговли, артист хочет познать все тонкости системы Станиславского, летчик хотел бы знать о впечатлениях своих коллег, поднявшихся в космос, экономисту нужны подробные данные о планировании промышленного производства. Сотни тысяч людей, сотни разных интересов, и всем нужен русский язык, чтобы удовлетворить свое профессиональное любопытство или духовную потребность.

Иностранцы высоко оценивают качество учебников русского языка, выпущенных в Советском Союзе. Они очень хорошо отзываются о «Русском языке» В. Аракина и И. Самойловой, «Русском языке в рисунках» И. Баранникова и Л. Варковитской.

Американские издательства не считают нужным их переиздавать. Вместо них прилавки магазинов заваливаются учебниками американских авторов. И за этой торговой операцией скрывается один из трюков буржуазной пропаганды.

Знание русского языка открывает перед иностранцами широкую возможность узнать правду о Стране Советов. Американец, владеющий русским, сможет прочесть советские книги и газеты, понять радиопередачу, поговорить с советским человеком. От него не утаишь правду о быстром росте экономического благосостояния советского народа, не скроешь гуманистическую сущность социализма. А ведь потуги буржуазной пропаганды направлены именно на то, чтобы эта правда не дошла до людей, живущих в странах капитала.

Перед нами выпущенный в США учебник издательства «Кортина» с соблазнительным названием: «Русский язык в двадцать уроков» и «Упрощенная русская грамматика» Хуго.

Оба учебника рекламируются не только как «новая веха в методике изучения языка», но и как возможность понять «душу загадочных русских».

Для того чтобы усвоить русскую лексику, предлагается следующий диалог:

«Нина Павловна. Смотрите, они подошли к стоящему на углу нищему, который держит что-то в дрожащей руке. Они хотят помочь ему.

Иван Петрович. Возможно. А вот странный случай. Прошлой зимой я хотел помочь дрожавшему от холода нищему и дал ему свое старое платье, а он тут же отдал его проходившей мимо бедной девочке.

Нина Павловна. Это значит, что вы добрый человек, но он добрее вас. Я знаю другой случай: я как-то говорила с одним бывшим солдатом, и он уверял меня, что прошедшей зимой он отморозил себе не только ноги, а и костыли».

Может быть, авторы текста претендовали на юмор. В таком случае им можно только посочувствовать.

Как видите, расширить знание русских слов здесь предлагают за счет слов «нищий», «дрожащий», «бедный», «костыли».

Американцам, желающим посетить Россию, авторы учебника предлагают среди множества наиболее ходовых фраз следующие «наиболее употребительные выражения»: «Кто это там выглядывает из-за угла?», «Почему вы стоите около моего дома?», «Сожгите немедленно эти бумаги!», «Где вы спрячете ключ?», «Идите бесшумно, чтобы нас никто не услышал!», «Осторожно, берегитесь», «Вчера кто-то повесился в нашем парке».

Да, авторы учебников «Кортина» и Хуго не стесняются и откровенно пытаются использовать интерес к русскому языку для создания ложного представления о нашей стране.

Но, может быть, учебники «Кортина» и Хуго являются досадным исключением и о них не стоит говорить? Разрешите познакомить вас еще с одним опусом методической мысли. Учебное пособие Массачусетского технологического института для изучающих русскую действительность. Один из текстов пособия знакомит американцев с русскими. Кто же эти люди, удивляющие мир достижениями науки, техники, искусства? Пожалуйста, познакомьтесь с Глебом Фомичом:

«Глеб Фомич — молодой агитатор с блестящим будущим. Он живет по точно составленному расписанию. Это значит, что он встает в 6 часов утра (и часто даже в 5 часов). Наскоро ест и идет в агитпункт. По дороге к агитпункту он поет Государственный гимн Советского Союза (это в понедельник, в среду и пятницу. По вторникам и четвергам он поет какую-нибудь другую патриотическую песню). У него много кабинетов. (Точнее, у него пять кабинетов.) У него много секретарш. (Точнее, у него 37 красивых, незабываемых секретарш.) Когда он входит в агитпункт, его секретарши говорят: «Привет нашему славному начальнику Глебу Фомичу». Он им обыкновенно отвечает: «Догнать и перегнать Америку!» — и начинает работать. (Но если он плохо спал, он отвечает: «Советский Союз окружен капиталистическими врагами».)

Целый день он агитирует и пропагандирует без отдыха. Точно в четыре часа он выходит из агитпункта. Глеб больше всего любит точность и пунктуальность...»

Как Глеб Фомич агитирует и пропагандирует, будущий знаток русского языка узнает из диалога:

«Старая бабушка. Помогите,

пожалуйста, сироте. Я четыре дня не спала и пять дней ничего не ела. Мне надо видеть вашего начальника. (И она горько заплакала.)

Секретарша. Я его спрошу, сможет ли он вас принять. (Глебу.) Тут какая-то старушка. Она требует немедленного свидания.

Глеб. Пусть позвонит по телефону.

Секретарша. Но она горько плачет.

Глеб. Боже мой! (Простите за выражение!) Не знает ли она, что нельзя плакать в нашем советском огороде».

Художник В. Кириллов

Таков «передовой» советский человек, который по замыслу авторов учебника должен представлять наиболее активную часть нашей молодежи.

«Ну, а что представляет собой советский рабочий?» — может спросить любознательный американец. И учебное пособие Массачусетского технологического института предоставляет американскому студенту возможность познакомиться с неким Бубликовым:

«Вячеслав Бубликов — промышленник замечательных качеств. Он принимает все как есть и всех удивляет своим неимоверным спокойствием. Он обычно спит глубоко. Поспавши хорошо, он просыпается без будильника, осторожно моет лицо и руки и бреется безопасной бритвой. Помывшись и побрившись, он одевается перед зеркалом; он успешно борется с галстуком и со всяческими принадлежностями современного туалета.

Одевши свой любимый коричневый костюм, он поднимается по лестнице в столовую. Молча он ест всякую дрянь, которую подает ему жена. Обнимая жену за талию и целуя ее, он вежливо благодарит ее за вкусный завтрак и бодро выходит из дому».

Под стать основному тексту и упражнения. Авторы пособия не только, так сказать, демонстрируют невежество, но и пытаются закрепить его в сознании американца. Деепричастные и причастные обороты предлагается усваивать в следующих предложениях:

«Я всегда мою и брею отвратительных зверей.

Проснувшись рано, я борюсь за мир.

Я интересуюсь капиталистами, окруженными бастующими рабочими».

А вот дополнительный текст для тех, у кого хватило терпения усвоить предыдущее:

«Знаете ли вы красного русского доктора Пушкина?» — «Конечно, я его знаю! Красного доктора Пушкина все знают!!! Он и писатель, и философ, и великий инженер.

Этот человек настоящий ударник.

Никто не работает так много, как красный русский доктор Пушкин».

Неграмотные, глупые, а главное — подлые строки и страницы. Грязное дело взялись осуществить люди, выдающие себя за американских педагогов русского языка. Не великий язык великого народа несут они своим ученикам. Злоба льется со страниц их «методических пособий». Ненависть прикрывают они сладенькой улыбкой добренького дяди-учителя.

Но как бы ни изворачивались антисоветчики, ложь, даже подпертая «отмороженными костылями», остается ложью. Объективная действительность складывается не в их пользу. Над Америкой проносятся советские космические корабли, тысячи американцев слышат и понимают суть выступлений советских дипломатов в нью-йоркском небоскребе ООН, советское искусство пересекает границы и раскрывает наши сердца для всех, кто умеет слышать, видеть и думать. Язык правды универсален. И его не удастся исказить никакими учебными пособиями лжи.

В. ЮРЬЕВ

РАЗГОВОР В РЕДАКЦИИ

Постановление сентябрьского Пленума ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему повышению материального благосостояния советского народа» предусматривает новое снижение налогов с заработной платы рабочих и служащих. Это постановление имеет огромное внутреннее и международное значение. В то время как в капиталистических странах рост налогов стал неизбежным бедствием для трудящихся, наша страна постоянно сокращает налоги. Мы пригласили в редакцию известного специалиста по налоговой системе зарубежных стран доктора экономических наук Г. П. Солюса и попросили его рассказать о роли налогов в современном буржуазном государстве.

Прежде всего я хотел бы подчеркнуть коренное отличие налогов у нас от налогов в капиталистических странах. Дело в том, что у нас поступления от налогов составляют всего 8,3 процента государственного бюджета, в то время как в капиталистических странах они составляют примерно 80—90 процентов государственного бюджета. Разница, как видите, громадная.

Не одинаковы и размеры налогов. Американский рабочий отдает примерно 25 процентов своей зарплаты в виде налогов, прямых и косвенных. К этому нужно добавить еще 6 процентов взноса на социальное страхование. Общая сумма изъятий из зарплаты превышает 30 процентов. В нашей стране налоги составляют в среднем 10 процентов зарплаты, и предусматривается дальнейшее их снижение.

Сейчас в США налогами изымается почти треть национального дохода страны. Это составляет колоссальную сумму — 160 миллиардов долларов. Куда идут эти деньги? Самая большая часть — почти 70 миллиардов долларов — уходит на военные расходы.

Чем это вызвано? Объем производства при капитализме неизбежно превосходит платежеспособный спрос. Это связано с анархией производства, и от этого капитализму никуда не деться. Каждый капиталист вынужден вводить новые машины, так как они дают большую производительность труда. В связи с этим капиталист должен сокращать рабочую силу, выталкивать рабочих на улицу. Что же получается в результате? Рост производительности труда приводит к тому, что товаров становится все больше, в то время как покупательная способность рабочих сокращается. Наступает кризис перепроизводства.

Где выход? Рецепт дал известный буржуазный экономист Д. М. Кейнс: государство должно прийти на помощь капиталистам — или затормозить объем производства, или повысить платежеспособность населения. Эту операцию государство и пробует провести с помощью рычага налогов. Если у капиталиста изъять часть прибыли, то ему будет труднее расширять производство. А эти изъятые в виде налогов деньги можно передать армии, которая, хотя ничего не производит, становится весьма платежеспособным сектором общества.

Сейчас президент Джонсон требует нового увеличения налогов на 10 процентов, чтобы передать эти средства армии. Военная машина растет, происходит милитаризация всей экономики страны. Растет и опасность военных авантюр. Еще Бисмарк заметил, что «если пушек произведено слишком много, они сами начинают стрелять».

Куда уходят остальные средства, получаемые от налогов? В США почти 12 миллиардов долларов уходит на оплату государственного долга, то есть долга крупным частным монополиям. Миллиарды долларов уходят на содержание государственного аппарата, судов, полиции. Наконец, как это ни странно, почти 6 процентов всех собранных в виде налогов средств уходит на содержание самого налогового аппарата: сборщиков, инспекторов и т. д. Буржуазное государство вынуждено часть средств расходовать и на социальные нужды, это требует непрерывно растущая и крепнущая борьба рабочего класса.

До начала XX века в США были только косвенные налоги (то есть налоги в виде надбавки на цену товаров). Прямой налог был введен только в 1916 году. Почему это случилось так поздно? Дело в том, что косвенные налоги очень удобный способ ограбления трудящихся. Делается это так: государство вводит налог на товары первой необходимости: на соль, спички, табак и т. д., а предприниматель добавляет этот налог к ценам на товары и, таким образом, перекладывает бремя на плечи трудящихся. Однако скоро выяснилось, что бесконечно повышать косвенные налоги нельзя. Это ведет к непрерывному росту цен на товары, и рабочий класс начинает требовать повышения зарплаты.

Тогда начинают расти прямые подоходные налоги. Если, например, в США в 1938 году прямым налогом было обложено всего 3 миллиона человек, то в 1966 году эта цифра выросла почти в восемнадцать раз и достигла 53 миллионов человек. Теперь больше половины всех налоговых поступлений идет от прямых налогов.

Надо сказать, что в некоторых капиталистических странах налоги на прибыль довольно высоки, иногда они достигают 80 процентов всей прибыли. Но на деле монополисты никогда таких высоких налогов не платят. Есть сотни уверток, позволяющих им оставлять львиную долю прибылей у себя. Кроме того, капиталисты понимают, что налоги пойдут на стабилизацию буржуазного строя. Эти деньги будут использованы для «впрыскивания» в стоящую на грани кризиса экономику.

Тяжесть налога всегда более ощутима для низкооплачиваемых профессий. Поэтому если у молодого рабочего из оклада в 200 долларов изымают 25 процентов, то есть 50 долларов, и он получает только 150 долларов, то это гораздо более ощутимо, чем налоги на прибыль и сверхприбыль капиталиста, у которого, скажем, из 100 тысяч долларов вычитают 45 процентов и оставляют ему «всего лишь» 55 тысяч долларов.

Различие в налоговых системах у нас и на Западе прежде всего связано с коренными отличиями социалистического строя от капиталистического. В нашей стране налоги и впредь будут снижаться. В то же время в капиталистических государствах налоги являются основным насосом для выкачивания денег у трудящихся.

X Зимняя

Во вторник 6 февраля, ровно в 16 часов 25 минут по среднеевропейскому времени, в Гренобле состоится торжественное открытие X зимних Олимпийских игр.

Еще в Инсбруке счетные машины в доли секунды пересчитывали показания судейских секундомеров и оценки арбитров на язык очков и молниеносно размножали эти показания, сообщая их зрителям в виде светящихся надписей на табло и журналистам — в виде отпечатанных протоколов.

Сегодня сеть телевизоров позволит сидящим в ложах прессы видеть не только то, что происходит перед их глазами, но и состязания, идущие одновременно на других трассах олимпиады. Такой синхронности восприятия будут лишены даже те, кто придет на трибуны олимпийского стадиона. В ряде случаев техника поможет и в другом. Еще задолго до игр на будущих трассах лыжных и санных гонок в тех местах, которые особенно обогреваются солнцем, проложены холодильные установки.

Сейчас любителей спорта прежде всего волнует вопрос: кто победит? В традиционном зачете, позволяющем высчитать по очкам, которая из стран-участниц наберет наибольшее количество призовых мест (таковых на олимпиадах, по традиции, шесть), всеобщим фаворитом является сборная Советского Союза. Успехи наших спортсменов в Кортина д'Ампеццо, Скво-Вэлли и Инсбруке (до этого сборные СССР в олимпиадах не участвовали) дают основания для такого оптимизма. Конечно, по опыту прошлых игр всегда возможны неприятные «сюрпризы», но безусловно будут и «незапланированные» победы. Тем более что ни у кого из участников нет такой ровной команды, как у нас.

Другое дело — попытка предугадать, кому достанутся отдельные медали, хотя по всем представленным на олимпиаде видам в перерывах между играми проходят чемпионаты мира и Европы, а это позволяет судить о соотношении сил. Зимний сезон короток. Практически до конца января не бывает соревнований такого масштаба, по которым можно бы было отважиться на прогнозы (не говоря уже о том, что пророчество и так неблагодарное занятие). Тем более что в олимпийском сезоне всегда можно ждать неожиданностей. Тренеры прибегают к сюрпризам и могут в решающий момент поразить мир каким-нибудь новшеством. Всякое «секретное оружие» хотелось бы предварительно опробовать, но тогда пропадает эффект неожиданности. Приходится рисковать. Конечно, это не значит, что в Гренобле будут «открыты Америки», может быть, все пойдет по давно накатанным дорожкам, а может быть...

КИБЕРНЕТИКА НЕ ПОНАДОБИТСЯ

На всяких чемпионатах по бегу на коньках уголок, отведенный для тренеров, напоминает что-то среднее между сумасшедшим домом и бухгалтерией. Дело в том, что звание сильнейшего присуждается не только тому, кто быстрее всех пробежит ту или иную дистанцию, но и спортсмену, показавшему лучший результат в сумме четырех гонок.

Для определения победителя существуют специальные таблицы, приводящие к общему знаменателю секунды, показанные на разных дистанциях. Тренеры и спортсмены все время подсчитывают, за сколько секунд надо пробежать, чтобы отыграть у конкурента требуемое

число очков. Вот где открываются неограниченные перспективы для «умных» машин, умеющих с феерической быстротой производить самые сложные подсчеты!

Увы, эти механизмы останутся без работы. Олимпийские игры тем и отличаются от обычных чемпионатов, что медали разыгрываются только по отдельным дистанциям, без общего зачета. Изменен и самый порядок соревнований.

Как видно, для скороходов Олимпийские игры предъявляют специфические требования. Уже поэтому ни о каких прогнозах и говорить не приходится. За последнее десятилетие спортивные летописцы отметили времена советской, скандинавской и голландской гегемонии. Это в общем зачете. А на отдельных дистанциях можно ждать «сюрпризов» и от представителей США, и от японцев, а возможно, и еще кое от кого.

Еще на последних играх в Инсбруке беспрецедентная победа Скобликовой, выигравшей все без исключения золотые медали, позволяла конькобежкам уверенно смотреть в будущее. К сожалению, за последние годы наши позиции пошатнулись. В прошлом году, впервые с момента выхода на международную арену спортсменок нашей страны, им пришлось уступить звание чемпионов мира. Ею стала голландка Кайзер. А еще годом раньше Стениной лишь в последний момент удалось опередить рвавшихся к победе кореянок. Поэтому и в женских забегах каждая медаль будет браться с боя.

БЕЗ ПЕРЕМЕН

Сказать, что у хоккеистов борьба за медали развернется между командами «большой четверки» (СССР, Чехословакия, Канада, Швеция), значит ничего не сказать. Конечно, за золотые медали будут бороться еще и другие команды, но они настолько слабее «великих», что и сами-то не рассчитывают на успех и способны радоваться, в случае если им удастся вырвать ничью у одного из четверки. Перед играми все претенденты проведут немало так называемых контрольных встреч. При этом возможны и результаты, которые быстрые на слова журналисты назовут сенсационными. Однако не следует слишком поддаваться таким сенсациям. Очень часто даже самые именитые команды «темнят», стараясь разведать игру противника и не показать своей. Потом, когда дело принимает серьезный оборот, может случиться, что тот, кого уже сбросили со счетов, на самом деле опаснее других.

За годы, прошедшие с последней олимпиады, борьба за звание сильнейших проходила между названными выше четырьмя командами, и каждый раз до последнего дня держала в напряжении любителей. Как известно, сборная Советского Союза уже пять лет подряд сохраняет титул чемпиона мира. Это делает ее задачу в Гренобле особенно сложной.

Как бы то ни было, и те, кто поедет в Гренобль, и мы, сидящие у телевизоров, конечно, будем иметь немало возможностей понервничать.

НА ЛЫЖНЕ

О будущей судьбе лыжных медалей можно сказать и того меньше. Лыжные трассы проложены на местности, и уже в силу этого не похожи одна на другую. Поэтому можно сказать, что в выгоднейшем положении в Гренобле окажется тот, кто лучше других приспособится к местным условиям.

Наша страна с ее снежной зимой породила немало способных лыжников. Не предрешая вопроса о будущих олимпийских чемпионах, можно с уверенностью сказать, что представители советской команды будут на пьедестале почета. Что же касается наших лыжниц, то их не случайно считают сильнейшими в мире. Надо думать, что и в Гренобле они не подкачают.

Не следует понимать это так, что на лыжне обойдется без борьбы. Шведы, норвежцы и финны всегда были классными скороходами. За последние годы чемпионам с севера стали оказывать сопротивление лыжники такой «незимней» страны, как Италия.

Труднее придется нашим горнолыжникам. Этот вид спорта у нас еще молод, и до золотых медалей добраться труднее. Тут хозяева олимпиады, французы, в родных стенах рассчитывают на успех. Тем более что со времен Инсбрука они захватили гегемонию в горнолыжном спорте. Однако и горнолыжникам Франции придется поработать, чтобы заполучить медали. В Австрии, где по сей день не могут забыть, как Тони Зайлер в Кортина д'Ампеццо завоевал три золотые медали, расценивают преобладание французов как национальный позор. Ради реванша в Австрии создали даже специальные средние школы, где учатся дети, обещающие стать классными горнолыжниками. Для них создана специальная программа, предусматривающая, помимо литературы и математики, немало часов для лыжных тренировок.

...И ПРОЧИЕ

Наиболее зрелищным будет, как обычно, фигурное катание на коньках. Тут основным стимулом окажутся не столько золотые медали, сколько возможность озолотить свои лавры, подписав интересный контракт с каким-нибудь айсревю.

Тут в судейском покровительстве явно не нуждаются лишь победители прошлой олимпиады в парном катании Белоусова и Протопопов. Остальные фигуристы нашей страны пока еще проходят выучку, без которой до медалей не доберешься. Из года в год их результаты на международных чемпионатах растут, и надо надеяться, что в Гренобле они сумеют подняться по иерархической лестнице еще на ступеньку выше.

Г. КАЛЬ

В нашем журнале работает отдел «Отвечаем на все вопросы». Вопросы о жизни молодежи за рубежом принимаем по почте и по телефону Б 1-96-55.

ОТВЕЧАЕМ НА ВСЕ ВОПРОСЫ

1 Напишите о Микисе Теодоракисе, лауреате премии Ленинского комсомола, народном герое Греции, и напечатайте его «Песнь свободы».

Л. СОЛНЕЧНАЯ
г. Одесса

2 Расскажите о постановке образования в развивающихся странах — например, в Конго (Браззавиль).

Ю. ЛУКИН
г. Хабаровск

3 Какой цели служит проведение Дней Америки!

С. СЕМЫНИН
г. Петрозаводск

4 Влияют ли радиоволны на живые организмы!

Б. МИХАЛЕНКО
г. Краснодар

1 Отвечает журналист М. КРИГЕР

Микис Теодоракис... Болью отзывается в наших сердцах это имя. Еще совсем недавно он был у нас в редакции, такой огромный, веселый, красивый. На стене осталась сделанная им запись — строчка нот. И вот сегодня весь мир в тревоге за его судьбу... Микис Теодоракис на грани смерти. Его поместили в камеру, которая находится как раз под террасой, где пытают заключенных. Он ежедневно слышал крики истязуемых женщин, детей. Палачи изобретательны. Психические пытки, которым подвергался этот мужественный человек, страшнее телесных. Затем мир узнал еще об одной гнусности. Полицейские провокаторы распустили лживые слухи о том, что Теодоракис на следствии якобы выдал своих товарищей и рассказал о деятельности Патриотического фронта. Микис Теодоракис категорически опроверг эту наглую ложь и заявил, что готов выступить на суде. Но именно этого и страшились больше всего «черные полковники», упрятав Теодоракиса в тюремную больницу.

Новое греческое правительство издало приказ: «Мы запрещаем на территории всей страны передачу или исполнение в любой форме музыки или песен коммуниста Микиса Теодоракиса». Фашисты, захватившие власть в Греции, понимают, что музыка Теодоракиса — это голос непокоренного греческого народа. Вот почему они так боятся ее. Но песню задушить нельзя. Песня вырвется из любого застенка. Так случилось и в этот раз. Весь мир облетела мелодия новой песни Теодоракиса, сочиненной им в подполье. «Песнь свободы» — так назвал композитор свое произведение, посвященное молодежи Греции.

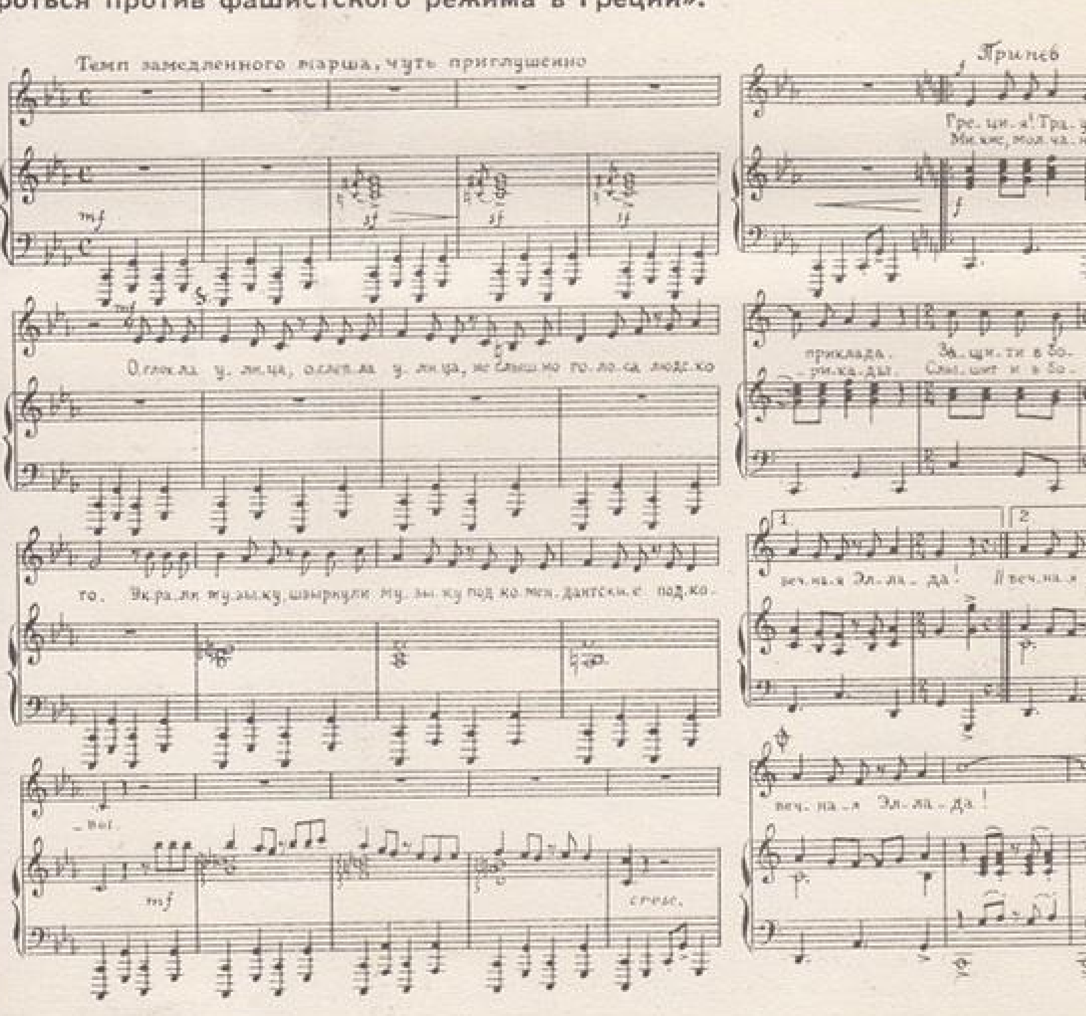
Теодоракису удалось переслать за границу лишь ноты этой песни, и он просил, чтобы поэты всех стран написали к ней свой текст.

В нашей стране обработку музыки Теодоракиса сделал композитор В. Гамалия, а поэт М. Танич написал к ней слова, которые звучат как обращение к нашему другу Микису и ко всем его товарищам, томящимся в тюрьмах. Люди! Пойте «Песнь свободы»! Пойте громче! Чтобы в Греции услышали наш мощный хор! Услышали и содрогнулись те, кто готовит расправу над греческими патриотами. Мы требуем: «Свободу Микису Теодоракису! Свободу Манолису Глезосу! Свободу прекрасной Элладе!»

Барни Дэвис, национальный секретарь комсомола Великобритании, побывавший в Греции, рассказывает в журнале «Чэллендж»:

«Нас было шестеро. Мы приехали в Грецию как туристы — поездом со стороны Югославии. На границе греческая полиция стала обыскивать пассажиров. У нас было несколько тысяч листовок, осуждающих военно-фашистский режим Греции. К счастью, все обошлось.

Афины напоминают оккупированный город. По обочинам стоят грузовики с вооруженными солдатами. Повсюду снуют переодетые сыщики.

Молодые греки призывают молодежь всего мира всеми возможными способами бороться против фашистского режима в Греции».

Оглохла улица,
Ослепла улица,
Не слышно голоса людского.
Украли музыку,
Швырнули музыку
Под комендантские подковы.

Припев:

Греция!
Траура не надо!
Локоть —
На холоде приклада.
Защити в бою
Музыку свою,
Юная и вечная Эллада!
Микис,
Молчания не надо!
Песня зовет на баррикады.
Слышит и в бою
Музыку твою
Юная и вечная Эллада!

У звонкой улицы
Украли музыку,
Убили музыку
И песни.
Но песня выстоит,
И скажет Греция:
«Товарищ Музыка!
Воскресни!
Товарищ Музыка!
Воскресни!»

Припев:

Греция!
Траура не надо!
Локоть —
На холоде приклада.
Защити в бою
Музыку свою
Юная и вечная,
Юная и вечная,
Юная и вечная Эллада!

2 Отвечает член исполнительного комитета молодежной секции Партии национального революционного движения Конго (Браззавиль) ОГЮСТ МПАССИ-МУБА.

«Глядя в прошлое — обнажите головы, глядя в будущее — засучите рукава» — эта пословица как нельзя лучше подходит к положению с народным образованием в нашей стране. Колониализм оставил нам тяжелое наследство. Почти полная неграмотность, считанное количество школ, национальных кадров преподавателей нет совсем. Программы в школах, которыми управляли колониальная администрация или католические миссионеры, были скопированы с французских и совершенно не соответствовали потребностям нашей страны. Например, в них уделялось большое внимание латыни или древнегреческому языку, а на естественные науки и математику отводилось мало времени.

После победы революции 1963 года нам пришлось, действительно засучив рукава, приниматься за дело и начинать его почти на пустом месте. Нужно было заново создать всеобщее начальное образование. В кратчайший срок и с наименьшими затратами средств вырастить специалистов, в которых так нуждается наша страна.

Революционное правительство сразу же объявило все школы, коллежи, лицеи и технические училища, и существующие и вновь построенные, государственными. Мы обратились за помощью к социалистическим странам, и к нам приехали преподаватели из Советского Союза, Югославии, Чехословакии и других государств. С их помощью были созданы новые программы.

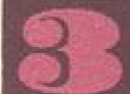
Сейчас обязательное начальное образование охватывает всех детей от 6 до 12 лет. Там, где еще нет школьных зданий, ребята занимаются в любом свободном помещении, а иногда и просто в тени деревьев.

Выпускники начальных школ могут поступить в коллеж или лицей. Коллежи готовят своих воспитанников к поступлению в высшее учебное заведение, в учебных программах большое внимание уделено математике, физике, химии, иностранным языкам. В таком коллеже общего образования, как у нас их называют, молодой конголезец учится десять лет, а затем может поступить в технический вуз.

Лицей дает более гуманитарное образование, хотя программы французского, математики, истории, географии почти такие же, как в коллеже общего образования. Проучившись шесть-семь лет в лицее, выпускник может поступить на медицинский, естественных наук, филологический, юридический факультеты.

После революции 13—15 августа 1963 года в нашей стране была создана Высшая нормальная школа, готовящая преподавателей для коллежей.

Молодое поколение учится, ни один ребенок с 6 до 12 лет не остается за стенами школы. Но колонизаторы передали нам грустное наследство — неграмотность взрослых. Для них с помощью ЮНЕСКО мы открыли центры по ликвидации безграмотности. И надо видеть, с какой охотой люди, никогда не державшие в руках книжку, постигают тайны алфавита!



Отвечает корреспондент АПН в Хельсинки Л. ВАСИЛЬЕВ.

Мне довелось быть очевидцем трех празднований Дней Америки.

Сентябрь 1963 года. Хельсинки. Это было, так сказать, юбилейное, двадцатое мероприятие, и, наверное, поэтому в Финляндию пожаловал Линдон Джонсон, тогда еще вице-президент США.

Все происходило с чисто американским размахом: одна из главных магистралей, Александровская улица, была на два дня переименована в улицу Кеннеди, американские флаги, большие и малые, украшали город. Л. Джонсон в широкополой техасской шляпе расхаживал по Хельсинки и одаривал финских подростков дешевыми шариковыми ручками.

Торжественные речи щедро приправлялись политикой. Например, в одном из выступлений Л. Джонсон убеждал финнов, что их враги живут за восточными границами...

Но финские государственные деятели недвусмысленно дали понять американскому вице-президенту, что с теми, кого он считает врагами, у Финляндии подписан Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи.

Сентябрь 1966 года. Дни Америки в городе Рованиеми.

В качестве именитого гостя сюда пожаловал Артур Дин. Американские бомбы, напалм, отравляющие вещества истребляли вьетнамцев, но Дин в своей речи в Рованиеми говорил о заинтересованности США в мире без оружия. И произошло знаменательное. Губернатор Лапландии Мартти Миеттунен, выступая на открытии Дней Америки, сказал А. Дину: «У нас (в Финляндии) большинство людей надеется, что Америка найдет менее опасные методы для соблюдения своих интересов в мире, а не те, которые она теперь применяет во Вьетнаме!» И это заявил не кто иной, как представитель филиала общества «Финляндия — США». Губернатор выполнил, как он сам об этом сказал, этический долг честного человека.

Сентябрь 1967 года. Дни Америки в Порвоо.

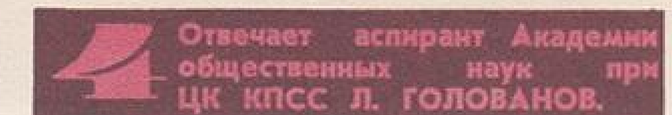
Из-за океана в Финляндию прибыло на этот раз лицо сугубо «гражданское», известный физик, профессор Фредерик Сейтц. В своей лекции в Порвоо он тщательно избегал всего, что хотя бы отдаленно напоминало о той «политической роли», которую Соединенные Штаты играют в современном мире.

Первого сентября делегация восьми организаций Финляндии вручила посольству США в Хельсинки послание, в котором от имени финской общественности отмечалась готовность поддерживать международные связи со всеми народами во имя взаимопонимания и упрочения мира. «Заявляя об этом в канун Дней Америки в Порвоо, — говорилось в послании, — мы считаем, что многое мешает их чистосердечному проведению. У нас нет ничего против американских граждан, независимо от их расовой принадлежности, цвета кожи, политических убеждений. Но мы не одобряем такие действия правительства США, которые подвергают опасности всеобщий мир, приводят к расовой дискриминации. Мы не одобряем войну, которую США ведут в Южном Вьетнаме, и осуждаем продолжающуюся эскалацию военных действий против Северного Вьетнама... Решить проблемы Юго-Восточной Азии при помощи бомбардировок невозможно!»

Второго сентября, в день открытия Дней Америки, в Порвоо состоялись демонстрация и митинг протеста против политики США. «Американцы, вон из Вьетнама!», «Янки, ваши руки в крови!» — такие транспаранты заполнили улицы Порвоо.

«Мы осуждаем действия правительства США, — говорили ораторы на митинге. — Мир нельзя построить на негритянской крови, безработицу нельзя уничтожить гонкой вооружений, развивающимся странам не поможешь, нанося им новые раны и истребляя их население!»

...Обычно спокойный и тихий Порвоо в Дни Америки гневно хмурился при виде людей, въехавших в него на машинах с дипломатическими знаками американского посольства, тревожно шумел, когда из городского парка доносились звуки оркестра военно-воздушных сил США. Днями позора Америки становятся дни ее имени в Финляндии.



4 Отвечает аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС Л. ГОЛОВАНОВ.

В 1889 году в одной из своих лекций Александр Степанович Попов высказал мысль о возможности построить прибор, способный «заменить собой недостающие у человека электромагнитные чувства». Спустя несколько лет эта возможность была блестяще продемонстрирована на известном заседании физического отделения Русского физико-химического общества. Но ученый не подозревал, какими удивительными свойствами могут обладать радиоволны, как они могут влиять на организмы, которые хотя и не имеют «электромагнитных чувств», но далеко не безразличны к высокочастотному электромагнитному полю.

Бурное развитие радиотехники поставило на повестку дня изучение биологического действия радиоволн. Было обнаружено, что интенсивные потоки подавляют жизненные процессы, слабые — напротив, стимулируют. Так, например, с помощью слабого облучения высокочастотным электромагнитным полем удается добиться повышения всхожести семян пшеницы. Слабые поля ускоряют рост коконов шелковичных червей. Сильные — приводят к гибели.

Уже в 30-х годах итальянские ученые Рондони и Мецадроли пытались направленным потоком радиоволн подавлять развитие раковых опухолей. Но результат был противоположный — при малых интенсивностях опухоли росли еще быстрее.

Примерно тогда же у нас в стране, в Институте экспериментальной медицины, было установлено вредное влияние электромагнитных волн на мышей. Облученные самки рожали уродливых детенышей (либо без одной-двух лапок, либо без хвоста, либо со сращенными конечностями).

Вредное действие мощных потоков радиоволн — ныне общепризнанный факт, хотя еще не все ясно в механизме этого действия. Установлено, что нарушается минеральный обмен, в первую очередь фосфорный. А это приводит к нервным расстройствам. Облучение радиоволнами влияет и на состав крови и на органические процессы.

Благодаря многолетним исследованиям ученых ныне разработаны средства защиты от радиоволн в производственных условиях и определены предельные дозы облучения.

Электромагнитные колебания высокой частоты не являются чем-то новым для организмов, населяющих Землю, — они всегда присутствуют вместе со всеми другими излучениями Солнца и космоса. Интенсивность «естественных» радиоволн изменялась в процессе эволюции Земли. Как эти изменения влияли на эволюцию организмов! Какое воздействие оказывают сейчас! Эти вопросы стоят на очереди и ждут своего скорейшего разрешения.

ИВЭН ХАНТЕР

РАССКАЗ

ДЕТИ ДЖУНГЛЕЙ

Рис. А. Кузнецова

Известный американский писатель Ивэн Хантер несколько лет проработал педагогом в нью-йоркских школах, и положение в американском образовании известно ему не из вторых рук. В рассказе «Дети джунглей» изображена не исправительная колония для малолетних преступников и даже не школа для «трудновоспитуемых». Нет, это обычная средняя школа на окраине Нью-Йорка, где получают образование дети небогатых родителей. Картина, нарисованная И. Хантером, покажется советскому читателю страшной. Но такова сегодня действительность во многих американских школах.

Третий урок только начинался. Надо было обязательно дотянуть его до конца. Если он выдержит до конца, останется всего пять таких уроков, после чего можно будет распрощаться со школой Бернарда и уйти, наконец, домой. Домой до следующего утра. Следующее утро наступало всегда с кошмарной неизбежностью, но он давно уже привык встречать его серый рассвет с покорным смирением.

Вот уже три года, как Дэйв Кэмп работал учителем. Он был человек с мягким, податливым характером, не очень высокого роста, всегда облаченный в помятые костюмы из твида.

Сперва ему пришлось туго, но с самого первого дня в школе он старательно избегал неприятностей. Ему казалось, что сглаживать и не придавать значения было лучше всего, и другого пути он не видел. Кэмп был малокровным, физически слаборазвитым, а не каким-нибудь здоровенным верзилой, который мог бы раздавать ребятам подзатыльники, не боясь нарваться в ответ на пощечину. Да и все его гуманные побуждения стали теперь делом прошлого.

— Сегодня мы будем учиться писать деловые письма, — сказал он. И тут же бросил на учеников испуганный взгляд, по опыту зная, что сейчас услышит крики протеста.

— А зачем нам все это! — заорал с места Карлтон.

— Затем, что я считаю это для вас нужным, — вяло ответил Дэйв.

— Он считает это нужным! — передразнил Карлтон.

Это был здоровенный верзила с огненно-рыжей шевелюрой и приплюснутым, как у мопса, носом. Атмосферу опасности, постоянно исходившую от Карлтона, Дэйв учуял, когда впервые вызвал его к доске.

Дэйв кивком головы приказал ему сесть на место, снова ощутив в себе знакомое чувство усталости. Он, конечно, не боялся Карлтона и подобных ему верзил. Это был вовсе не страх. Это было все вместе взятое — бесполезность урока и никчемность работы в школе вообще. Да, да, именно никчемность!

Но тут в коридоре послышалась возня, и Дэйв немедленно предположил, что это очередная драка. С первых дней работы в школе Бернарда он старательно держался подальше от таких драк, потому что не считал себя образцом физической силы, и ему совершенно не улыбалась перспектива самому получить по физиономии, разнимая каких-нибудь взбесившихся кретинов. Поэтому он облегченно вздохнул, когда дверь класса приоткрылась и в нее просунулась голова Артура Рурке.

— Добрый день, мистер Кэмп! — улыбнулся Рурке. Однако ответить на приветствие Дэйв не успел. Голова Рурке уже скрылась за дверью, и он сказал, обращаясь к кому-то невидимому в коридоре: — Все в порядке, заходите в класс, ребята!

Дэйв нахмурился. Он не любил, когда прерывали его занятия. Ему хватало работы на уроках и без таких помех. Да и сам этот Рурке не больно ему нравился. Рурке преподавал в школе Бернарда естественные науки, и во всех его колбах и пробирках крылось что-то враждебное и непонятное. Сам Рурке был здоровенный, пышущий здоровьем детина, ростом не ниже шести футов и двух дюймов и глядел на всех преподавателей свысока.

— Заходите, заходите! — проговорил он, обернувшись к кому-то в коридоре.

Лицо Дэйва вытянулось еще больше, когда он увидел, что на пороге его класса столпилось множество учеников — целая группа. Глупо ухмыляясь, они приросли к порогу его класса. Потом, повинуясь команде Рурке, они стали растекаться по классу, заполняя все проходы между рядами и устремляясь по направлению к вешалке, то есть к задним свободным местам.

— В чем все-таки дело, Арти! — вполголоса спросил Дэйв.

— Показательный судебный процесс, Дэйв! — сказал естественник, не переставая ухмыляться. — Одного из твоих кретинов придется, по-видимому, вздернуть на виселицу!

Ребята из класса Рурке были уже, очевидно, в курсе происходящего. Они сидели с понимающими улыбками, тогда как ученики Дэйва озирались, ничего не понимая. Питомцы Дэйва переводили озадаченные взгляды с Рурке на его учеников, которые сидели вместе с ними на партах, и, наконец, обратили свои недоумевающие взоры к Дэйву с молчаливым требованием объяснить, что все это значит. Но Дэйв и сам ничего не понимал и был изумлен не меньше их.

Рурке прочистил горло и торжественно объявил:

— Объявляется судебное заседание по делу учеников школы Бернарда, штат Нью-Йорк.

— Послушай, Арти! — горячо зашептал Дэйв. — Какого дьявола ты собираешься здесь что-то устраивать! Если сюда войдет Хэмптон...

— Хэмптон сюда не войдет, — отрезал Рурке. — Хэмптон развлекает сейчас какого-то босса из министерства. Наш директор мастак по этой части.

— И все же...

Однако ребята уже, по-видимому, кое в чем разобрались. Им было все досконально известно о драках и выворачивании карманов, которые процветали в коридорах их «возлюбленной» школы. Все это они очень хорошо знали и понимали, что драки, грабежи, а зачастую и поножовщина являлись как бы обязательной частью школьной программы. Им было хорошо известно, что Счастливчик Хэмптон, как называли его за глаза, был таким директором, который предпочитал смотреть в другую сторону, когда в его кабинет вносили на носилках после очередной драки какого-нибудь залитого кровью парнишку.

— Сегодня мы с вами устроим суд над одним из учеников, который систематически и зверски избивал своих товарищей и отбирал у них деньги! — громогласно объявил Рурке притихшей аудитории. — Сегодня мы, наконец, будем судить его, потому что у нас достаточно свидетелей, которые на своей шкуре испытали кулаки этого негодяя и легко могут его опознать.

Рурке замолчал и устремил взгляд на своих слушателей, пристально всматриваясь в лицо каждого. Потом взгляд его как бы случайно задержался на Карлтоне, сидевшем в первом ряду.

— Что ты об этом думаешь, Карлтон!

— Вроде неплохая идея, сэр! — ухмыльнулся тот.

— Слушай, Арти! — вмешался Дэйв. — Нельзя ли все-таки обойтись без этого? Ведь у меня уже намечен определенный план урока...

— Воспользуешься им завтра! — отрезал Рурке. — Итак, суд вызывает первого свидетеля! Питер Донато!

С парты, неловко ухмыляясь, поднялся долговязый малый, уже не раз попадавшийся Дэйву на глаза во время его дежурств по коридору. Он решительно откинул со лба гриву черных волос и направился к доске. Проходя мимо Карлтона, он чуть заметно стрельнул в него взглядом и сейчас же повернул голову.

— Тебя ведь зовут Питер Донато! — начал Рурке опрос свидетеля.

— Да, сэр.

— Не хочешь ли ты рассказать суду о том, что случилось с тобой на прошлой неделе! Рассказать суду обо всем так же подробно, как ты рассказал мне!

— Да, сэр... конечно... — В голосе Донато не чувствовалось особой уверенности. Он облизал пересохшие губы и опять покосился на Карлтона.

Дэйв внимательно следил за Донато и, заметив, что тот не спускает глаз с Карлтона, посмотрел туда же. Карлтон, казалось, от души забавлялся происходящим. Этот Карлтон был закоренелый нарушитель дисциплины, и его, конечно, приводило в неописуемый восторг все, что изменило обычный ход занятий. Подумав о пропадающем впустую уроке, Дэйв тяжело вздохнул.

— Я шел в уборную, — начал свой рассказ Донато. — Это было в прошлый понедельник. У нас тогда еще был урок по электричеству. У мистера Абрахамса. Я попросил у него разрешения выйти из класса и пошел в уборную. Она у нас, вы сами знаете, находится в другом конце коридора. На первом этаже. Вот я и спускался на первый этаж, чтобы просто пройти в уборную, как вдруг этот парень выходит из-под лестницы и сгребает меня за шиворот.

— Дальше, Донато, дальше!

— Дальше он, не выпуская ворота моей рубашки, саданул меня головой о стенку и сказал: «Гони все деньги, какие у тебя есть».

— Что же ты ему ответил!

— Я говорю, мол, нет у меня никаких денег! У меня был при себе четвертак на завтрак и на дорогу, да только черта с два я хотел отдавать его! — Донато даже тряхнул головой в избытке справедливого негодования.

— Что же случилось потом, Донато!

— Потом этот парень стал меня... бить, — покраснев, ответил Донато. — А когда я крикнул, что денег у меня все равно нет, он саданул меня ногой в... — Донато умолк и нерешительно посмотрел на Дэйва. — Словом, он двинул меня в это место... — закончил он.

— Ну, а что же ты, стоял и смотрел!

— А что мне было делать! — плачущим голосом спросил Донато. — Вас-то самих били когда-нибудь ногой в пах, мистер Рурке!

Ребята встретили последний вопрос громким хохотом.

— Порядок во время суда! — угрожающе рявкнул Рурке, но ребята еще долго не могли успокоиться.

— Ну и что же, отдал ты этому бандиту свой четвертак!

— Да, — чуть слышно ответил Донато. Он жалобно взглянул на Рурке и перевел взгляд на притихших ребят. — Я не хотел, чтобы он переломал мне ребра! Я не хотел, чтобы он меня изуродовал! Я не хотел...

— И ты отдал ему четвертак, который получил дома на завтрак и на дорогу! Так, что ли!

— Да, — повторил Донато.

Рурке вдруг стремительно выкинул руку вперед и, ткнув пальцем в сидящих перед ним ребят, крикнул:

— Посмотри на них, Донато! Внимательно посмотри! Посмотри на них и скажи, кто из них этот бандит! Ты видишь его среди этих ребят!

— Да, сэр, я... я вижу его.

— Где же он! Покажи нам его, Донато!

Донато опять облизал пересохшие губы и нерешительно обвел глазами класс. Тишина в помещении стала теперь совсем уж неестественная, ученики затаили дыхание.

— У него, наверное, отшибло память, сэр! — тихо сказал Карлтон.

Теперь он больше не улыбался. Он так впился в Донато взглядом, что тот не в силах был отвести от него испуганных глаз. Сжав рот в сплошную тонкую щель, Карлтон смотрел на Донато в упор, пока тот не отвел глаз и не уставился на пол.

— Так кто же был этот бандит, Донато! — снова потребовал Рурке.

— Я не могу вспом... — начал было Донато плачущим голосом, но испуганно осекся на полуслове, ощутив на себе пристальные взгляды всего класса.

Дэйв следил за ним, понимая, что теперь Донато уже некуда отступать. Рассказав об избиении и признав, что этот парень находится здесь, в классе, он зашел слишком далеко. Этим бандитом, конечно, был Карлтон, которого он боялся до смерти. Но молчание означало бы публичное признание в трусости. Несколько мгновений Донато беспокойно ерзал на стуле, ломая голову, как ему теперь выкрутиться из этого положения. И вдруг его словно прорвало.

— Санчес! — заорал он. — Это был Санчес!

— Санчес! — Рурке явно не предвидел такого оборота и теперь изумленно выпучил глаза на Донато. — Но ведь ты же сам сказал мне...

— Это был он, Санчес! Плевать я хотел на то, что говорил вам раньше! — Он ткнул в Санчеса дрожащим пальцем и истерично взвизгнул: — Это был он! Он!..

Весь класс пришел в страшное возбуждение. Все ребята прекрасно знали Санчеса. Это был тихий пуэрто-риканский мальчик, никому не доставлявший хлопот. Сейчас Санчес сидел в середине среднего ряда, и головы всех ребят, как по команде, повернулись в его сторону. Глаза пуэрториканца широко раскрылись от изумления.

По лицу Карлтона расползлась торжествующая улыбка.

— Вызывается следующий свидетель! — строго и внятно сказал Рурке. Он бросил взгляд на Дэйва, и тот увидел в его глазах такую яростную решимость, что на мгновенье даже опешил.

— Дэнни Гилден! Прошу пройти к столу для дачи свидетельских показаний!

С крайнего места около окна поднялся светлоголовый тщедушный паренек и, подойдя к стулу, обернулся лицом к классу.

— Да, пострадавших у вас тут, я вижу, хватает! — сказал Карлтон, снова сопровождая реплику безмятежной улыбкой.

— Помолчи, Карлтон! Еще не все кончено, понял!

— Вот как! А мне было, черт побери, показалось, что Донато уже опознал бандита.

Санчес был не только слабосильным пареньком, плохое знание английского языка мешало ему достаточно быстро ориентироваться в обстановке. Вот и сейчас он сидел скорее огорошенный, нежели разозленный, уверенный, что это немыслимое обвинение — результат досадной ошибки, не в состоянии понять, что вокруг него смыкаются щупальца предательства.

Рурке обратился к Гилдену:

— Так что, Гилден, клянешься говорить только правду!

— Ну да, клянусь...

— Тогда расскажи, как тебя избили! Расскажи об этом суду!

— Вообще-то меня и не совсем чтобы избили...

— Ты сказал мне, что твой обидчик бил тебя кастетом!

— Простите, сэр, кто, вы сказали!
— Твой обидчик. Тот, кто тебя избил. Ты сказал, что он бил тебя самодельным кастетом, сделанным из ручки для крышки мусорного ящика. Ты сказал, что этим кастетом он бил тебя по лицу. Может, по-твоему, это не избиение!
— Наверное, так оно и есть, как вы сказали, сэр.
В классе вспыхнул смех. Ребятам все дело начинало казаться чрезвычайно забавным. Они, конечно, видели, что Гилден до смерти напуган, и, наслаждаясь его смятением, наклонились на своих партах, чтобы получше видеть его жалкую физиономию.
— Может, ты все-таки вспомнишь, что этим кастетом тебе раскроили губу, Гилден!
— Да вообще-то мне ее малость раскроили, — осторожно согласился Гилден.
— Как это «малость»! Разбили тебе губу или нет, черт бы тебя побрал! — не выдержал Рурке.
Гилден помолчал и нерешительно посмотрел на Карлтона.
— Да, — сказал он, наконец, и это слово прозвучало так, словно его вытащили из него клещами.
— И сколько же денег отнял у тебя этот бандит!
— Доллар.
— Кто!
— Тот самый парень, сэр.
— Кто, я спрашиваю! Как его зовут!
Гилден уставился в пол и молчал.
— Кто был этот парень, Гилден! Кто обработал тебя медным кастетом и отобрал у тебя доллар! Да говори же, Гилден, черт бы тебя побрал!
— Это был... Санчес, — чуть слышно пробормотал Гилден.
— Что! — ошарашенно встрепенулся Санчес. — Мистер Кэмп, но ведь я же не...
— Даю тебе последний шанс сказать правду! — мрачно предупредил Рурке. — Скажи, кто тебя избил, Гилден! Не бойся, Гилден! Скажи правду!
— Это был Санчес! — упрямо повторил Гилден.
— Иди на место, Гилден! — рявкнул Рурке.
Он нервно облизал губы, потом выхватил из кармана платок, вытер мокрую от пота верхнюю губу и посмотрел на часы. Возможность такого оборота дела не приходила ему в голову, и вид у него сейчас был разъяренный.
— Мы только попусту тратим время, Арти! — шепнул ему Дэйв. — Разве ты не видишь, как они все боятся Карлтона! Ты зря заварил эту кашу, Арти! Ведь ты же сам...
Дэйв внимательно следил за Рурке. Ему стало интересно, какие мысли роятся сейчас в голове его коллеги. Рурке и правда, казалось, мучительно что-то обдумывал.
— Послушай, Арти! — не выдержал Дэйв. — Давай-ка свернем все это дело! Просто забудем об этой истории — и делу конец!
— Ни за что! Чтобы все эти кретины потом надо мной смеялись! — Рурке вплотную придвинул свое лицо к лицу Дэйва и обжег его гневным взглядом. — Чтобы все эти мерзавцы растрезвонили об этом по всей школе! Ни за что на свете, Дэйв!
Рурке откашлялся и повернулся лицом к классу.
— Вызывается Карлос Санчес!
Санчес растерянно улыбнулся.
— Меня, мистер Рурке!
Санчес умоляюще посмотрел на ребят и беспомощно развел руками, словно хотел этим жестом доказать им свою невиновность. Он вышел на середину и, повернувшись лицом к классу, сел на предложенный ему стул.
— Клянетесь ли вы говорить правду, одну только правду, и ничего, кроме правды!
— Да, — ответил Санчес. — Да, сэр, клянусь.
— Зачем ты избил и ограбил этих ребят, Санчес! — както очень спокойно спросил Рурке.
Брови пуэрториканца изумленно взлетели.
— Избил!.. Ограбил!.. — ничего не понимая, переспросил Санчес. — Клянусь вам, мистер Рурке, что я ничего подобного не делал! Клянусь вам своей матерью! Пусть поразит меня господь слепотой, если я вру!
Дэйв взглянул на Рурке, увидел выражение его лица и вдруг понял, чего добивается Рурке. Он уже здорово подмочил свою репутацию во время опросов предыдущих свидетелей. Рурке пришлось не только проглотить всю эту чушь о пустяковых царапинах, которую преподнес ему Гилден, дело оказалось куда более серьезным. Карлтон запугал до смерти обоих свидетелей, и замысел разоблачить бандита был с самого начала обречен на провал. Рурке мог, конечно, замять это дело, постараться забыть о нем, согласившись, что партию выиграл Карлтон, но ребята этого не забудут, они будут знать, что Карлтон одержал победу над учителем, они будут шептаться, что он струсил, и вот поэтому Рурке сейчас старался круто изменить ход процесса, применив новую тактику.
Эта тактика была противной, когда ею пользовался Донато, отвратительной, когда ее повторил Гилден, теперь же, когда ею воспользовался сам Рурке, тактика оказалась просто позорной и предательской
Дэйва словно громом поразило, когда он это понял. Он долго переваривал понятое, ломая голову, как ему поступить, чтобы немедленно прекратить этот позор. Санчес был ни в чем не виновен. Дэйв мог дать голову на отсечение, что это так. Но Санчес был робкий и застенчивый паренек, чем-то похожий на самого Дэйва.
— Признавайся, Санчес! — гремел Рурке, отчаянно стараясь повернуть дело в намеченное русло. — Бесполезно отпираться! Тебя уже опознали два свидетеля!
— Я этого не делал, — тихо сказал Санчес, и руки его бессильно упали на колени. — Я этого не делал, и я вам это докажу, мистер Рурке! Ведь меня... меня самого избили, мистер Рурке! Избили и отняли все деньги, которые у меня были!
— Надо же, как врет! — сказал Карлтон. — Неужели вы сами не видите, мистер Рурке!
— Кто тебя избил! Кто тебя ограбил! — орал Рурке, следуя теперь новой тактике, зная, что у Санчеса не хватит мужества обвинить Карлтона, понимая, что он ни за что на свете не посмеет этого сделать. — Что же ты онемел, Санчес! Может, ты скажешь, что не видел, кто тебя избивал!
Санчес посмотрел на Карлтона затравленным взглядом.
— Я... я видел...
— Кто! — гремел Рурке. — Скажи мне, кто это был!
Карлтон лениво сунул руку в карман и положил что-то на краешек парты. Дэйв долго всматривался и, наконец, разглядел, что это было. Искусно согнутая таким образом, что отлично умещалась в сжатом кулаке, на парте перед Карлтоном лежала ручка от крышки мусорного ящика. Отполированная до блеска медь кастета угрожающе сверкала. Карлтон взял кастет в руки и стал многозначительно играть им.
— Довольно, Санчес! Мы знаем, что ты врешь! Лучше тебе самому во всем...
— Я не вру! — крикнул Санчес.
Он отчаянно мотнул головой, и из глаз его хлынули слезы. Санчес сжимал и разжимал кулаки на своих коленях, а Дэйв глядел на него и испытывал горячее сочувствие к этому парнишке, какое-то необыкновенное братское чувство, неожиданное для него самого и поэтому ошеломляющее. Он старался не дать этому чувству овладеть его сознанием и поступками. Дэйв старательно избегал неприятностей с первого своего урока в этой школе и не хотел неприятностей теперь. Зачем ему вмешиваться! Пусть Рурке обелит свой авторитет перед ребятами, а он забудет об этом Санчесе, и никто не пострадает.
— Кто это был, Санчес! — опять потребовал Рурке. Пот стекал теперь по лицу его струйками.
Санчес теперь уже даже не старался сдерживать рыдания, губы его дрожали, слезы катились градом по щекам. Он плакал отчаянно и безудержно и все смотрел на страш-

ный медный кастет, которым играл на парте Карлтон, зная, что этот кастет был предупреждением ему, Санчесу. Он горько плакал, и внутри его словно что-то клокотало, не в силах вырваться наружу. Все его тонкое, худое тело сотрясалось от рыданий. А Дэйв смотрел на него и понимал, что он и Санчес — это одно целое, всей душой он стремился ему помочь и в то же время боялся вмешаться.

И тогда Санчес вдруг вскочил на ноги. Словно он не мог уже больше сдерживать то, что клокотало внутри его. Карие глаза его ярко сверкали, даже покрывавшая их пелена слез не могла скрыть этого блеска. Губы его раскрылись, и изо рта понеслись отрывистые, бессвязные слова:

— Плевать! Плевать я хотел на все! Плевать мне на его кастет! Это был...

Дэйв увидел, как Карлтон потянулся за кастетом и крепко стиснул его в кулаке. Санчес тоже видел кастет. Но он вскинул отчаянно голову и взвизгнул: «Карлтон!» — словно оторвал от себя что-то противное и омерзительное.

Карлтон вскочил и, сверкнув зажатым в кулаке кастетом, бросился к Санчесу.

— Паршивая пуэрто-риканская крыса! — прорычал он.

А Дэйв смотрел на него во все глаза, понимая, что Санчес одолел Карлтона, что этот хилый парнишка устоял, одолел всех своих недругов и устоял, завоевав самое ценное в жизни — право называться человеком! Карлтон ринулся мимо него к стулу, на котором сидел Санчес, медный кастет еще раз блеснул у него в кулаке, и Дэйв вдруг вспомнил, что он всю свою жизнь избегал неприятностей, всю свою проклятую жизнь...

Неожиданно для себя он рванулся вперед и с удивлением увидел, как его рука схватила Карлтона за ворот безрукавки и рванула на себя. Выражение дикой ненависти на лице Карлтона сменилось безграничным удивлением, а потом пропало и удивление, и осталась только одна застывшая подлая ухмылка, и тогда Дэйв выбросил вперед кулак свободной руки и что было сил саданул его под челюсть.

Он увидел, как ему под ноги бесформенной грудой свалился Карлтон, услышал разноголосый крик ребят, выражавших ему свое одобрение, а Рурке стоял рядом, разинув рот от изумления, и лицо его сделалось белым как мел, словно его намазали кремом для бритья.

— Что теперь делать, Дэйв! — спросил он дрожащим от страха голосом. — Как ты мог его ударить! Черт бы тебя побрал, Дэйв! Что ты теперь скажешь Хэмптону!..

— К чертовой матери! — заорал Дэйв и улыбнулся, потому что это были совершенно непривычные, чужие для его языка слова. — Это мой класс, черт бы вас всех побрал! А теперь уведите отсюда ваших учеников и убирайтесь сами!

— Ты сошел с ума... — растерянно бормотал Рурке.

Но Дэйв уже не слушал, он повернулся к Рурке спиной и, подойдя к Карлтону, поднял с пола самодельный медный кастет. Он поднял его, подкинул на ладони и, бросив на класс взгляд, увидел, что Рурке уводит своих питомцев из класса и что Санчес смотрит на него широко раскрытыми глазами. Он не стал смотреть на Рурке. Он посмотрел Санчесу в глаза и сказал:

— Ты не бойся, Санчес, мы позаботимся об этом Карлтоне! Он у нас отправится туда, где для таких, как он, приготовлены теплые места! Только бы ты... — Он запнулся и, помолчав, добавил: — Только бы ты согласился повторить перед директором все, что ты сказал перед... судом!

— Обязательно повторю! — воскликнул Санчес. — Спасибо вам, мистер Кэмп! Если бы не вы...

— Что ты, Санчес, — улыбнулся Дэйв, — это тебе спасибо, дружище!

И худенький пуэрториканец улыбнулся ему в ответ, хотя он, конечно, совсем не понимал, за что Дэйв его благодарит.

Перевод с английского Ф. СОЛОМАТИНА и Ю. РАЙСКОГО

ИНТЕРВЬЮ С АНЖЕЕМ ВАЙДОЙ

Во время поездки в Алжир известный польский кинорежиссер Анжей Вайда (создатель фильмов «Поколение», «Пепел и алмаз», «Канал», «Пятеро с улицы Барской», «Лотна») дал интервью еженедельнику «Революсьон Африкэн»). Мы публикуем это интервью с небольшими сокращениями.

ВОПРОС: «Пепел и алмаз» рассказывает о начале новой эпохи в истории Польши, потому что действие фильма происходит 8 мая 1945 года. «Лотна» же описывает конец предшествовавшей эпохи. Однако вы сняли «Лотну» после «Пепла и алмаза». Чем это объяснить?

ВАЙДА: Да, мои первые фильмы — «Поколение», «Канал», «Пепел и алмаз» — представляют собой трилогию о войне 1939—1945 годов. Поставив их, я заметил, что не хватает фильма о предшествующем периоде, поэтому я создал «Лотну». Сейчас у меня обширный план создания большого фильма о всей второй мировой войне в Польше. В этой работе я не имею возможности вдохновляться каким-либо крупным романом вроде «Войны и мира», потому что такого романа у нас нет, зато в Польше существует большое количество рассказов и новелл, материалом которых я собираюсь воспользоваться.

ВОПРОС: Нет ли у вас намерения снять фильм, не затрагивающий тему войны?

ВАЙДА: Каждый художник имеет право выбирать интересующую его тему. Война была самым большим событием в моей жизни. Я испытываю внутреннюю потребность говорить о событиях, которые затронули меня. Я считаю, что работник кино должен говорить о своем поколении. Мне труднее создать фильм о нынешнем молодом поколении. Когда пожилые режиссеры снимали фильмы о молодежи — ничего нового не получалось ни в Польше, ни во Франции.

ВОПРОС: Сделаете ли вы фильм о современной Польше?

ВАЙДА: Да. Это будет первый фильм, снятый по моему сценарию. Действие происходит в среде артистов. Фильм явится своеобразной данью Цыбульскому.

ВОПРОС: Все ваши фильмы или по крайней мере большинство из них сделаны в трагическом плане. Но вы ведь живете в социалистической стране. Нет ли противоречия между этой трагической окраской фильмов и оптимизмом, который вытекает из вашего мировоззрения?

ВАЙДА: Вы ведь понимаете, что действие почти всех моих фильмов происходит во время войны, то есть до установления социалистического строя. Я рассказываю о ситуациях, которые существовали до революции. Следовательно, трагическая окраска моих фильмов оправдана.

ВОПРОС: Придаете ли вы большое значение сценарию?

ВАЙДА: Фильм создается не на бумаге, а во время съемок. Естественно, вначале должно быть какое-то общее представление о картине в целом, но затем необходимо импровизировать. И я считаю, что в настоящем актере заложены богатые основы для импровизации. Постановка фильма состоит в том, чтобы суметь отказаться от некоторых деталей сценария.

ВОПРОС: Расскажите о Збигневе Цыбульском.

ВАЙДА: О Збигневе я могу говорить без конца. Мне пришлось работать с ним долгое время. Мы были в дружеских отношениях. Он был не только большим актером, но и необыкновенным человеком.

Правда, с ним было трудно ужиться. Он не всегда хотел мириться с ограничениями и требованиями, которые возникают в процессе работы актера. Но когда начинались съемки фильма, Цыбульский отдавался им весь, его работа была великолепна.

Мы работали также вместе в театре. Однажды мы играли в пьесе «Шляпа, полная дождя». Представление должно было вот-вот начаться, а Збигнева все не было. Зал ждал. На улице послышался шум мотоцикла. Спустя несколько секунд вошел Цыбульский, но шел он не там, где входят артисты, а через вход для зрителей. Он забыл даже снять свой шлем.

Он поднялся на сце́ну и сразу же начал играть. Для него не было различия между жизнью на сцене и повседневной жизнью актера.

Збигневу трудно было примириться с тем, что он стареет. Он всегда считал себя молодым. Может быть, по этой причине Цыбульский и погиб в результате несчастного случая. Как всегда, опаздывая, Збигнев хотел догнать уходящий поезд. Раньше он это делал часто. Но на этот раз не смог.

ПРИЧЕСКИ

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10

Мастера веселого цеха

ЭРИХ ШМИТТ

Известный карикатурист ГДР Эрих Шмитт родился в 1924 году. Свою первую карикатуру он нарисовал мелом на полу в четыре года. Взрослые говорили, что его лошадка смеется.

После окончания школы Эрих поступил в профессиональное училище, чтобы стать слесарем. Но на чертежах он всегда рисовал смешные рожицы. Слесарь из него не получился. Он решил попробовать свои силы в театре. В заключительной сцене «Цыганского барона» актриса обняла и поцеловала юного солдата. Эрих, для которого этот поцелуй был первым в жизни, так испугался, что уронил ружье и убежал за кулисы. На этом его артистическая карьера кончилась.

В 1967 году Шмитт начал работать в журнале для молодежи «Старт», а через год перешел в крупную газету «Берлинер цейтунг», в которой и сегодня продолжает публиковать свои острые и веселые рисунки.

азбука

Для этого комплекса упражнений требуется гладкая широкая доска, конец которой надо положить на возвышение.

Упражнения выполняются по 10—15 раз.

1. После разминки, лежа на животе и держась за край доски, поднимайте попеременно то правую, то левую ногу. Дышите через нос.

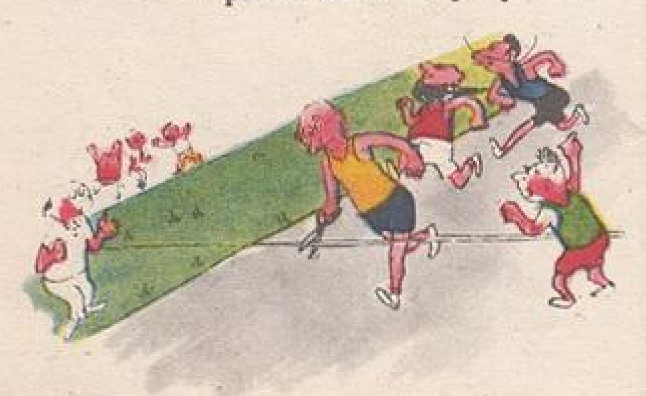
2. Лежа на левом боку и держась за край доски, медленно поднимайте правую ногу. Повернитесь на другой бок и повторите упражнение. Это упражнение лучше выполнять с нагрузкой, для этого приподнимите доску на бо́льшую высоту или привяжите к стопе какой-либо груз — например, гантель.

3. Возьмите легкие (2—4 килограмма) гантели. Сядьте на доску и, подняв руки на высоту плеч, поворачивайте туловище.

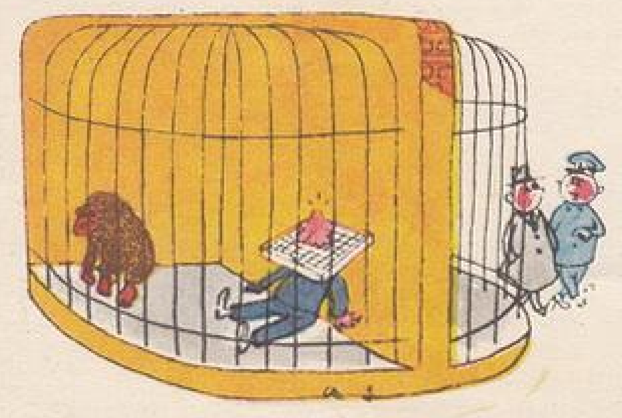
4. Лежа на спине, поднимайте обе ноги вместе до прямого угла с туловищем.

5. Возьмите в руки гантели. Зацепившись ногами за верх доски, ложитесь на спину, как показано на рисунке 5. Выпрямляя руки с гантелями, сделайте выдох, опуская — вдох.

По окончании упражнений побегайте или попрыгайте со скакалкой. Затем походите на месте. Помните, что во время упражнений нужно дышать равномерно.



Педант.

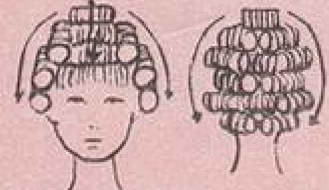


И надо же ему было обыграть этого шимпанзе?

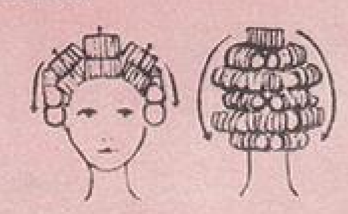
Какой вам номер набрать?

УГОЛОК МОД

В стиле причесок произошли изменения. Доказано, что начес вреден, волосы от него редеют и секутся. Как же укладывать длинные волосы девушкам, чтобы их прически не были вычурными, замысловатыми? Парикмахеры уже решили эту проблему. Мы предлагаем вам прически, популярные сейчас во многих странах мира. Их можно делать самим, они удобны тем, что простую, каждодневную прическу легко превратить в нарядную, праздничную, украсив волосы брошью или лентой в тон платья.



На первой схеме вы можете увидеть, как надо уложить волосы для прически № 7 (волосы накручиваются на крупные мягкие бигуди, челка, для пышности, — на ватный тампон). На фото 6 — нарядный вариант той же прически (волосы собраны в пучок на затылке и скреплены зажимом, боковые пряди уложены кольцом).



На второй схеме — подготовка волос для прически № 8. Нарядный ее вариант (№ 9) получится, если волосы зачесать с боков и спереди и перевязать на макушке лентой.

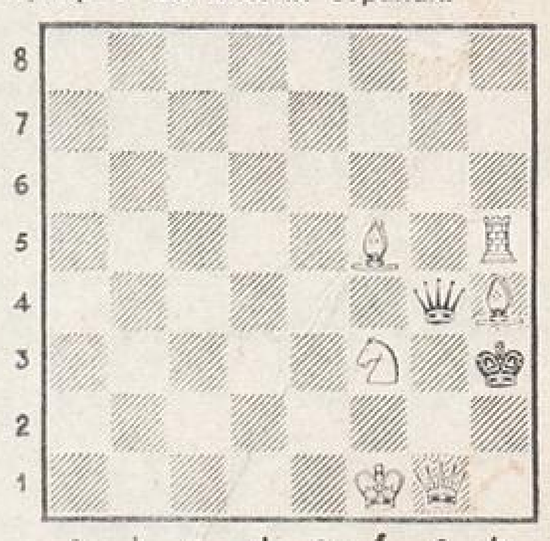
Для этих четырех причесок волосы должны быть пострижены ровно.

ТРИ ДРУГА

Художник Виктор Кириллов нарисовал трех друзей. Он не сказал, из какой они страны, как их зовут. Мы знаем только то, что друзья живут на одной улице, что они очень любознательны и что с ними постоянно происходят какие-нибудь приключения. Предлагаем вам придумать рисованный рассказ про этих ребят (из 4—5 рисунков с подписями или без них) и прислать его в редакцию не позже 31 марта. Лучший рассказ будет опубликован в журнале.

КИПЕРГАНЬ

Задача известного американского проблемиста Эдгара Холладея необычная: белые начинают и заставляют черных не позднее 6-го хода объявить мат... белому королю. Этот вид «сказочных шахмат» называется обратным матом, или «киперганъ» (от французского „qui perd gagne" — «кто проигрывает, тот выигрывает»). Композиции с подобным содержанием популярны во многих странах.



Ретроанализ позиции, опубликованной в № 9, показывает, что последний ход черных ...f 7 — f 5. Поэтому к цели приводит 1. e5 : f6 (на проходе)!

ШКОЛА ТОЧНОЙ МЫСЛИ

ЗАПЛАТА

Евгения Александровна зацепилась за гвоздь и порвала шубу. Дома она отыскала кусочек меха и вырезала из него треугольную заплату той же формы, что и прореха. Но, приложив мех, она увидела, что заплата закроет прореху только в том случае, если ее положить мехом внутрь.

Евгения Александровна обратилась ко мне за советом.

— Вашему горю помочь легко, — ответил я, — надо лишь разрезать заплату на три части.

— А нельзя ли ее поменьше резать? — попросила она.

Я внимательно осмотрел заплату, измерил углы и обнаружил, что один из них вдвое меньше второго, а второй вдвое меньше третьего.

— Что ж, можно разрезать заплату на две части, причем несколькими способами.

Как разрезать заплату на три части, как на две? Ждем вашего ответа.

ШОКОЛАДКА

Как разделить эту шоколадку по всем бороздкам, ломая ее минимальное число раз?

УДИВИТЕЛЬНОЕ ЧИСЛО

Существует десятизначное число, у которого первая цифра равна числу нулей, вторая — числу единиц, третья — числу двоек и так далее, последняя — числу девяток. Найдите это число.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12 ЗА 1967 ГОД

1. Пачанга. 2. Бартоло. 3. Стефано. 4. Фанфара. 5. Лозанна. 6. Ласочка. 7. Золушка. 8. Сиртаки. 9. Алибабки. 10. Пропилеи. 11. Неаполь. 2. Клиберн. 13. Табльдот. 14. Лицензия. 15. Монако. 16. Тереза. 17. Краков. 18. Еретик.

Главный редактор Г. А. КАШОЯН.

Редакционная коллегия: М. А. ДРОБЫШЕВ, И. С. ЗЕНУШКИНА, И. Т. КОМОВ, К. Е. НЕПОМНЯЩИЙ, Д. М. ПРОШУНИНА, А. В. ФЕДОТОВ (зам. главного редактора), А. Н. ФИЛАТОВ (ответственный секретарь), В. Г. ЯРОВОЙ.

Худож. редактор О. С. Овчинникова.

Техн. редактор Г. Е. Петровская.

Адрес редакции: Москва, К-104, Спиридоньевский пер., д. 5. Телефон Б 1-96-55. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 18/XI 1967 г. Подп. к печ. 19/XII 1967 г. А14944. Формат 60×90 1/8. Печ. л. 3 (усл. 3). Уч.-изд. л. 5,2. Тираж 450 000 экз. Цена 20 коп. Заказ 2578. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

МАРКИ КУБЫ

О многом могут рассказать почтовые марки. По ним можно проследить историю целого государства.

Перед нами коллекция марок социалистической Кубы, отмечающей в этом году девятую годовщину своей народной революции. Вот знаменитая «Гранма», доставившая повстанцев-барбудос к берегам их родины для борьбы с тиранией Батисты. А вот память об одной из первых побед в мирном строительстве, годовщине народной сафры, — так называют на Кубе сбор сахарного тростника.

Марки рассказывают об аграрной реформе социалистической Кубы, о кампании по ликвидации неграмотности, получившей название алфабетизации. Символом этой кампании стал фонарь, а ее итогом — появление на острове Свободы таких замечательных сооружений, как педагогический институт имени Макаренко.

Революция принесла на Кубу свет знаний и научила людей несгибаемой стойкости в минуту испытаний. Вот марка, выпущенная в честь годовщины сражения на Плайя-Хирон. А вот Куба наших дней. Павильон на ЭКСПО-67. Комбайны на уборке сахарного тростника, который испокон веков рубили вручную. Серия марок, рассказывающая о помощи, которую оказывает молодой республике Страна Советов.

Цена 20 коп. Индекс 70781

БЕГСТВО ТАЙНЫМИ ТРОПАМИ

Газета „Вохенпост“ (ГДР)

Американский солдат Гордон Мемпан после отпуска отказался возвращаться во Вьетнам. Он переехал в Великобританию и попросил у правительства политического убежища.

Мемпан не одинок. Весной 1967 года прогрессивные молодежные организации западных стран выпустили листовки с призывом к американским солдатам дезертировать. «Бегите по одному или группами! Скажите войне «нет»! Не бойтесь ничего!» — говорилось в листовках. Подобные призывы распространялись в армейских барах Сайгона, на военных базах в ФРГ, Норвегии, Италии. Их даже рассылали по почте прямо в казармы. В то же время во многих странах Западной Европы начали действовать подпольные «приемные пункты». Их организаторы подыскивали для бежавших квартиры и документы, устраивали на работу.

Успешно действуют противники войны во Франции. Раньше полиция этой страны могла выдать их американским властям. Однако с выходом Франции из НАТО положение изменилось, и бывшие солдаты находят здесь надежное убежище.

Помогают беглецам и молодые голландцы. Они устраивают дискуссии на железнодорожных станциях, вовлекают в них американских солдат, разъясняют агрессивный характер политики США.

Нидерландское телевидение сообщило недавно, что из американских частей, расквартированных на территории ФРГ, бежало более 500 человек. Журнал «Тайм» в статье «Америка теряет солдат» констатировал дезертирство более тысячи американских солдат в Европе.

Несколько тайных организаций, помогающих уклоняться от отправки во Вьетнам, работают в самих Соединенных Штатах. Бюро одной из таких организаций действует легально в канадском городе Торонто и помогает беглецам устраиваться на работу. Государственный секретарь Канады подтвердил недавно, что уже более тысячи молодых американцев осело в Канаде, предпочитая жизнь на чужбине отправке во Вьетнам. Требование американского правительства об их выдаче отклонено.

КТО БОЛЬШЕ?

Журнал „НБИ“ (ГДР)

На футбольном аукционе Италии самая большая сумма денег была уплачена за Гигетто Мерони, нападающего из Турина: 750 миллионов лир. «Гигетто, — писала одна из газет, — весит 67 килограммов. Чтобы его приобрести, заплатили 11 миллионов лир за каждый килограмм — в пять раз больше, чем за чистое золото, и в четыре раза больше, чем за платину».

Было бы наивно полагать, что Гигетто обогатился в результате этой сделки. На футбольной бирже таких, как он, множество, и все они рассматриваются как ходовой товар. Почти вся уплаченная за Гигетто Мерони сумма записана на текущий счет заправил футбольного бизнеса.

ВОРОВСТВО [illegible] ЗАКОНУ

Крупнейшая афера, раскрытая недавно в США, связана с Цианамидской фармацевтической корпорацией. Руководство этой корпорации ассигновало 21 миллион долларов на получение нового лекарственного препарата. Однако после завершения работ агенты конкурирующей фирмы похитили формулу препарата и продали ее другой фирме за 445 тысяч долларов.

Кража чужих секретов в мире бизнеса давным-давно уже никого не удивляет. Каждый раз, когда та или иная фирма готовится к выпуску новой продукции, ее конкуренты лезут из кожи вон, чтобы разведать секреты производства. Подкупленные агенты используют в своей практике самые изощренные приемы. В августе 1967 года в местечке Колд Эш, неподалеку от города Ньюбери

(Англия), появился ст
дент. Свою палатку
с виллой, в которой
ское бюро известной
студент попросил у со
поговорить по телефо
нулся. А через нескол
ли виллы обратили вн
в телефонной трубке.
ли миниатюрный ради
крепленный к аппарат
место полиция нашла
дента» приемник, кото
ся для выуживания чу
Хотя радиоподслуш
запрещено, любая фи
рести для своих аге
оборудование. Создана
шпионского ширпотре
ты используют микро
ванные под запонки,
стуков
зубы.
ром не
пачки
говор
90 метр
правлен
улавлив
беседы
В книге
ны» ра
использ
ских це
которых
роперед
В усл
кто не
рантиро
шивани
идут на
нения
Новые
ских ав
ляются
в наиболее отдаленны
Подготавливая выпус
одна табачная компан
изыскания условным
ванием. Возле здания
вооруженная охрана.
лась в Голландии, а т
лик — в Париже.
Правила морали не
ствует в жестокой вой
В этой борьбе каждый
горло конкуренту, хот
глядит благопристойно
нутая рука, видимость
ношений и, наконец,
такова логическая п
«военных действий» о
тив другой.